
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (140). Май, 2014

Серия: **Общественные и гуманитарные науки**

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Москва)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)
- МАРЕК ВОХОЗКА**
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)
- Н. Н. МЕЛЬНИКОВ**
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- В. П. ОРФИНСКИЙ**
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)
- ПААВО ПЕЛКОНЕН**
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- И. В. РОМАНОВСКИЙ**
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор (Москва)
- СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА**
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)
- Л. Н. ТИМОФЕЕВА**
доктор политических наук, профессор (Москва)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
- МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ**
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)
- Р. М. ЮСУПОВ**
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
- Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»
- В. А. АЧКАСОВ**
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Т. А. БАБАКОВА**
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. Г. ВЕРИГИН**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- А. В. ВОЛКОВ**
кандидат философских наук (Петрозаводск)
- РИХО ГРЮНТХАЛ**
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
доктор филологических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
- Ю. М. КИЛИН**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук (Петрозаводск)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
- Т. Г. МАЛЬЧУКОВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
- А. М. ПАШКОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
- В. М. ПИВОЕВ**
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)
- С. Н. ЧЕРНОВ**
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (140). May, 2014

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p style="text-align: center;">V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p>	<p style="text-align: center;">PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>
<p style="text-align: center;">V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p>	<p style="text-align: center;">HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)</p>
<p style="text-align: center;">MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)</p>	<p style="text-align: center;">L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)</p>
<p style="text-align: center;">N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)</p>	<p style="text-align: center;">A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)</p>
<p style="text-align: center;">V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p>

Editorial Board of the Series
“Social Sciences & Humanities”

<p style="text-align: center;">V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p>	<p style="text-align: center;">S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">R. GRYŪNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)</p>	<p style="text-align: center;">V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>
<p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>	<p style="text-align: center;">M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ*Такала И. Р.*

От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии 7

Старицын А. Н.

Староверческие поселения в окрестностях Диодоро-Юрьегорского монастыря 18

Кузнецова Н. Ю.

Старообрядческое сатирическое сочинение «Адская газета» в оценках А. Н. Афанасьева и А. С. Пругавина 24

КУЛЬТУРОЛОГИЯ*Стачинский В. И.*

Соотношение эпического и лирического в «Калевале» (на примере образа Куллерво в симфонии № 2 А. Белобородова) 28

Bouras A.

О влиянии музыкальной терминологии на теорию и практику русского авангарда 33

ПЕДАГОГИКА*Остроумова Ю. С.*

Методические основы подготовки педагогических кадров по физике в области современных наукоемких технологий 38

СОЦИОЛОГИЯ*Безрукова О. А.*

Этика ответственности перед будущим с позиции современной социологической методологии 42

ПОЛИТОЛОГИЯ*Иноземцева В. А.*

Открытость местного самоуправления как фактор стабильности и безопасности общественно-го развития 47

ФИЛОЛОГИЯ*Крылова М. Н.*

Прецедентные ситуации в образной системе современного русского сравнения 50

Федоров М. А.

Крестьянское понимание времени: репрезентация концепта «время» в словаре В. И. Даля 55

Байкова В. В.

Типология имен героев онежских былин и «Калевалы» 59

Мальшиев А. А.

Рассуждения о языке и стиле в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) 62

Семенова О. В.

Окказиональное употребление терминов, канцеляризм, фразеологизмы в повести А. Платонова «Котлован» 66

Колесникова Е. И.

Военные дневники и записные книжки писателей: жанрово-повествовательные особенности 70

Симонова Л. А.

Французский личный роман: к проблеме жанра 74

Романовская И. В.

История первой публикации Андрея Платонова в Швеции 79

ФИЛОСОФИЯ*Мартишина Н. И.*

Феминистская философия науки: границы тематического пространства 82

Грякалов Н. А.

Шаблоны и вариации (к филогении сознания) 88

Куксо К. А.

Принцип фрагментации тела: генеалогия и альтернативы 91

Скрипченко Д. В.

Пространства массмедиа: подходы модерна и постмодерна 94

ЭКОНОМИКА*Стрельцова Е. Д., Бородин А. И., Катков Е. В.*

Инструментарий стратегического управления устойчивым развитием промышленного предприятия 98

Божко Л. М.

Модель маркетинговой оценки стратегической эффективности организационных изменений 103

Лебедева Ю. В.

Институциональный подход и элементы теории транзакционных издержек при построении трех-элементной модели человеческого капитала 107

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ*Смирнова Ю. М., Кузин Д. А.*

Особенности реализации форм взаимодействия населения и органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения 112

Чертенкова Н. П.

Оценка возможности применения медиации при разрешении административного спора через призму зарубежного опыта 117

Рецензии*Урванцева Н. Г.*

Рец. на кн.: Колесова Л. Н. Проза для детей: XX век, вторая половина; Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917) 120

Чумаков Г. В.

Рец. на кн.: Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений 121

Юбилей

К 85-летию А. С. Ревайкина 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrSU.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Подписано в печать 13.05.2014. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 135

Индекс 66094. Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 irina.takala@onego.ru

ОТ ФЕННОФИЛЬСТВА К ФЕННОМАНИИ: ХЕНРИК ГАБРИЭЛЬ ПОРТАН И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ ФИНЛЯНДИИ*

В статье рассматриваются особенности финляндской общественной и национальной мысли второй половины XVIII века, выявляется специфика финляндского Просвещения. Основное внимание уделяется философскому наследию Хенрика Габриэля Портана, которое оказало большое влияние на становление гуманитарного знания в Финляндии и развитие финского национального движения в XIX веке.

Ключевые слова: история Финляндии, Просвещение, национальная мысль, Х. Г. Портан, фенноманы, Туркуский университет (Або Академия)

В начале 1840-х годов, когда национальное движение в Финляндии набирало силу, один из лидеров фенномании, журналист и начинающий писатель Захариас Топелиус в своей газете «Helsingfors Tidningar» опубликовал ироническое стихотворение «Великое Ничто»:

Рассмотрим страну у Лапландской границы,
 Где лед как алмазы годами светится,
 Нет, это не Франция – что не ошибка!
 И не Германия – примем с улыбкой!

Нет золота Англии – это ль не страшно?
 Достаточно жестко и мрачно окрашено?
 Здесь хлеб из пшеницы совсем не едят,
 И на сосне не растет виноград!

Нет финской промышленности – где наш
 Манчестер?
 Торговли – добьемся ль Голландии чести?

Для земледелия нужно гуано,
 Для сыра – коровы, их нет, как ни странно.
 И дым паровоза не видел мой дом;
 Жестоко, но так уступаем во всем!

<...>

А есть ли идеи у тех, кто не пишет?
 Образованье? – Смешно это слышать:
 В Германии в день пишут то, что мы в год,
 Нам не понять этой мысли полет.

<...>

Есть университет – улыбнись же, приятель!
 Там величайший – Портан-собиратель,
 Благие намеренья, борзый писатель,
 Но не вневременных мыслей создатель.

<...>

Я громко кричу, пусть и что-то упущено:
 Здесь больше того, чего нет, а не *сущего*,
 И все есть ничто, и конец не случайный.
 Ничто это все? – Разгадайте мне тайну!¹

Это была сатира Топелиуса на статьи Йохана Вильгельма Снельмана в только что созданной им газете «Сайма». Так же, как Адольф Ивар Арвидссон в начале 1820-х годов, Снельман начал свой путь лидера фенноманского движения с жесткой критики всей окружавшей его финляндской действительности. По его мнению, Финляндия безнадежно отстает от стран Европы в своем экономическом, политическом, духовном развитии, а финская нация уже «опускается в могилу»². Виновны в этом образованные слои общества, не желающие понимать духа времени, выходить за рамки культурной фенномании и соединять проблемы национального развития с вопросами государственного строительства.

Действительно, в начале 1840-х годов многие деятели финского национального движения продолжали выстраивать концепции развития края на неогуманистических представлениях о финнах как «неполитической нации», которой политические интересы всегда были и будут чужды. Финской национальной культуре, по их мнению, надлежало развиваться в русле «чистой культуры», в стороне от социально-политических движений эпохи. Большое влияние на формирование подобных взглядов оказали идеи философа Йохана Якоба Тенгстрема, ученика упомянутого в стихотворении Топелиуса Хенрика Габриэля Портана, которые во многом перекликались с гуманистическими идеалами учителя. В работах Тенгстрема впервые выдвигается антитеза Финляндии и Европы: патриархальная финская самобытность противопоставлялась европейской буржуазной цивилизации³. Эти идеи хорошо прослеживаются в творчестве Йохана Людвиг Рунеберга, чьи произведения 1830-х годов – прежде всего «Охотники за оленями» и «Сказания фенрика Столя» – заложили основы финского «официального национализма» [2; 199].

О самом Портане к тому времени мало кто уже вспоминал. Однако еще двадцать лет спустя, когда и в Финляндии созрела потребность в знаковых национальных фигурах, вокруг которых можно было бы объединить общество, трудолюбивый и педантичный профессор Туркуского университета XVIII века, действительно очень много сделавший для развития гуманитарного знания, но мало подходивший на роль национального героя [2; 205–207], был возведен фенноманами в этот ранг. Поставленный в 1864 году в Турку памятник Портану стал первым монументом Финляндии, сюжет которого не имел библейского или императорского подтекста. На постаменте воздвигнутого на добровольные пожертвования памятника были выбиты слова: «Возвысившему Финляндию и финский народ» [27; 214].

Так кто же такой был Хенрик Габриэль Портан, каков его вклад в становление философской и общественной мысли Финляндии и в какой степени его творчество оказало влияние на формирование финского национального идентитета?

В финляндской историографии историю национального строительства и финского национализма, как правило, начинают с момента присоединения Финляндии к России. Мало кто связывает напрямую идеи национального развития, декларируемые фенноманами середины – второй половины XIX века, с мыслями их предшественников – феннофилов и просветителей XVIII столетия. Да и само понятие «эпоха Просвещения» применительно к Финляндии практически не используется. Утвердившееся в финляндской национальной историографии иное понятие – «время Портана» [25], [29], [30] – скорее, было призвано дистанцировать финляндскую науку и философскую мысль XVIII века от общеевропейского просветительского движения. Подобный подход перекликается с утверждением некоторых шведских историков о том, что просветительство – это прежде всего французское явление и к Швеции «эры свобод» и густавианского времени его трудно применить: учеными королевства лишь транслировались некоторые идеи французских энциклопедистов, при этом влияние мистики и оккультизма было гораздо сильнее, нежели просветительской идеологии [14; 26], [26; 66–68].

Вместе с тем в последнее время в Финляндии появилось немало работ, которые вступают в полемику с устоявшимися конструктами национальной историографии. Так, в работах Юхи Маннинена история финляндской науки и национальной мысли XVIII века исследуется в общеевропейском контексте и культурные перевороты, происходившие в Финляндии того времени, оцениваются как весьма значимые для формирования национальных идей фенноманов XIX столетия [26], [32]. Нам также представляется

вполне правомерным говорить о финляндском Просвещении, признание и понимание которого очень важно для осмысления последующего нациестроительства. Надо только принимать во внимание его своеобразие, обусловленное целым рядом факторов, связанных со спецификой экономического, политического, национального развития этой восточной окраины шведского государства.

До 1809 года Финляндия входила в состав Шведского королевства на правах Великого княжества (с 1581 года), с 1623 года имела должность генерал-губернатора, собственные административные и культурные учреждения, вполне самостоятельную церковную организацию и своих представителей на сессиях ригсдага. Тем не менее говорить о равноправном положении обеих частей государства не приходится: княжество, по сути, было отдаленной, в экономическом отношении слабой, в политическом – полностью подчиненной Стокгольму провинцией. В период великодержавия, и особенно с утверждением в Швеции абсолютизма, нарастают унификационные тенденции, направленные на интеграцию обеих частей королевства, которые в XVIII столетии зачастую обретают уже форму открытой «шведизации» Финляндии [3; 64–80], [12; 198–199], [13; 112], [36; 25]. Немаловажная роль в этом плане отводилась основанному в Турку в 1640 году университету (*Academia Aboensis*). Языками преподавания в Або Академии были традиционная латынь и шведский, большинство профессоров (а на первых порах и студентов) были шведами, и одним из назначений высшей школы Финляндии становится дальнейшее распространение там шведского языка и культуры. С этими же целями – великодержавная Швеция остро нуждалась в хороших чиновниках и священнослужителях на местах – создаются высшие учебные заведения на вновь завоеванных землях: в 1632 году был основан университет в Тарту (*Academia Gustaviana*), в 1666-м в Лунде [24; 48–52, 66–67, 117–119, 176–177].

Столетний период великодержавия был ознаменован важными событиями не только во внутривосточной жизни Швеции, но и в духовной сфере: XVII век стал временем зарождения шведской профессиональной нерелигиозной философии. Многие выдающиеся представители европейской науки и культуры посещали страну (например, Ян Коменский) или даже состояли на шведской государственной службе (Гуго Гроций, Самуэль Пуфендорф, Рене Декарт), что расширяло возможности проникновения в страну передовых идей из-за рубежа. Процессы секуляризации культурной жизни особенно явственно проявляются во второй половине XVII века, когда в Швеции укрепляются позиции картезианства [4; 25, 48].

Происходившие перемены не могли не отразиться на Финляндии. О первом появлении некоторой самостоятельности финляндцев в духовной сфере можно говорить применительно к движению феннофильства – культурного течения, зародившегося в образованных кругах финляндского общества на рубеже XVII–XVIII веков. Движение стало реакцией на политику унификации и свидетельствовало о пробуждающемся национальном самосознании. Наиболее ярким представителем этого культурного течения был профессор и ректор Туркуского университета, позднее епископ Порвоо и Скара Даниэль Юслениус (Daniel Juslenius, 1676–1752).

Аргументы, к которым прибегали феннофилы, были вполне созвучны времени и господствовавшему тогда среди шведских историков ультрапатриотическому направлению (так называемый етицизм), согласно которому прошлое шведского народа и государства проецировалось непосредственно в библейскую древность. Так, естествоиспытатель и поэт Улоф Рюдбек в своей на шумевшей книге «Атлантида» («*Atlantica Sive Manheim, Vera Japheti posterorum sedes ac patria*»), главная часть издана в 1679 году) доказывал, что превращение Швеции в великую державу берет начало в гордом духе древних шведов (етов) и что именно Швеция была той страной, которую Платон описал как колыбель мировой цивилизации [3; 26], [10]. Феннофилы же верили в древнее государство финнов, считая их «историческим народом». Юслениус в своей диссертации «Старый и новый Турку» («*Aboa vetus et nova*», 1700) писал, что именно финны были древнейшим народом земли, прямыми потомками Яфета, переселившимися на Север под предводительством Магога, «первого их короля». Соответственно и финский язык был «изначальным», столь же древним, как древнееврейский и древнегреческий⁴. Это возвеличивание всего финского не имело под собой никакой политической подоплеки, однако свидетельствовало о желании определить для финнов свое собственное место среди народов мира и в Шведском государстве.

По мере распространения в Северной Европе идей Просвещения характер феннофильства постепенно меняется, интерес к культуре, истории и будущему финского народа начинает приобретать социальную направленность и научную основу. В первой половине XVIII века среди ученых Туркуского университета утвердилось немецкая философия Лейбница – Вольфа, свойственная и раннему шведскому просветительству. С развитием естественных наук и новыми открытиями в этой области на смену вольфианской метафизике приходит интерес к материалистическому эмпиризму Джона Локка. Идеи Просвещения распространяются в Финляндии

особенно быстро с 40-х годов XVIII века и проникают во все сферы общественного сознания.

Разорительные русско-шведские войны (только в XVIII столетии их было три) крайне пагубно сказывались на хозяйстве Финляндии, поэтому в первую очередь в крае зарождается интерес к экономическим проблемам. Увлечение экономической и естественными науками было настолько глубоко и получило такое распространение, что некоторые исследователи говорят о целом направлении «экономического просветительства» в финляндской общественной мысли [20; 243]. В этой связи прежде всего следует упомянуть имена таких ученых Туркуского университета, как П. Калм, П. А. Гадд, Л. Ю. Эренмалм, Н. Хасселбом, Ю. Броваллиус, Я. Гадолин, К. Ф. Меннандер. Деятельность их носила прикладной характер и была направлена на решение насущных задач экономического развития края [8; 238–242]. Главное внимание уделялось исследованиям в области сельского хозяйства и краеведческой работе.

Экономические вопросы волновали не только специалистов, ими в той или иной степени занимались все финляндские просветители. Скромный сельский пастор из Похьянмаа Андерс Чудениус⁵ (Anders Chydenius, 1729–1803) стал автором двух сразу же получивших широкую известность экономических сочинений «Источник слабости государства» и «Национальная прибыль» (1765)⁶, за что вошел в историю Швеции как видный теоретик «экономического либерализма», наряду с Андерсом Норденкранцем [4; 52]. В Финляндии Чудениуса иногда называют «духовным братом» и даже «предшественником» Адама Смита, сравнивая его «Национальную прибыль» с «Исследованием о природе и причинах богатства народов» (1776) великого английского политэконома [11; 85], [39]. В какой-то степени это сопоставление правомерно: у них были одни учителя – английские философы-материалисты XVII века и французские физиократы. Идеи свободы торговли и предпринимательства, что называется, витали в воздухе, финляндский пастор пришел к ним независимо от шотландского экономиста и обосновал, насколько хватило знаний и опыта. Чудениус не владел методом логической абстракции и не поднимался до теоретических обобщений, в своих работах он решал исключительно практические задачи: обосновать и рекомендовать такую экономическую политику, которая обеспечила бы «национальную прибыль» и тем самым процветание шведского государства [1; 708–709], [7; 99–105]. Хорошее понимание окружающей действительности и знакомство с передовыми идеями Западной Европы позволили Чудениусу в условиях отсталой Финляндии делать выводы, выдающиеся для своего времени и своей страны.

Специфика духовной жизни финляндского общества заключалась и в том, что здесь, наряду с могучим мирским культурным потоком просветительской идеологии, ощущалось весьма серьезное влияние пиетизма. Сторонники этого направления (к которым относят и Чудениуса [41; 444]) брали на вооружение некоторые из внешних атрибутов эпохи Просвещения, ратовали за расширение народного образования, подчеркивали первенствующее значение морали. В таком виде пиетизм постепенно превращается в своеобразную форму религиозно-этического приспособления личности к складывающейся системе новых буржуазных ценностей.

Вообще, в финляндской общественной мысли чрезвычайно сильна была этическая направленность. Красной нитью во всех экономических, философских, теологических, естественно-научных изысканиях проходит неизменный интерес к этическим проблемам, к вопросам нравственного сознания, свободы и долга человека. В этом плане религии, как одной из основ морали, отводилось очень большое место. Какой бы степени радикализма идеи ни высказывались, вопрос об отрицании религии ни у кого не стоял. Пастор Чудениус в своих социально-экономических произведениях, политических речах и статьях мог заходить на удивление далеко, требуя преобразований шведского и финского общества в крайне либеральном, а порой даже радикально-демократическом духе. Защищая гражданские свободы, декларируя постулаты о равенстве и народном государстве, он мог ссылаться на Локка, Монтескье, Руссо, Вольтера, Гельвеция. Но деизм Вольтера и тем более материализм и атеизм Гельвеция были ему абсолютно чужды, даже ненавистны [41; 445–454].

Религиозные взгляды финляндских просветителей формировались под влиянием вольфианства, и постулат Вольфа о том, что между наукой и религией нет бездны, оставался доминирующим и после знакомства финнов с материалистическими идеями английских и французских просветителей. Весьма показательной в этом плане можно назвать деятельность Карла Фредрика Меннандера (Karl Fredrik Mennander, 1712–1786) – ученого-естествоведа, профессора Туркусского университета и крупного церковного деятеля. Всей своей жизнью и работой, сначала как университетского преподавателя, а затем в качестве Финляндского епископа и Упсальского архиепископа (1775–1786), он доказывал основной постулат эпохи Просвещения: знание – сила, всемерно распространяя это знание в самых широких слоях общества [18], [20; 44–46], [23; 67–72]. Вместе с тем (уже сами его высокие церковные должности об этом свидетельствуют) он не видел бездны между наукой и религией. Будучи профессором, Меннандер согласно духу времени давал ученикам темы диссертаций по естественной теологии (напри-

мер: «Ornitho-Theologiae», «Ichthyo-Theologiae», 1751; «Aphorismi philosophici de gloria Dei ex justa consideratione fertilitatis terrae», 1748), и в этих работах естественно-научные достижения трактовались как свидетельства существования Бога и его всемогущества [18; 141–142]. При этом велась действительно серьезная научная работа, огромное внимание уделялось собственно прикладным исследованиям, необходимым для реальной практической жизни.

«Эра свобод»⁷ пробудила в образованных слоях финляндского общества и широкий интерес к государственным и общественным вопросам, о чем свидетельствует политическая деятельность Чудениуса в качестве депутата риксдага. Его социально-политические воззрения базировались на теории естественного права в ее локковской трактовке, он мечтал о «народном государстве», где все подданные счастливы и свободны в своем выборе. Само по себе государство («корона») ничего собой не представляет, оно «существует ради подданных, а не подданные ради него». Поэтому правители должны делить свою власть с народом, а чтобы это могло произойти, народ должен быть свободным и просвещенным⁸. Идеи Чудениуса о переустройстве общества вполне сопоставимы и с эгалитаризмом Руссо: равное распределение частной собственности среди граждан, утверждение подлинного народовластия, программа мер по коренному улучшению жизни простого народа и так далее⁹.

Вместе с тем радикализм, присущий Чудениусу, не был свойственен в целом финляндскому просветительству. Фигурой номер один, человеком, символизирующим эпоху и определившим основные направления развития общественной мысли, национальных идей и гуманитарного знания в Финляндии, был профессор Туркусского университета Хенрик Габриель Портан (Henrik Gabriel Porthan, 1739–1804).

Портан родился в семье пастора Зигфрида Портана, его мать Кристина Юсления принадлежала к известному западно-финляндскому роду Юслениусов. Хенрик Габриэль в связи с болезнью отца с пятилетнего возраста воспитывался в доме дяди, Густава Юслениуса, племянника знаменитого феннофила Даниэля Юслениуса, имея перед глазами, по словам Ялмари Яакколы, «прекрасные образцы для подражания, как в научном, так и в патриотическом плане» [17; 225]. После окончания Туркусского университета он служил библиотекарем и директором университетской библиотеки, а с 1777 года и до конца жизни – профессором риторики. С университетом была связана вся жизнь Портана: дважды он избирался ректором и деканом философского факультета, долгие годы был куратором студенческого землячества Похьянмаа, участвовал в создании Финляндского экономического общества, был его председателем.

Философией Портан начал серьезно заниматься еще в студенческие годы. Большое влияние на формирование его мировоззрения оказал профессор Хенрик Хассель, которого иногда называют основателем школы эмпиризма в Турку [19; 26]. Другой его учитель и друг – Карл Фредрик Меннандер – подтолкнул Портана к изучению истории и фольклора Финляндии [36; 13–14]. В этих работах вполне очевидно и серьезное влияние философии Гердера, которого сам Портан называл «одним из гениев Германии» [35; 7] и которому он был обязан своим историзмом и взглядами на развитие национальной культуры и языка.

Весьма важным для эволюции взглядов Портана стало его знакомство с Геттингенской школой. Он посетил Геттингенский университет в 1779 году (единственная зарубежная поездка Портана), слушал лекции ориенталиста и богослова Йоганна Давида Михаэлиса, познакомился с Августом Людвигом Шлецером, в журнале которого была опубликована его статья о Финляндии [22; 39–41]. Немецкие ученые уже активно применяли в гуманитарной области методы классификации, разработанные Карлом Линнеем для естествознания. Очевидно, что большое впечатление на Портана произвел метод Шлецера классифицировать языковые родственные связи народов с точностью, присущей естественным наукам, и его идеи, высказанные вслед за шведским филологом Йоханом Ире, об использовании данных языка в исторических исследованиях и о критике исторических источников с лингвистической точки зрения [9; 476], [28; 26].

Лекции и диссертации¹⁰ Портана, в которых сосредоточено все его основное наследие, свидетельствуют об энциклопедичности его знаний. Он был знаком с наследием античных мыслителей, английских, французских, немецких, шведских философов, внимательно следил за всеми новыми течениями. О каком-то самостоятельном философском учении Портана говорить не приходится, его мировоззрение было достаточно эклектичным, расплывчатым, порой противоречивым. Научный критицизм, присущий Портану, не позволил ему усвоить полностью учения какого-либо философа, руководящим принципом его во всем был «*Sobria dubitatio*» – разумное сомнение, который лейтмотивом звучит во многих диссертациях¹¹. Знакомясь с новыми идеями и течениями, он старался выбрать «золотую середину», чтобы двигаться дальше. Так, в своих лекциях по логике Портан пытался примирить просветительский рационализм с эмпиризмом Бэкона и Локка, считая, что и разум, и опыт являются равноценно важными источниками знания. Во многом следуя философии Локка, он не принимал его материализма, но в то же время отрицал и субъективный идеализм¹² [35; 10–12].

Вслед за французскими просветителями Портан активно выступал против церковного фанатизма и разного рода предрассудков, которые считал aberrацией разума и «самыми большими врагами человеческого счастья». У него была жестокая неприязнь ко всякой мистике и лжеучениям, самым большим врагом просвещения в Швеции и Финляндии он считал широко распространившееся тогда мистическое учение Эммануэля Сведенборга¹³. Однако не менее вредной и опасной крайностью, по его мнению, был деизм просветителей, не говоря уже об атеизме. В диссертации 1801 года «О преступности атеизма»¹⁴ Портан развивал мысль о том, что уход от веры ведет к падению нравов и к историческим катаклизмам вроде Французской революции. Веря, как все просветители, в большую силу и возможности воспитания, он считал религию одним из важнейших средств в деле воспитания нравственного, счастливого человека.

Такой противоречивый подход наблюдается во всем творческом наследии Портана, что заставляет ученых до сих пор спорить, характеризуя его философские взгляды. Одни исследователи считают его чистым эмпириком [25; 345], указывая на то, что английский эмпиризм во времена Портана уже серьезно противостоял немецкому рационализму и в этом Туркуский университет даже опережал Упсальский [26; 49–53]. Другие, наоборот, находят в философских диссертациях Портана критику Локка и сильное воздействие на его мышление рационалистических идей Декарта, Лейбница, Вольфа [31; 12]. Для одних ученых влияние философии Гердера в работах Портана очевидно [35; 7], другие считают это влияние крайне незначительным [33; 268–270; 289].

Представляется, что как-то однозначно охарактеризовать философские взгляды Портана невозможно. Его воззрения постоянно менялись под воздействием новых идей. Три или четыре новых системы в философии, считал он, способны уничтожить предшествующие учения и дать дорогу следующим [35; 9]. Сам он ни принимал, ни отстранял никакие идеи, пока тщательно их не изучит. Новое для него в первую очередь означало понять. Мировоззрение Портана ближе всего философии умеренного, рационального Просвещения с его религиозным компромиссом и параллелизмом духовной и светской культуры. Он не считал нужным вдаваться в сложные понятия и абстракции, сосредоточившись на образовательных и воспитательных функциях философии. Этим объясняется выборочное отношение к тем или иным философским учениям и неприятие философии Канта, которую он считал ненужной в силу ее сложности и оттого непригодной для широкого просвещения. Выступал Портан и против скептицизма Канта от носителя силы человеческого разума, а также

его критики доказательств существования Бога¹⁵ [29; 159], [34; 427, 430]. Сам Портан к философии относился весьма прагматично. Предпочтение он отдавал логике, этике и психологии, считая их наиболее важными и полезными науками для повседневной жизни [34; 426], а практическая связь науки с жизнью была для него чрезвычайно важна.

В этике Портан был приверженцем эвдемонизма, считая естественным стремление каждого человека к счастью. Для достижения настоящего счастья, а не наслаждения в гедоническом понимании этого слова, необходимы ум, добродетель и чистая совесть. Критические поиски правды делают человека морально хорошим и счастливым, а разум учит строить свое счастье, принимая во внимание интересы других людей¹⁶. Между светом знаний и человеческим счастьем есть естественная связь¹⁷.

Особое отношение у него было к психологии, он видел в ней основу этики, логики и педагогики¹⁸. Портан рано усвоил английскую ассоциативную психологию, одним из первых в Финляндии обратился к исследованию таких явлений, как сны, видения, экстазы, сомнамбулизм, пытаясь объяснить, что в них правда, а что вымысел [35; 14–15]. Особенно глубокого понимания человеческой психологии у него еще не было, но он пытался спорить с Гельвеем по поводу тезиса об одинаковых возможностях у всех людей к мыслительной деятельности, не отрицая значения врожденных или наследственных качеств¹⁹. С другой стороны, как и Гельвеец, Портан верил в большие возможности воспитания и образования, поскольку именно они являются дорогой к общественному прогрессу.

Вопрос о роли воспитания и образования в формировании человека, полезного обществу и своему народу, был центральным в педагогических воззрениях Портана. Он считал, что основная обязанность человека – быть полезным, и не только для современников, но и для будущих поколений²⁰. Поэтому так важно, чтобы государство заботилось об образовании и воспитании молодежи. Он размышлял об оптимальной организации школьной системы, академического образования, о создании специальных учебных заведений для подготовки учителей²¹ [38; 21–24, 27–35]. Исследуя закономерности и принципы обучения, определяя образовательные методики, Портан фактически первым в Финляндии обратился к дидактике.

И в этом плане его собственная педагогическая деятельность оказалась чрезвычайно важной. Будучи профессором риторики, Портан читал в Туркуском университете лекции и по философии, педагогике, теологии, логике, этике, истории, языкознанию, эстетике, то есть практически по всем дисциплинам гуманитарного образования. Следуя собственным принципам,

он стремился воспитать из своих учеников гармоничных, критически мыслящих и всесторонне образованных чиновников и священников.

Нам представляется, что творческое наследие Портана и его роль в истории Финляндии в первую очередь следует оценивать с точки зрения его преподавательской деятельности. По мнению ряда исследователей, в университетах Финляндии никогда не было педагога, который бы оказывал такое огромное влияние на молодежь, как Портан [21; 3]. Епископ Якоб Тенгстрем в своей речи в ноябре 1804 года, посвященной памяти Портана, назвал его «учителем всей Финляндии» [40; 1]. Действительно, к началу XIX века почти все священники, чиновники и преподаватели края прошли школу Портана.

Несмотря на всю свою расплывчатость, философское мировоззрение Портана, его критический образ мышления, представления о жизни были глубоко гуманны и народны. В условиях тогдашней Финляндии, где в этой области практически ничего еще не было, философские взгляды профессора, у которого училась почти половина всех студентов университета [15; 165], конечно, оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие финляндской общественной мысли. Осторожность, взвешенность, обстоятельность и при этом открытость новым идеям и веяниям (но со всесторонним учетом их возможных последствий) – это, пожалуй, можно назвать квинтэссенцией финляндского просветительства, в основе которого лежали философия «здравого смысла» и принципы общественной целесообразности.

В том же ключе развивались во второй половине XVIII века и идеи о будущем Финляндии, финского языка и народной культуры. Работа, начатая феннофилами, усилиями просветителей обретает все более прагматичный характер, а языковые, фольклорные, исторические исследования – уже вполне научный вид.

Основным предметом многочисленных научных изысканий Портана были фольклор и история финского народа, а самого его впоследствии стали называть «отцом финляндской историографии» [17]. В своих фольклорных и языковых исследованиях Портан постепенно отказывается от теологической точки зрения на происхождение языка, хотя первые его работы писались вполне в феннофильском духе. Вслед за европейскими учеными он начинает отстаивать взгляды, согласно которым финно-угорские народы представляли собой самостоятельную языковую семью. Такая точка зрения подчеркивала уникальность финнов, более не связывая их с иудеями, скифами, греками и другими древними народами. Опираясь на работы предшественников, дополняя их новыми источниками, используя новейшие методы исследования, Портан первым в Финляндии сумел создать достаточно стройную

и значительную для своего времени концепцию происхождения и расселения финно-угорских народов.

Самой значительной в этом плане его работой стало издание комментариев к «Хронике финляндских епископов» Павла Юстена (*Pauli Juusten Chronicon episcoporum Finlandensium annotationibus et sylloge monumentorum illustratum, 1784–1800*)²². Труд этот сложно назвать собственно историческим сочинением. Большую часть издания занимает двойной аппарат акрибии (примечания и комментарии к ним). По сути это было громоздкое собрание специальных исследований, лишенных внутренней связи, в которых Портан затрагивает множество проблем, связанных с финскими древностями: происхождение финнов, родственные связи с другими народами, историю и хронологию крестовых походов в Финляндию, народные верования и т. д.

Громоздкость издания и обилие материала дали впоследствии повод Снельману охарактеризовать Портана скорее как собирателя, нежели как ученого²³. Но и сам Портан называл эту работу «складским помещением» истории Финляндии. Он считал такой способ изложения, применительно к которому употребляют термин «ссылки без текста», единственно приемлемым в научном отношении. В ходе сбора источников первоначальная цель изменилась и теперь он, как бы обозначив ограду, складывал за нее все, что касалось финской истории [28; 181]. Главное то, что в рамках издания были собраны и подробно прокомментированы уникальные источники по средневековой финляндской истории, а также поставлены проблемы, решить которые предстояло будущим исследователям.

В работе «О финской поэзии» («*De poësi Fennica*», 1766–1778)²⁴ Портан первым указал на ценность народной поэзии и определил основы научного исследования фольклора, считая, что таким образом можно познать жизнь народа, его способ мышления [32; 101–121]. Им впервые была высказана мысль о возможности составления из карельских и финских народных песен некой целостности (свода, эпоса). Он предположил, что все народные песни происходят из единого источника, что они согласуются между собой по главному содержанию и основным сюжетам, поэтому, сравнивая варианты, можно возвращать их к более цельной и подходящей форме. На Портана, как и на многих его современников, огромное влияние оказали «Песни Оссиана» Джеймса Макферсона (1765) [32; 90], [37; 50] и, не зная, что Макферсон издал свои собственные стихи под видом песен древнего слепого певца, он считал, что финские народные песни можно издать так же. В начале XIX века эта идея Портана приобретает форму социального заказа, выражающего потребности финского общества в поисках собственной идентичности, результа-

том чего стало издание в 1835 году «Калевалы» Леннрота.

Почти на столетия он предвосхитил идею Андерса Шегрена о целесообразности изучения истории и культуры русского и финно-угорских народов не изолированно друг от друга, а во взаимопроникновении различных национальных начал. Сам он отказался от предложения петербургского академика Петера Симона Палласа на средства из особого фонда Екатерины II совершить поездку по России с целью изучения финно-угорских народов, но постоянно писал о необходимости такой работы [8; 242]. В XIX веке идею осуществили Матиас Кастрен и другие исследователи финно-угорских народов России.

Словом, разносторонняя деятельность Портана сделала его пионером во многих областях знаний в Финляндии. К нему восходят корнями фольклористика и лингвистика, история и археология, педагогика и география. Своим многообразным творчеством он во многом подготовил те национальные научные программы, которые с успехом претворялись в жизнь уже в XIX столетии.

К заслугам Портана следует отнести и создание вместе с друзьями-единомышленниками общества «Аврора» в 1770 году, которое год спустя начало издавать в Турку первую в Финляндии шведоязычную газету «*Tidningar utgifne af et Sällskap i Åbo*». Способствуя распространению идей неогуманизма и подогревая в обществе интерес к финскому языку, истории, культуре, редактируемая Портаном газета постепенно приучала финнов к гласности, к публичному обсуждению насущных проблем [16; 93–97], [32; 16]. Впрочем, даже критикуя политику шведских властей в княжестве, Портан всегда оставался лояльным роялистом и верным подданным шведского короля.

Следует отметить, что растущее давление со стороны короны способствовало возникновению в последней трети XVIII века у части просвещенной финляндской элиты идей регионального сепаратизма. Среди финляндского офицерства, недовольного прежде всего военной политикой Густава III, в 1780-е годы распространяются идеи о возможности отделения Финляндии от Швеции. Ведущую роль в этом играл полковник Георг Магнус Спренгтпортен (*Göran Magnus Sprengtporten*, 1740–1819), друг и соратник, а затем непримиримый враг короля. Итоги русско-шведских войн первой половины XVIII века, рост могущества России и реваншистская политика шведского правительства породили мысль о том, что со временем Швеция потеряет всю Финляндию. Придя к выводу о неизбежном поражении королевства в русско-шведском споре за княжество, Спренгтпортен считал необходимым скорейший добровольный переход под покровительство России. Это, по его мнению, по-

зволюло бы Финляндии сохранить внутреннюю самостоятельность. В 1786 году Спренгтпортен переходит на русскую службу, где разрабатывает проекты автономной Финляндии под российским протекторатом [6; 624–626]. Впрочем, идею самостоятельности Финляндии поддерживала лишь небольшая часть патриотически настроенных молодых офицеров, находившихся под сильным влиянием идей французских просветителей и вдохновленных победой североамериканских колоний Англии. Вне офицерской среды идея эта поддержки не находила – слишком велик был страх перед Россией среди образованных кругов и народа.

Что касается Х. Г. Портана, то его интерес к России определялся прежде всего его изысканиями в области истории, культуры, языка финского народа. В работах Портана, его обширной переписке мы повсеместно находим свидетельства живого интереса к России, ее истории, науке, культуре многочисленных народов, ее населяющих²⁵. Он внимательно следил за политическими событиями, происходившими в империи, давая им в письмах зачастую крайне резкие оценки (как и некоторым российским самодержцам, особо он не жаловал Павла I). Весьма негативно он относился к российскому самодержавию, полностью не принимая институт крепостничества и многие другие политические порядки в империи. Впрочем, он критиковал и политику Густава III, но при этом категорически отвергал планы Спренгтпортена и его соратников и, допуская, что они пекутся о благе своего народа, все же называл их безумными авантюристами. Анализируя историю шведско-русских отношений, Портан также понимал, что набирающая мощь Россия в конце концов завоюет Финляндию, но в отличие от Спренгтпортена он не верил, что Финляндии будет предоставлена самостоятельность, и очень боялся этого присоединения [3; 148–149], [8; 242]. Общее государство финнов и шведов Портан обозначал словом «*patría*» – «отчизна», и его позиция в вопросе об отношении к России и будущему Финляндии очень важна, если учитывать ту роль, которую он играл в Туркуском университете своего времени.

В современной финляндской историографии Портана оценивают как «великого финна, верноподданного шведа и убежденного европейца» [33; 8]. Предлагаемые им концепции национального развития были порождением своего времени, они не предусматривали строительства собственно финского государства, развиваясь в духе национальной философии эпохи Просвещения. Это были первые, интуитивные шаги к национальной идентификации, еще не до конца осознанной теми, кто стоял у истоков конструирования финской нации. Портан строил свои изыскания, следуя формуле Гердера «*Denn jedes Volk ist Volk; es hat seine National Bildung wie*

seine Sprache»²⁶ [5; 7–8], просто стараясь включить и финнов в этот всемирный ряд народов. Мы бы не стали называть это «*ранним финским национализмом*» (по определению Маннинена [26; 207]) во избежание терминологической путаницы и учитывая многообразие подходов в современных исследованиях национализма. О финском *национальном движении* действительно можно говорить лишь применительно к XIX веку. Если прибегать к классификации, предложенной Мирославом Хрохом [5; 125], на фазах А и В – 1820–50-е годы – Портан оставался в забвении, хотя лидеры культурной феномании, а затем Снельман, Сигнеус, Топелиус продолжали именно им начатые проекты по изучению культуры, языка, фольклора финского народа, созданию национальной литературы и системы образования. Лишь при переходе к фазе С, когда феноманам потребовались национальные символы для массовой поддержки в обществе, образ Портана их усилиями становится по сути олицетворением «финского национального духа»²⁷. Но это лишь внешняя, вполне конструктивистская, связь, которой недостаточно для ответа на вопрос о роли Портана в становлении финляндской национальной мысли. В понятие «национальная мысль» мы вкладываем не только идеи нацистроительства, а гораздо более широкий гуманитарный контекст. И в этом плане работа, начатая «учителем всей Финляндии», была чрезвычайно важна для становления всего гуманитарного знания. Мощное интеллектуальное и философское движение, охватившее Европу в XVII–XVIII веках и названное Просвещением, формируясь на почве различных традиций, имело в каждой из стран свою специфику. Исследование этой специфики позволяет нам лучше понять общие механизмы происхождения идей, процессы их движения и трансформаций, ведущих к созданию и восприятию национальных концептов.

Нам кажется, что можно говорить и о другом наследии Портана. Лидерами финского национального движения XIX века во многом были усвоены его методы мышления, хотя сами они этого, может быть, и не осознавали. Бунтарь и «будитель нации» в начале 1820-х годов Арвидссон со временем стал предлагать гораздо более взвешенную и осторожную тактику в деле становления национальной государственности. Радикальный публицист 1840-х Снельман в 1860-е годы предложил финнам «линию политического реализма». Представляется, что и успешность национального движения в Финляндии XIX столетия (помимо, конечно, и других факторов) в значительной степени была обусловлена приверженностью многих его лидеров философии «золотой середины» и «здорового смысла», которая была предложена финляндцам Хенриком Габриэлем Портаном.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Fennica» Программы стратегического развития ПетрГУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Topelius Z. *Det Stora Ingenting* // Vasenius V. Zacharias Topelius: hans lif och skaldegärning. Tredje delen. Helsingfors, 1918. S. 247–248. Перевод со шведского И. П. Такала.
- ² Snellman J. V. Kirje Fredrik Cygnaeukselle, heinäk. 1840 // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa XII. Porvoo: WSOY, 1930. S. 134.
- ³ Tengström J. J. Muutamista Suomen kirjallisuuden ja kulttuurin esteista // Arwidssonista Snellmaniin: Kansallisia kirjoitelmia vuosilta 1817–1844. Helsinki: SKS, 1929. S. 1–53.
- ⁴ Juslenius D. Vanha ja uusi Turku. Helsinki: SKS, 1987. S. 39–40.
- ⁵ В русскоязычной литературе фамилию Chydenius передают по-разному – Чудениус, Чюдениус, Шюдениус.
- ⁶ Anders Chydenius – suuri suomalainen valistuskirjailija. Helsinki: Alea-Kirja Oy, 1986. 520 s.; Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. 440 s.
- ⁷ «Эра свобод» – период в истории Швеции (1719–1772), когда власть короля была ограничена конституцией и реально принадлежала четырехсословному риксдагу (парламенту). В советской историографии этот период принято было называть «режимом сословного парламентаризма».
- ⁸ Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. S. 55–56.
- ⁹ Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. S. 293, 333–335, 355–359, 382.
- ¹⁰ Следует иметь в виду, что во времена Портана в Туркуском университете студенты должны были публично защищать диссертационные работы двух видов: бакалаврские (pro exercitio) и магистерские (pro gradu). Часто работы первого вида, назначение которых состояло главным образом в демонстрации владения латынью, писались не самим студентом, а его научным руководителем, что давало возможность преподавателю публиковать материалы своих научных исследований, из них 137 pro exercitio и почти все они – 115 несомненно – написаны самим Портаном [29; 138].
- ¹¹ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. XI: 2. S. 155–170.
- ¹² Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. S. 3–128.
- ¹³ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 209–271.
- ¹⁴ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. XI: 2. S. 424–439.
- ¹⁵ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. X. S. 441–444.
- ¹⁶ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 226, 237, 238, 244, 250, 252, 266, 267, 270.
- ¹⁷ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 265.
- ¹⁸ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 221 s.
- ¹⁹ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 217, 221, 259; Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. 14 s.
- ²⁰ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 221 s.
- ²¹ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 258; Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. S. 309–322, 201–336.
- ²² Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. VI–XIII; Henrik Gabriel Porthan. Valitut teokset. Jyväskylä: SKS, 1982. S. 144–236.
- ²³ Snellman J. V. Kuka Porthan oli? // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930. S. 93–100.
- ²⁴ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. IX.
- ²⁵ Портан Х. Г. Основные черты русской истории // Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982. С. 20–91.
- ²⁶ «Ведь каждый народ – это народ; он имеет свою национальную культуру, как и свой язык».
- ²⁷ Snellman J. V. Kuka Porthan oli? // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930. 100 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вирранкоски П. Андерс Чудениус // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 707–717.
2. Клинке М. На чужбине и дома. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 304 с.
3. Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1972. 160 с.
4. Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. 264 с.
5. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. 416 с.
6. Сюрё В.-М. Георг Магнус Спрентпортен // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 622–629.
7. Такала И. П. Финляндский просветитель А. Шюдениус // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 94–106.
8. Такала И. П. О связях ученых Туркуского университета с Петербургской Академией Наук в XVIII в. // Скандинавские чтения 2002 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 236–244.
9. Таркайнен К. Хенрик Габриэль Портан // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 471–480.
10. Толстикова А. В. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. Человек в истории. М., 2007. С. 169–189.
11. Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadallemme. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 230 s.
12. Alanen A. J. Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki: WSOY, 1964. 690 s.
13. Alanen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. Helsinki: WSOY, 1963. 634 s.
14. Frängsmyr T. Sökandet efter upplysningen. En essä om 1700-talets svenska kulturdebatt. Höganäs: Wiken, 1993. 200 s.
15. Heikkinen A. Hyöty, valistus ja koulu. Suomen aate- ja oppihistoria 1700-luvulla. Helsinki: Ylioppilastuki, 1972. 197 s.
16. Ikonen R. Valistunut elämänsenne ja yhteisön onni – Hyvä elämä kustavilaisen kauden turkulaisvalistuksessa // Kasvatus & Aika. 2013 7 (1). S. 89–103.

17. Jaakkola J. Suomen historian isä // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 223–239.
18. Joutsivuoto T. Papeiksi ja virkamiehiksi // Huoneentaulun maailma. Kasvatus ja koulutus Suomessa keskiajalta 1860-luvulle. Helsinki, 2010. S. 136–155.
19. Kajanto I. Porthan and classical scholarship: A Study of Classical Influences in Eighteenth Century Finland. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 1984. 165 s.
20. Kerkkonen M. H. G. Porthan ja 1700-luvun taloudellinen harrastussuunta // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 243–250.
21. Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 276 s.
22. Klinge M. Mika mies Porthan oli? Helsinki: SKS, 1989. 104 s.
23. Klinge M. Professoreita. Helsinki: Otava, 1984. 224 s.
24. Klinge M., et al. Kuninkaallinen Turun akademia 1640–1808. Helsinki: Otava, 1987. 740 s.
25. Koskimies R. Porthanin aika: tutkielmia ja kuvauksia. Helsinki: Otava, 1956. 414 s.
26. Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti: Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s.
27. Matinoli E. H. G. Porthanin muistopatsaan syntyhistoria // Turun Historiallinen Arkisto XVI. Turku, 1963. S. 203–217.
28. Palander G. H. G. Porthan historian tutkijana. Helsinki: Weilin & Göös, 1901. 350 s.
29. Palander G. Henrik Gabriel Porthan yliopiston opettajana // Suomen uudemman historiasta III. Helsinki, 1902. S. 1–222.
30. Palander G. Henrik Gabriel Porthan: elämäkerran luonnos. Helsinki: Kansanvalistus-seura, 1904. 198 s.
31. Pietarinen J. Eurooppalainen filosofia ja Turun akademia // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 5–15.
32. Porthanin monet kasvot: kirjoituksia humanistisen tieteen monitaiturista. Helsinki: SKS, 2000. 178 s.
33. Riikonen H. K. J. G. Herderin tuntemus Turun akademian piirissä Porthanin ja Franzénin aikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006. S. 265–290.
34. Salomaa J. E. Kantin filosofian ensimmäinen vastaanotto Suomessa // Valvoja-aika. 1927:1. S. 425–439.
35. Salomaa J. E. Porthanin filosofinen maailmankäsitys // Turun Historiallinen Arkisto VII. Turku, 1939. S. 3–20.
36. Tarkiaainen V. Henrik Gabriel Porthan. Helsinki: SKS, 1948. 80 s.
37. Tommila P. Suomen historian kirjoitus: tutkimuksen historia. Porvoo: WSOY, 1989. 331 s.
38. Tähtinen J. Henrik Gabriel Porthanin käsitykset opetuksesta ja oppimisesta // Samalta viivalta 3. Kasvatusalan valintayhteistyöhankkeen (VAKAVA) kirjallisen kokeen aineisto 2009. Jyväskylä, 2009. S. 15–44.
39. Uhr C. G. Anders Chydenius, 1729–1803, A Finnish Predecessor to Adam Smith // Economic Inquiry. 1964. Vol. 2. Issue 2. P. 85–116.
40. Viljamaa T. Porthan – ”koko Suomen opettaja” // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 1–4.
41. Virrankoski P. Anders Chydenius: demokraattinen poliitikko valistuksen vuosisadalta. Juva: WSOY, 1986. 498 s.

Takala I. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FROM FENNOPHILIA TO FENNOMANIA: HENRIK GABRIEL PORTHAN AND DEVELOPMENT OF FINNISH NATIONAL THOUGHT

This paper examines peculiarities of the Finnish social and national thought in the second half of the XVIIIth century. Characteristic features of the Finnish Enlightenment period are revealed. Special attention is paid to the philosophical heritage of Henrik Gabriel Porthan (1739–1804). His philosophical legacy had a significant impact on the development of Finnish humanities and establishment of the Finnish national movement in the XIXth century.

Key words: history of Finland, Enlightenment, national thought, Henrik Gabriel Porthan, Fennomans, University of Turku (Åbo Akademi)

REFERENCES

1. Virrankoski P. Anders Chydenius [Anders Chydenius]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 707–717.
2. Klinge M. *Na chuzhbine i doma* [Abroad and at Home]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 304 p.
3. Laydinen A. P. *Ocherki istorii Finlyandii vtoroy poloviny XVIII v.* [Outlines of the History of Finland in the second half of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 160 p.
4. Myslivchenko A. G. *Filosofskaya mysl' v Shvetsii* [Philosophical Thought in Sweden]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 264 p.
5. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism] / B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh i dr. Moscow, Praksis Publ., 2002. 416 p.
6. Syur'ye V.-M. Georg Magnus Sprengtporten [Georg Magnus Sprengtporten]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 622–629.
7. Takala I. R. A Finnish Enlightener A. Chydenius [Finlyandskiy prosvetitel' A. Shchyudenius]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa* [Questions on the History of Northern Europe]. Petrozavodsk, 1988. P. 94–106.
8. Takala I. R. On connections between scholars of the University of Turku and the St. Petersburg Academy of Sciences in the Eighteenth Century [O svyazyakh uchenykh Turkuskogo universiteta s Peterburgskoy Akademiyey Nauk v XVIII v.]. *Skandinavskie chteniya 2002 g. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings 2002. Ethnographic, Cultural and Historical Aspects]. St. Petersburg, 2003. P. 236–244.
9. Tarkiaainen K. Khenrik Gabriel' Portan [Khenrik Gabriel' Portan]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 471–480.
10. Tolstikov A. V. Anatomy of Olof Rudbeck's history [Anatomya istorii Olofa Ryudbeka]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow, 2007. P. 169–189.
11. Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadallemme. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 230 s.
12. Alanen A. J. Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki: WSOY, 1964. 690 s.

13. Al an en A. J. Suomen historia vapaudenajalla. Helsinki: WSOY, 1963. 634 s.
14. Fr ä n g s m y r T. Sökandet efter upplysningen. En essä om 1700-talets svenska kulturdebatt. Höganäs: Wiken, 1993. 200 s.
15. He i k k i n e n A. Hyöty, valistus ja koulu. Suomen aate- ja oppihistoria 1700-luvulla. Helsinki: Ylioppilastuki, 1972. 197 s.
16. I k o n e n R. Valistunut elämänsenne ja yhteisön onni – Hyvä elämä kustavilaisen kauden turkulaisvalistuksessa // Kasvatus & Aika. 2013 7 (1). S. 89–103.
17. Ja a k k o l a J. Suomen historian isä // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 223–239.
18. J o u t s i v u o T. Papeiksi ja virkamiehiksi // Huoneentaulun maailma. Kasvatus ja koulutus Suomessa keskiajalta 1860-luvulle. Helsinki, 2010. S. 136–155.
19. K a j a n t o I. Porthan and classical scholarship: A Study of Classical Influences in Eighteenth Century Finland. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 1984. 165 s.
20. K e r k k o n e n M. H. G. Porthan ja 1700-luvun taloudellinen harrastussuunta // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 243–250.
21. K i n n a r i I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 276 s.
22. K l i n g e M. Mika mies Porthan oli? Helsinki: SKS, 1989. 104 s.
23. K l i n g e M. Professoreita. Helsinki: Otava, 1984. 224 s.
24. K l i n g e M., et al. Kuninkaallinen Turun akademia 1640–1808. Helsinki: Otava, 1987. 740 s.
25. K o s k i m i e s R. Porthanin aika: tutkielmia ja kuvauksia. Helsinki: Otava, 1956. 414 s.
26. M a n n i n e n J. Valistus ja kansallinen identiteetti: Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s.
27. M a t i n o l l i E. H. G. Porthanin muistopatsaan syntyhistoria // Turun Historiallinen Arkisto XVI. Turku, 1963. S. 203–217.
28. P a l a n d e r G. H. G. Porthan historian tutkijana. Helsinki: Weilin & Göös, 1901. 350 s.
29. P a l a n d e r G. Henrik Gabriel Porthan yliopiston opettajana // Suomen uudemman historiasta III. Helsinki, 1902. S. 1–222.
30. P a l a n d e r G. Henrik Gabriel Porthan: elämäkerran luonnos. Helsinki: Kansanvalistus-seura, 1904. 198 s.
31. P i e t a r i n e n J. Eurooppalainen filosofia ja Turun akademia // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 5–15.
32. Porthanin monet kasvot: kirjoituksia humanistisen tieteen monitaiturista. Helsinki: SKS, 2000. 178 s.
33. R i i k o n e n H. K. J. G. Herderin tuntemus Turun akademian piirissä Porthanin ja Franzénin aikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006. S. 265–290.
34. S a l o m a a J. E. Kantin filosofian ensimmäinen vastaanotto Suomessa // Valvoja-aika. 1927:1. S. 425–439.
35. S a l o m a a J. E. Porthanin filosofinen maailmankäsitys // Turun Historiallinen Arkisto VII. Turku, 1939. S. 3–20.
36. T a r k i a i n e n V. Henrik Gabriel Porthan. Helsinki: SKS, 1948. 80 s.
37. T o m m i l a P. Suomen historiankirjoitus: tutkimuksen historia. Porvoo: WSOY, 1989. 331 s.
38. T ä h t i n e n J. Henrik Gabriel Porthanin käsitykset opetuksesta ja oppimisesta // Samalta viivalta 3. Kasvatusalan valintayhteistyöhankkeen (VAKAVA) kirjallisen kokeen aineisto 2009. Jyväskylä, 2009. S. 15–44.
39. U h r C. G. Anders Chydenius, 1729–1803, A Finnish Predecessor to Adam Smith // Economic Inquiry. 1964. Vol. 2. Issue 2. P. 85–116.
40. V i l j a m a a T. Porthan – ”koko Suomen opettaja” // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 1–4.
41. V i r r a n k o s k i P. Anders Chydenius: demokraattinen poliitikko valistuksen vuosisadalta. Juva: WSOY, 1986. 498 s.

Поступила в редакцию 10.12.2013

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН
ведущий библиограф, Институт научной информации по
общественным наукам РАН (Москва, Российская Федера-
ция)
profitens@rambler.ru

СТАРОВЕРЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ДИОДОРО-ЮРЬЕГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Собранный материал раскрывает неизученную историю Юрьегорского монастыря в свете отношения монашествующих к церковной реформе середины XVII столетия. Прослеживаются судьбы постриженников монастыря, которые выступили против церковных нововведений. Представляются и комментируются новые источники, освещающие существование тайных староверческих поселений на землях Юрьегорского монастыря. В результате анализа собранных документов выявляется картина широкого неприятия церковной реформы на Русском Севере.

Ключевые слова: старообрядчество, церковная реформа, северные монастыри, староверческие поселения

Троицкий Диодоро-Юрьегорский монастырь был основан постриженником Соловецкого монастыря Дамианом¹ в северной оконечности Водлозерского погоста на берегу Юрьева озера, получившего впоследствии название Монастырское, около 1626 года². Дамиану покровительствовала царская семья, однако, несмотря на значительные денежные пожертвования и земельные пожалования, основанный им монастырь не стал крупным феодальным вотчинником [5; 705]. Более того, во время проведения переписи Олонецкого уезда в 1678 году «монастырь на Юрьевы горы Демьянова пустыня» был отнесен (вероятно, ошибочно) к числу «безвотчинных»³. Монастырь все же обладал земельными владениями, которые граничили на востоке с землями Кожеозерского монастыря⁴. На этой пограничной территории образовались поздней тайные староверческие поселения. В данной статье предпринимается попытка определить, где они находились и участвовали ли в их создании юрьегорские монахи.

Удаленность монастыря от обитаемых территорий не оставила его в стороне от трагических событий второй половины XVII века, связанных с расколом Русской православной церкви. Сохранившиеся источники не отразили процесс внедрения реформы в монастыре и то, как реагировали насельники монастыря на отказ от старого и переход к новому богослужебному обряду. Тем не менее мы располагаем свидетельствами о судьбе некоторых постриженников монастыря, которые оставили значительный след в истории староверия на Русском Севере.

Наиболее известный и почитаемый староверами выходец из Юрьегорского монастыря Кирилл Сунский основал на Виданском острове Троицкий монастырь, который стал на короткое время местом прибежища странствующих монахов и всех несогласных с церковными нововведениями. События жизни Кирилла и ос-

новные вехи истории создания им на реке Суне монастыря изложены в известном памятнике старообрядческой агиографии Житии Кирилла Сунского⁵. Кирилл (в миру Карп Ипатьев) происходил из крестьян деревни Лукин (Андреев) Наволок Шуйского погоста. Место для монастыря он выбрал недалеко от его родной деревни на Виданском острове реки Суны. Официальный статус Троицкий Сунский монастырь получил приблизительно на рубеже 1650–1660-х годов. В это же время к Кириллу пришли соловецкие отшельники Епифаний и Варлаам, рассказавшие ему о происходящих в России церковных переменах. Чуть позже произошла его беседа с олонецким Илларионом Пуллоевым, окончательно укрепившая Кирилла в мысли о пагубности нововведений⁶. До 1684 года в Сунском монастыре служили по-старому. В результате посылки олонецкого подьячего в монастыре произошла смена идеологии – староверы были вынуждены признать «новины» или бежать, что и сделал Кирилл. Он поселился на реке Выг (где и умер в 1690 году), явившись, таким образом, первым насельником будущей Выговской пустыни⁷.

Другому юрьегорскому монаху – иеродьякону Питириму – посвящена отдельная глава в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова⁸. Старообрядческий историограф повествует, что Питирим (к сожалению, мирское имя не указывается) происходил из деревни Гангозеро, входившей в Горское село Кижского погоста. Вместе со своим отцом он покинул деревню и пришел в Юрьегорский монастырь, где принял постриг двенадцати лет от роду. Здесь же, на Юрьевых горах, по словам И. Филиппова, он «был поставлен в дьякона». Через некоторое время Питирим ушел в Соловецкий монастырь, в котором служил дьяконом. В августе 1673 года он перешел в Анзерскую пустынь и прожил там ровно год. Летом 1674 года был арестован специальной комиссией, посланной двинским

воеводой Ф. П. Нарышкиным для выяснения благонадежности анзерских старцев⁹. Комиссия установила, что все проживавшие в Анзерской пустыни монахи были противниками церковных новшеств. Двое из них, старцы Симон и Александр, как самые опасные и упорные в непокорстве, были увезены в Архангельск, а остальные оставлены за стрелецким караулом до особого распоряжения. В ходе следствия выяснилось, что именно анзерские монахи были самыми активными помощниками соловецких мятежников в организации доставки в монастырь продовольствия (подробнее об этом см.: [4]). Оставленных на Анзерском острове монахов, видимо, не очень тщательно охраняли, потому что дьякону Питириму удалось ночью на лодке покинуть остров. Он добрался до озера Челозеро и там прожил некоторое время. От Челозера перебрался на Выг, когда уже там стали появляться первые жилища переселенцев из ближайших обитаемых волостей. Сам иеродьякон Питирим постоянно переходил с места на место и часто бывал в родных местах – в Кижском и Шуйском погостах. В один из таких приходов зимой 1692 года в селе Космозере он был схвачен по приказанию космозерского священника¹⁰ и отвезен в село Великую Губу. Оттуда его скованного под караулом отослали в Олонец с отпиской, в которой говорилось, что соловецкие старцы приходят из Выговской пустыни и учат народ, а один из них по имени Питирим попался. Весть об аресте старца Питирима дошла до находившегося в то время в Шунгском погосте Даниила Викулова. Он собрал пятерых помощников и послал их на коня вдогонку за старцем. Они настигли арестованного Питирима у села Пряжа на волоке и отбили его у конвоиров¹¹. Питирима укрыли от преследователей в Шунгском погосте, а затем перевезли в Выговскую пустынь. Большую часть своей жизни на Выгу Питирим прожил у Солотозера. Он умер в глубокой старости и был погребен в Солотозерском скиту¹².

Выговские старообрядческие скиты близко подходили к Юрьегорскому монастырю и окружали его со всех сторон. Приблизительно на расстоянии 40 км на восток от монастыря в бассейне реки Токши в местечках Кривой пояс, Янгоры и Великие озера в начале 1680-х годов возникли староверческие поселения. Основная масса населявших их жителей происходила из окрестных волостей. В конце 1680-х годов в ходе карательных акций правительства эти поселения были уничтожены, но снова возродились на прежних местах в 1710 году. В старообрядческом синодике, составленном на Выгу, есть статья о единоверцах, сгоревших в месте, называемом Вонгоры. По предположению Х. М. Лопарева, под Вонгорами следует понимать Янгоры¹³. Действительно, для разговорной речи XVII века было характерно добавление согласного перед

словом, начинающимся с гласного. Поселение Вонгоры – Янгоры погибло в 1688 году. Тогда, по сведению синодика, сгорели 220 человек¹⁴. О том, что на этом месте снова возникла жизнь, церковным властям становится известно из донесения архимандрита Каргопольского Спасского монастыря Иоасафа новгородскому архиепископу Феофану Прокоповичу о поимке в 1729 году кожеозерскими монахами на их спорной с Юрьегорским монастырем земле «раскольника» Ерофея Андреева. На основании информации, полученной из показаний Ерофея Андреева, судья Новгородского архиерейского разряда архимандрит Андроник составил аналитическую записку о существовании в Каргопольском уезде «потаенных раскольничьих жительство»¹⁵. В Янгорах отмечено две деревни. В одной, где жил Ерофей Андреев, насчитывалось 58 человек, и руководил ими старец Иов Матарыга, выходец из Корбозерской волости. В другой деревне жил 41 человек, начальствовал над ними староста Илья Пентелиев, родом из Пудожской Горы. В этой же деревне духовными наставниками были два старца – Иона и Александр, у которого отсечена правая нога и левая рука. Последний оказался человеком неординарной судьбы. Постриженник Соловецкого монастыря, один из организаторов поставок продовольствия в монастырь во время блокады его царскими войсками. До пострижения проживал в Москве, в Кадашевской слободе, и звали его Алексеем Ивановым. За участие в московском восстании 1662 года, прозванном в народе Медным бунтом, он был казнен – ему отрубили правую ногу и левую руку. Таким наказанию подверглись многие особо активные бунтари, уличенные в этом на следствии [1; 113]. В посвященных этому восстанию следственных документах, которые были опубликованы А. Н. Зерцаловым и В. И. Бугановым, среди казненных кадашевец Алексей Иванов не обнаружен¹⁶. Но, как отметил Буганов, ряд сыскных дел не сохранился, поэтому прием слова старца Александра на веру [1; 15–16]. После «выздоровления», когда раны затянулись, Алексей Иванов принял постриг в Соловецком монастыре под именем Александра. Долгое время он жил в больнице и только зимой 1674 года попросил отпустить его в Анзерскую пустынь, где и был арестован комиссией. Из Архангельска, куда его доставили как «пущего заводчика», он бежал в Олонецкий уезд, в безлюдную местность, расположенную в верховьях реки Выг, а оттуда переселился в Каргопольский уезд, в Янгоры, где умер в 1730-х годах¹⁷.

Перепись 1718–1719 годов зафиксировала расположенные на землях Юрьегорского монастыря староверческие деревни и отметила среди общего числа некоторых жителей (14 человек), упомянутых спустя десять лет Ерофеем Андреевым на допросе в Духовном правлении¹⁸. Пере-

писчики в 1719 году насчитали в двух деревнях в наличии только 26 человек, следовательно, за 10 лет поселения сильно разрослись. Они были образованы беглыми крестьянами, выходцами из Ладожского, Олонецкого, Каргопольского и Белозерского уездов. О преемственности поселений XVII и XVIII веков свидетельствует особо отмеченный архимандритом Андроником факт существования и почитания староверами так называемых погорелок. Речь идет о поросших лесом и обнесенных оградой местах, где раньше (в XVII веке) жили и сгорели их единоверцы. Такие погорелки имелись на Порме, в Янгорах и Кривом Поясе¹⁹. В Янгорах была построена часовня или моленная. Представители ближайших к Янгорам православных приходов священники Кенозерской и Почезерской волостей два Ивана Ивановых и Андриян Иванов, по словам Ерофея Андреева, вымогали у старообрядцев деньги и закрывали глаза на их существование. Переписные книги Каргопольского уезда за 1712–1713 и 1718–1719 годы дают подробную информацию о составе семей этих священников и позволяют установить, кого именно имел в виду в своих показаниях Ерофей. В 1713 году в Кенозерской волости на погосте жили священники Успенской церкви два брата Иван Иванов Большой (1678 г. р.) и Иван Иванов Меньший (1680 г. р.) со своими семьями. У Ивана Большого дети: Андреян (1698 г. р.), Федор (1710 г. р.) и две дочери. У Ивана Меньшого дети: Иван (1708 г. р.), Михаил (1711 г. р.) и три дочери. В Почезерской волости на погосте жил священник церкви Происхождения Честнаго Креста Господня Иван Алексеев (1653 г. р.), у него сын тоже священник Иван (1678 г. р.). У Ивана Иванова дети: Алексей (1702 г. р.), Федор (1711 г. р.) и дочь²⁰. Иван Большой в переписи 1718–1719 годов отсутствует, а его сын Андриян выступает в роли священника²¹. По всей видимости, названные Ерофеем попы Иван и Андриян Ивановы – дядя и племянник из Кенозерской волости, а еще один Иван Иванов – из Почезерской волости. Таким образом, старообрядцы прожили в Янгорах до 1837 года, пользуясь попустительством (основанным на корыстолюбии) местных властей, как светских, так и духовных. В 1837 году в Янгорах был открыт православный приход и учрежден причт, а в 1840 году построена Введенская церковь²². Староверческая моленная православным причтом была приспособлена под домовые службы²³.

Возможно, именно это староверческое поселение в Янгорах фигурирует под названием Юрьегорской пустыни в рукописной книге, обнаруженной А. В. Пигиным в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук²⁴. Речь идет о сборной книжке для подаваний некой Юрьегорской пустыни, датируемой по записям 1815–1818 годами. Содержащаяся в книжке (явно старообрядческого происхождения, как справед-

ливо отметил А. В. Пигин) информация о числе жителей пустыни (150 человек), о причинах, побудивших отправить сборщика милостыни (неурожайный год), о часовне в честь Живоначальной Троицы, о ее старосте и настоятеле пустыни (мирских людях, не монахах) позволяет думать, что мы имеем дело не с монастырем, а с мирским поселением. Для староверческих общин, живших в удаленных от цивилизации лесных местах, было характерно использовать незаконно изготовленные книги для сбора средств на пропитание. Подобные сборные книжки выдавались сборщикам от имени, по всей видимости, реальных поселений, именовавшихся староверами пустынями²⁵. Церковные, а с их подачи и светские власти преследовали сборщиков, выясняли, где расположены эти пустыни, и принимали меры к их уничтожению. Считая само существование староверческих поселений незаконным, церковная администрация объявляла старообрядческие сборные книжки фальшивыми, а пустыни несуществующими. Но так ли это было на самом деле? Исследователю необходимо учитывать особенности терминологии старообрядцев, которые начиная с XVIII века приняли за обыкновение называть светские поселения монастырскими терминами – скит, пустынь. Конечно, с точки зрения церковных властей о православных монастырях не могло идти речи. Но если под пустынями понимать крестьянские поселения, то получается совсем иная картина. Например, в 1868 году ревностный гонитель староверов олонецкий архиепископ Аркадий в письме олонецкому губернатору о найденной сборной книжке Сумской пустыни уверял своего адресата, что «такой пустыни в здешнем крае не существует»²⁶. Однако столетием ранее как раз в «здешних» местах, то есть в Сумской и Корбозерской волостях, были известны два поселения у Нигозера и два на реке Водле. Эти сведения содержались в несохранившемся «Деле о имеющихся в Олонецком уезде раскольнических скитах» за 1740 год²⁷. Жители указанных «скиотов», следуя староверческой традиции, вполне могли назвать свое поселение Сумской пустыню и организовать в 1868 году сбор средств для поддержания своего существования. Думается, что жители янгорских деревень могли воспользоваться тем же приемом, оказавшись в тяжелой экономической ситуации в 1815 году. Так как Янгоры располагались на землях Юрьегорского монастыря (как об этом сказано в переписной книге 1718–1719 годов), то вполне допустимо, что обитатели этого поселения сочли возможным назвать его в сборной книжке Юрьегорской пустыню. Именно о янгорском поселении говорилось в 1740 году в «Доношении выгорецкого жителя Верховской трети Ивана Игнатьева на потаенных раскольников», что живут они «в Каргопольском уезде Юрьевыя горы монасты-

ря на их землях»²⁸. Если данное предположение верно, то обнаруженная и изданная А. В. Пигиным сборная книга является новым ценным источником для истории существования янгорского поселения в XIX веке.

Произведенный анализ новых документов позволяет представить картину существования староверческих поселений в окрестностях Диодоро-Юрьегорского монастыря на протяжении 150 лет. Выясняется, что осваивание староверами земель, непосредственно прилегавших к монастырю, происходило не без участия юрьегорских постриженников. Видна преемственность между

старыми поселениями, погибшими в XVII веке, и возникшими на их месте в XVIII веке новыми деревнями.

В приложении публикуются материалы допроса Ерофея Андреева в Каргопольском духовном правлении в 1729 году. Содержание этого документа было хорошо известно исследователям в XIX–XX веках²⁹, но полностью допрос Ерофея Андреева никогда не издавался. При публикации орфография документа сохранена, устаревшие буквы переданы современными, знаки препинания расставлены по современным правилам (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Св. 12. Д. 240).

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Л. 3 об.) И того ж числа оной раскольник в Духовном правлении допрашиван. А в допросе сказал. Родом де он Каргопольского уезда Кенозерской дворцовой волости деревни Телицныи Горы. От роду ему болши дватцати лет. И вывезен полугоду да брат ево Яков дву годов отцем их Андреем Гавриловым и с матерью их Настасьей Александровой дочерью в Янгору и в Кривой Пояс тому болши дватцати лет, где они и до мужества воспитались. И оной де их отец умре тому лет с двенатцать бес покаяния и погребен в лесе без отпевания. А мать их и поныне жива. И оне в том в Янгорах и в Кривом Поясе с протчими раскольниками живут, церкви Божии не имеют, и для исповеди отцев духовных не призывают, и никаких церковных таинств не сподобляются, и крестятся двоеперстным сложением. А живут они, поймав себе беглых девок, не венчався, как с сущими женами. А именно, он де Ярафий имеет себе за жену девку того ж Каргопольскаго уезда Турчасовского стану Прилуцкого приходу деревни Фехтолимы Матрену Стефанову дочь, а чьих прозванием сказать не знает. Тому де минуло три года. И прижили оне дву младенцев мужеска полу. И по рождении первой назван был Фомою, которой // (Л. 4) без крещения умре. Второй назван Матфием. И он и поныне жив, но точию и поныне не крещен же. А она де девка Матрона, мнимая ево жена, после обоих младенцев рождении молитвою не очищена. А имена де раждающимся младенцам дает старец Иов прозванием Матарыга, а грамоте не умеет. У которого и жена Феклиста да дочь девка живут с ним старицами, а где они пострижены, того сказать не знает. А родом де оной Матарыга Олонецкого уезда с Корбозера. Да у него же три сына. Иван да Стефан холосты, а Автаном имеет за жену ево Ярафиеву мнимую свесть девку Прасковью Стефанову, с которой прижито трое детей, ис которых один сын, имя ему Савин, да две дочери, и оным имянь сказать не упомнит. А брат де ево Ярафиев Яков Лепунов взял у оног старца Матарыги дочь девку Христину тому лет с шесть и имеет за жену без венчания. И прижил де с нею сына Макара, дочь Афимью. И оные брата ево дети не крещены и родильница молитвою не очищена, разве де не действовал ли означенной старец Матарыга чего тайно, о чем де ему Ярафию ведать невозможно, потому что, когда у него Матарыги и служба какая бывает, и ево Ярафия не допускают, а называют ево миршиной. А они де Матарыга, какого толку, сказать не знает. Да в том же их жительстве живут такие ж, как и они без венчания, а имянно: Федор Силуянов прозванием Таразанов, родом кенозерец же. У него дети: Никифор, Тихон холост. А Никифор имеет за жену девку Праскеву Никитину дочь // (Л. 4 об.) родом Почезерской волости с конца, и прижито у него с нею девкой две дочери, а имянно сказать не упомнит. А отец оной девки Праскевии Никита Игнатьев Кабанов з детми Андреем и Иваном родом Почезерской волости, ис которых Иван имеет за жену Белозерскаго уезда Ухотской волости девку Анну Козмину дочь, с которой прижито сын и дочь, а имянь не упомнит. А за Андреем помянутого Матарыгина третья дочь девка Праскева. Детей у него пятеро: Трофим, Федосий, а третьему имянь сказать не знает. Да две дочери – Марина и Параскева. Водлозерской волости Артемей Сидоров имеет за жену Кенозерской волости Никиты Пялозерова дочь девку Меланью, с которой детей прижил: сына Ивана да дву дочерей, коим имянь не помнит. Да оног Никиты Пялозерова сын Иван имеет за жену помянутого старца Матарыги четвертую дочь девку Варвару. У которого в прижитии было детей: три дочери да сын. И из оных ныне в живых имеются двое – сын Федор, а девки имяни сказать не знает. Сава Красной, у него сын Лука, родом пудожана. Лука имеет за жену Кенозерской волости девку Парасковью Андрееву дочь вдовы Оксиньи. Той же волости Дементей Иванов имеет за жену их Ярафиеву и брата ево Якова Ляпуна сестру родную девку Татьяну, с которой в прижитии дочь, а имени не упомнит. Семен Алексиев прозванием Синица родом Кенозерской волости имеет за жену мнимую вдову <нрзб.> // (Л. 5) Васильеву дочь. А детей с нею прижито два сына. Одному имя Исак, а другому не упомнит. А того Синицы брат родной Стефан холост. Афонасий Васильев родом кенозерец холост. Да две девки престарелых: ево Ярафиева двоюродная тетка Парасковья да у помянутого Никиты Кабанова дочь Ирина. Да вышеозначенной старец Матарыга с женою и з дочерью. И все вышеписанные живут без венчания, и младенцы без крещения, и родильницы без очищения молитв. Да в другом Янгорском жительстве имеется жителей Данилова толку, а имянно: староста Илья Пентелиев родом с Пудожской Горы с братом Федором холосты. Сестра их старая девка Ирина грамоте умеющая, которая в построеной у них часовне по их суеверию все службы опровляет. Сила Иванов родом пудожана с женою, сын Борис. Федор Остафьев с братом Климом холосты. Сестра девка Елена. Остафей Никитин, живет у него вдова Оксинья. Ияков Филатов, Петр да Иван Ивановы прозванием Кручинины. Потап Прохоров. Все оные родом кенозеры. У него племянник Герасим. Федор Корга из Масельской деревни. Стефан, Елфим, Григорий, а чьи дети и ис которых деревень сказать не упомнит. Василей Ладога, у него дети Самсон, Яков. Оног Василья Ладоги сестра девка Агафья. Андрей Васильев родом Кенорецкой волости с женою. Да отец ево Василей да Иван Егоровы дети холосты родом с Кены. Вышеименованной Белозерскаго уезда Ухотской волости Федор Никифоров за жену имеет вышепоказанного Никиты Кабанова дочь Афимью. У них сын, а имяни не упомнит. А они Федор с женою называют Екимка. Никита Войновых с женою Агафьей. У него дети: Фома, Василий, Иван, а четвертому имени не упомнит, // (Л. 5 об.) родом Водлозерской волости. Аммос Андреев с сестрою девкою Федосьею родом ладожана. Два старца. У одного отсечена левая рука, да правая нога, именем Александр. Другой, хлеба прося, живет, именем Иона. А отколе и где пострижены, того он, Ярофий, не знает. И ныне он, Ярафий, что во оном жительстве был, малоумием и младостию в вышеименованных церковных противностях жили, и то грешил неведением, смотря на других. И к святей Божии церкви ходить был не допущен от тамошних вышеозначенных жителей. А для наставления ни ис которых волостей священники не бывали кроме Почезерской и Кенорецкой волостей попов Иванов Ивановых и Андреяна Иванова, которые приезжают не для

обучения, чтоб к церкви Божии ходить, но ради собиранья себе руги. И в вышеписанном своем преступлении он, Ярафий, ея императорскому величеству и его преосвященству приносит повинование и просит прощения, а впредь желает он, чтоб ево со оною мнимою ево женою по закону Божию обменчат по святым правилам. За вышепоказанныя церковныя противности учинить решение: и впредь в церковь Божию к божественному пению ходить и вся церковная таинства принимать без сумнения и троепестным сложением креститься, также и на отеческом в Кенозерской волости деревни Телицыны Горы деревенском участке жить и подушные деньги платить, как указы повелевают, будет. А во оныя раскольническия места и прочия жилища, где церковныя противники живут, // (Л. 6) никакими мерами вступать и с ними сообщение иметь и к себе в дом пускать не будет. А ныне, ежели ему, Ярафию, во оном жительстве жить, то он опасен себе безвременныя смерти для того, что и в прошлыя годы, а наипаче в прошлом году, как от Каргопольской канцелярии послан был салдат Прокофий Попов. Тогда оныя салдат и жители Кабанова дети и Сава Красной частым боем и протчими тенетами обиды чинили. А ныне де в бытность ево в Духовном правлении приходили к нему, Ярофею, под окно декабря дня помянутой Иван Матарыгин да с ним неведомой человек и просили о рукоприкладстве, а х какому челобитью или к иному какому письму, того не ведает. Токмо де оной Матарыгин учили ево, Ярафия, чтоб на монаха Иоаникия бить челом. Но он, Ярафий, сверх показанного, что в допросе показал, на оного монаха Иоаникия бить челом не будет и в соре с монастырем и с ним монахом быть не желает. И о всем том полагается в волю ея императорского величества и его преосвященства. И по допросе оной раскольник Ярафий отдан для церковнаго исправления Каргопольского уезда Кенозерской волости попом Ивану и Андреяну Ивановым с роспискою. А потом во вторично поданном в Каргопольском же духовном правлении вышеименованного монаха Иоаникия генваря 25 дня сего ж года доношении написано. В прошлом де 729-м году декабря 27-го дня подано у него во оной приказ Янгор и Кривого Пояса о раскольниках доношение, ис которого один вышеозначенной Ярафий Андреев их Кожеозерского монастыря монахами // (Л. 6 об.) и Белозерской провинции салдатом Соболевым пойман и приведен к допросу, которой и допрашиван, и какие оне церкви Божии противности содержат, то показано в ево, Ярафиеве, допросе выше сего имянно. Да в том же Каргопольском уезде наигоршия тех имеются раскольники. А имянно в Усть-Мошском стану за погостом Задней Дубровы за шесть верст на речке Чаженге мужеска и женска полу человек со сто и больше выговского толку. Да в другом месте от того жительства за дватцать да пять верст на речки Порме, в котором жительстве разных толков имеется, а именно три, ис которых один чаженской. В том толку помянутой Заднедубровской волости житель, а ево монаха Иоаникия брат двоюродной Федор Иванов сын Ишкин начальником. У него жена Ирина, два сына Иван да Яков, да сестра девка Авдотья все перекрещены. А перекрещивает их и в монахи постригает неведомой монах родом с Ваги, а имени не упомнит. Другой толк Гостыин. В том толку имеется за начальника Каргопольского уезда Троицкой волости белгая девка Прасковья Гостыных. Также перекрещивает. Третий толк Ивана Александрова, а он Александров того ж Каргопольского уезда Плесской волости деревни Потылицыны. Перекрещиваются и прочтя церковныя противности все чинят, о которых и писанию предать мерзко. А в тех толках мужеска и женска полу старых и молодых больше четырех сот. А все живут церковей не имеют, только по их суеверию трапезы, где б им згореть. Как и на пред сего в давных годах // (Л. 7) в тех же местах жили раскольники же и оныя все в таких же трапезах згорели. И на тех местах поросли не малые леса, которые они называют «погорелкой». И которые леса у них имеются в особливых огородах. А толкуют об них, бутто за страдание оных згоревших раскольников так изрядно выросли. Также и в Янгорах и Кривом Поясе на таких же згоревших раскольников местах вырослые леса огорожены оградами, имеются в таковом же их суевежном памятстве. А может быть, что оныя раскольники из разных мест беглые. И в таком жилище во оном Каргопольском уезде в ближних и дальних волостях раскол весьма размножается, о чем тех волостей и попы с причетники могут быть известны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имя Диодор было получено Дамианом при принятии схимы перед кончиной.
- ² Докучаев - Басков К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: Преподобный Диодор Юрьегорский и основанный им монастырь. Петрозаводск, б. г. С. 26.
- ³ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 167 об.
- ⁴ Докучаев - Басков К. А. Указ. соч. С. 26–27; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 10. С. 630.
- ⁵ Характеристику этого памятника и литературу о нем см. в новейшей работе А. В. Пигина [2; 259–263].
- ⁶ ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Егорова). № 1137. Л. 304 об.; 318 об.–324; 330 об.
- ⁷ ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Егорова). № 1137. Л. 333–343.
- ⁸ Глава XXVII, озаглавленная «О отце Питириме». См.: Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 127–128.
- ⁹ Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // ЧОИДР. 1883 год. М., 1884. Кн. IV, разд. V. Смесь. С. 82–83.
- ¹⁰ По данным переписи 1678 года, в Космозерском селе при церкви Успения Пресвятой Богородицы служил поп Григорий Артемьев, который вместе с детьми Василием Большим и Василием Меньшим проживал в деревне Еремеевской. Там же жил дьячок Петрушка Антонов (РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 375 об.).
- ¹¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 96–97.
- ¹² Филиппов И. Указ. соч. С. 128.
- ¹³ Лопарев Х. Предисловие // Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения, 1691 года / Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 056–057.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 698. Л. 76 об.
- ¹⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 10. С. 630.
- ¹⁶ Зерцало в А. Н. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // ЧОИДР. 1890 год. М., 1890. Кн. III, разд. I. Материалы исторические. С. 1–440; Восстание 1662 г. в Москве.: Сб. док. / Сост. В. И. Буганов. М., 1964. 306 с.
- ¹⁷ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Св. 12. Д. 240. Л. 5 об.; Д. 528. Л. 15 об.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1024–1026.
- ¹⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 10. С. 632.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 167. Л. 294, 302 об.
- ²¹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 467.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Собрание Е. В. Барсова). Оп. 1. Д. 698. Л. 29.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Собрание Е. В. Барсова). Оп. 1. Д. 704. Л. 35.

- ²⁴ Во вводной статье перед публикацией А. В. Пигин высказал предположение, что староверческое поселение находилось на Юрьевой горе, то есть на месте существования Юрьегорского монастыря (см.: [2]).
- ²⁵ Известны книги за 1838, 1855, 1868 годы для сбора средств от имени Пертозерской, Шожмозерской и Сумской пустынь. (НА РК. Ф. 1 (Канцелярия олоневского губернатора). Оп. 1. Д. 43/20; Оп. 46. Д. 14/365; Д. 4/70).
- ²⁶ НА РК. Ф. 1 (Канцелярия олоневского губернатора). Оп. 46. Д. 4/70. Л. 3 об.
- ²⁷ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 469. Л. 23.
- ²⁸ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 469. Л. 34.
- ²⁹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 10. С. 630–632.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. 136 с.
2. Пигин А. В. К вопросу о старообрядческом почитании святых Обонежья (Корнилий Палеостровский и Диодор Юрьегорский) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. Вып. 5. М., 2013. С. 251–269.
3. Пигин А. В. О некоторых книгах из Троицкого Юрьегорского монастыря // Книжные центры Древней Руси: книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 321–329.
4. Старицын А. Н. Анзерские старцы // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы. М., 2011. Т. I. С. 5–13
5. Чумичева О. В. Дамиан Юрьегорский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 704–707.

Staritsyn A. N., Institute for Scientific Information on Social Sciences of RAS
(Moscow, Russian Federation)

**OLD BELIEVERS' SETTLEMENTS OF DIODORO-YUR'EGORSKIY MONASTERY
AND ITS SURROUNDINGS**

Collected materials are concerned with the poorly studied period in the history of Yur'egorskiy monastery. The materials are studied in light of the ruling monarchs' attitude to the XVIIth century Church reforms. The fate of the monastery's novices, who rebelled against the Church innovations, is traced. New sources providing information on the old believers' settlements on the lands of Yur'egorskiy monastery are presented. The in-depth analysis of collected documents helped to reveal the fact that introduced Church reforms were widely opposed by the Russian North.

Key words: old belief Church reform, Northern monasteries, old believers' settlements

REFERENCES

1. Buganov V. I. *Moskovskoe vosstanie 1662 g.* [Moscow uprising 1662]. Moscow, 1964. 136 p.
2. Pigin A. V. To the question of veneration of Obonezhje Saints (Cornelius Paleostrovskij, and Diodorus Ur'iegorskij) [K voprosu o staroobryadcheskom pochitanii svyatykh Obonezh'ya (Korniliy Paleostrovskiy i Diodor Yur'egorskij)]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.): Sb. nauch. tr. Vyp. 5* [Old believers in Russia (XVII–XX centuries): Collection of scientific works. Issue 5]. Moscow, 2013. P. 251–269.
3. Pigin A. V. On the books from Trinity Ur'iegorskij monastery [O nekotorykh knigakh iz Troitskogo Yur'iegorskogo monastyrya]. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi: knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrya* [Book centers of Ancient Russia: book heritage of the Solovetsky monastery]. St. Petersburg, 2010. P. 321–329.
4. Staritsyn A. N. Anzer's elders [Anzerskie startsy]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': materialy* [Old Belief: history, culture, modern times: materials]. Moscow, 2011. Vol. I. P. 5–13.
5. Chumicheva O. V. Damian Yur'iegorskij [Damian Yur'iegorskij]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, 2006. Vol. 13. P. 704–707.

Поступила в редакцию 18.03.2014

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА КУЗНЕЦОВА

аспирант кафедры истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
foliage.07@mail.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ САТИРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ «АДСКАЯ ГАЗЕТА» В ОЦЕНКАХ А. Н. АФАНАСЬЕВА И А. С. ПРУГАВИНА*

Рассмотрен вклад известного дореволюционного исследователя старообрядчества А. С. Пругавина в изучение народного сатирического произведения «Адская газета», существовавшего в православной и старообрядческой версиях. А. С. Пругавин проанализировал текст этого произведения по двум спискам, впервые опубликованным в середине XIX века А. Н. Афанасьевым. Им выделены ключевые моменты, по которым текст может быть отнесен к старообрядческой сатире.

Ключевые слова: А. С. Пругавин, А. Н. Афанасьев, духовные стихи, «Адская газета», старообрядческая литература

Известный исследователь сектантства и старообрядчества в Российской Империи Александр Степанович Пругавин придавал большое значение изучению культуры и рукописного наследия российских старообрядцев, которые, как он считал, являются ценным материалом для изучения внутренней жизни старообрядческих общин. Так, в своих заметках он отмечал, что «в среде так называемого “раскольничьего” населения, как известно, распространено множество стихов, преимущественно... духовного содержания... стихи исторические», а также «сильно распространены сатиры в стихотворной форме»¹.

Не удивительно, что А. С. Пругавин с интересом познакомился со статьей фольклориста А. Н. Афанасьева «Адская газета», опубликованной в 1858 году в журнале «Библиографические записки»² и посвященной этому широко распространенному в народной и старообрядческой среде сатирическому произведению, и прокомментировал эту статью в своей заметке для журнала «Русская старина» (Л. 3).

«Адская газета» (встречался также вариант названия «Газета из ада») в XIX веке представляла собой малоисследованный текст народной религиозно-сатирической поэзии, в котором «давалась критическая характеристика современности (“нынешних плачевных и последних лет”), описывался суд Сатаны над “грешными душами”, только попавшими в ад, и перечислялись муки, которые претерпевают в аду наказанные грешники»³.

Немало редакций этого произведения возникло также и в старообрядческой и сектантской среде Российской Империи, где оно было достаточно популярным и подвергалось переработке.

Фольклорист А. Н. Афанасьев (1826–1871) известен читателям прежде всего как издатель «Народных русских сказок», «Народных русских легенд» и «Русских заветных сказок». Он не случайно обратил внимание на данное про-

изведение [3]. Особый интерес у А. Н. Афанасьева вызывали материалы антикрепостнического и антицерковного содержания, которые можно было встретить в народном творчестве в устном, рукописном или печатном вариантах [2]. Одним из таких материалов и стала «Адская газета».

Кроме того что А. Н. Афанасьев служил в Московском архиве Министерства иностранных дел⁴ и был собирателем фольклора, он являлся еще историком и литературоведом, а в 1850–1859 годах также и редактором журнала «Библиографические записки» (который, «как и многие библиографические издания, общество не нашло полезным»⁵), где публиковал и свои статьи. Именно там впервые А. Н. Афанасьев в 1858 году не только опубликовал выдержки из двух текстов «Адской газеты» (хотя сами тексты ранее печатались), но и определенным образом их истолковал: кратко охарактеризовал происхождение этого народного произведения, а также рассмотрел сюжет и проанализировал язык и форму сочинения, имея на руках два списка – московский и белорусский⁶.

Позже были опубликованы и другие списки этого произведения: В. И. Лествицыным в журнале «Русская старина»⁷, П. А. Шилковым в «Этнографическом обозрении»⁸, А. И. Яцимирским в «Известиях Отделения русского языка и словесности»⁹, Н. Н. Оглоблиным в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских»¹⁰, П. А. Россиным в газете «Новое слово»¹¹, Ф. В. Ливановым в его знаменитой работе «Раскольники и острожники»¹² и Т. С. Рождественским в «Записках Московского археологического института»¹³.

Каждая публикация продолжала, расширяла и углубляла исследование этого произведения. Так, краевед из Ярославской губернии В. И. Лествицын напечатал в своей статье один из списков «Адской газеты» в полном варианте (в отличие от А. Н. Афанасьева, который привел лишь выдержки из имеющихся у него

текстов), член Уральского общества любителей естествознания П. А. Шилков опубликовал список «газеты», найденный на территории Урала. А. И. Яцимирский опубликовал список по рукописи, которая имела достаточно позднюю датировку – 1833–1834 годы (благодаря чему можно было попытаться проследить историю переработки и дополнения произведения), и принадлежала мещанину Ивану Михееву из г. Арзамаса. А. И. Яцимирский обращает внимание на то, что сборник, в котором содержалась статья под названием «Адские газеты в пяток сырныи недели», был «писанный безграмотно крупным печатным полууставом»⁴. Также он определяет происхождение этой статьи как южнорусское, опираясь на язык текста. Рукопись, опубликованная Н. Н. Оглоблиным, хранилась в библиотеке Киевского Софийского собора. Она была записана в Смоленской губернии как произведение народное. П. А. Россиев опубликовал «свой» вариант «Адской газеты», не указывая источник происхождения, но датировал его создание 1812 годом, когда была представлена эта новая редакция. Ф. В. Ливанов и Т. С. Рождественский в своих трудах опубликовали списки «Адской газеты», созданные и имевшие хождение в старообрядческой среде.

Несмотря на это можно утверждать, что в дореволюционный период именно А. Н. Афанасьев являлся первым исследователем, который провел анализ «Адской газеты», а последующие попытки проанализировать особенности произведения относятся уже к концу XX века [5].

А. С. Пругавин, как исследователь старообрядчества и сектантства в России, не мог не заинтересоваться данным текстом и его анализом (пусть и кратким), изданным А. Н. Афанасьевым. Один из «афанасьевских» списков этого произведения он определял как старообрядческий духовный стих. А. С. Пругавин считал, что при изучении старообрядчества и старообрядческих сочинений необходимо большое внимание уделять особенностям культуры и творчества его создателей, так как, по его мнению, «всякое сектантство представляло собою прежде всего явление культурного характера» (Л. 41). А. С. Пругавин, анализируя оба опубликованных списка, выделяет и комментирует те отрывки текста, которые позволяют выделить в произведении именно «раскольничий» дух. Однако следует заметить, что А. С. Пругавин в своих замечаниях к статье А. Н. Афанасьева не претендовал на литературный анализ этого произведения. Его интересовала исключительно его «раскольничья» составляющая. А. С. Пругавин стремился показать читателям те ментальные и культурные особенности, содержащиеся в произведении, которые составляли мировосприятие старообрядцев и откладывали отпечаток на их отношение к окружающей действительности.

Эти особенности можно было проследить, сравнив два списка «Адской газеты».

Кроме того, А. С. Пругавин указывал, что нельзя одинаково оценивать два списка, опубликованные А. Н. Афанасьевым, и нельзя именно потому, что они имели различное происхождение – «раскольничье» и православное. Это заявление он подкрепил подробным текстологическим анализом обоих представленных списков, выявляя их особенности.

В своих заметках А. С. Пругавин отмечает достоинства и недостатки той характеристики, которую получил текст «Адской газеты» от А. Н. Афанасьева, с точки зрения исследователя старообрядчества. Так, А. Н. Афанасьев писал: «В сатире этой много довольно грубых выражений, но мало соли; она чужда той мудрой наблюдательности, которая умеет схватывать типические стороны людских отношений и которую не раз мы замечали в чисто народных сатирических рассказах. “Адская газета” казнит порок, почти не касаясь тех характеристических особенностей, какие принимает он в своем проливании на известной почве и в известную эпоху». А. С. Пругавин, комментируя это высказывание, отмечает, что «разбирая эту народную сатиру... почтенный автор отнесся к ней... с излишней строгостью» (Л. 9, 10).

По мнению А. С. Пругавина, столь строгое отношение А. Н. Афанасьева к произведению может быть объяснено тем, что «варианты “Адской газеты”, которые были в его руках, судя по выдержкам, приводимым им... весьма неполны и отрывочны» (Л. 10 об.). Кроме того, и это наблюдение представляется самым значимым, А. С. Пругавин указывает, что два списка произведения, которые имелись у А. Н. Афанасьева, были различны по происхождению. Первый текст принадлежал перу старообрядцев и был распространен в старообрядческой и сектантской среде Красноуфимского уезда Пермской губернии (откуда его доставил А. Н. Афанасьеву Н. А. Курбатов), а второй вариант текста был, во-первых, более полным и, во-вторых, был составлен людьми, исповавшими официальное православие. Эти выводы А. С. Пругавин делает, проанализировав тексты, приводимые А. Н. Афанасьевым в своей заметке. Так, он отмечает, что список, созданный православным автором, отличается от «раскольничьего» «большей полнотой и некоторыми типическими особенностями» (Л. 12). А различия между текстами старообрядческого списка и списка православного определяет одной (из множества таковых) значимой особенностью: «...прежде всего в нем (в православном варианте. – Н. К.) мы не находим той мрачной, пессимистичной характеристики нашего и последнего времени, которой начинается раскольничья “Адская газета”» (Л. 12).

Еще одно ключевое отличие двух вариантов «Адской газеты», отмеченное А. С. Пругави-

ным, это порядок, в котором в тексте приводят к сатане грешников. Православный вариант имеет следующий порядок: первым попадает к сатане «пьяница, опившийся до смерти», вторым – «в блюде убитый человек», а после них – «богатый винный откупщик» (Л. 13).

Вариант газеты, создание которого, по мнению А. С. Пругавина, должно быть приписано старообрядческой среде, имеет иное начало: первыми попадают к сатане «монахи-чернецы, которые на самом деле были великие пьяницы» (Л. 13), затем «священные дьяконы и попы» (Л. 13), а уже далее следует «запойца... гордые купцы и бояре господа», ростовщики, скряги, «воры, убийцы и грабители – великие людям притеснители» (Л. 16). И эта разница представляется А. С. Пругавину показательной, ведь в православном варианте текста «высшие духовные власти», «льстивые архиереи», «безпечальные чернецы» (Л. 14) являются к сатане пятыми, шестыми и восьмыми соответственно.

Разница в порядке, в котором приводятся грешники, попавшие в ад, по мнению А. С. Пругавина, «не дело случая; а наоборот, она как нельзя лучше характеризует отношение раскольничьей и православной массы к тем или другим нарушениям» (Л. 14).

Таким образом, А. С. Пругавин, произведя анализ статьи А. Н. Афанасьева об одном из духовных произведений, имевших хождение в народе, «Адской газете», указывает на разное происхождение имевшихся у А. Н. Афанасьева текстов и определяет один из опубликованных списков как старообрядческое сочинение. Он выявляет в тексте особенности, характерные именно для произведений старообрядческих авторов. А. С. Пругавин демонстрирует современникам, что старообрядческое творчество в народе имело достаточно свободное хождение, а география распространения духовных сатирических сочинений старообрядцев была очень широкой: от центра страны и до ее окраин.

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках деятельности НОЦ «Русский Север».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пругавин А. С. Раскольничья поэзия. Материалы для характеристики внутренней жизни раскола // Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 3 (опубликовано «Вредные секты. Очерки уральского сектанства по официальным данным» // Русская старина. 1884. № 3–4). Далее ссылки на это архивное издание даются в круглых скобках с указанием листа.
- ² Афанасьев А. Н. Адская газета // Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 2. С. 53–55.
- ³ Лествицын В. И. «Крестьянская газета из ада» // Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 213–216
- ⁴ Альбицкий К. П. Выписки некрологов, биографий, заметок о писателях и ученых из календарей, словарей и проч. // РГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 46.
- ⁵ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1891. Т. III А. 709 с.
- ⁶ Афанасьев А. Н. Адская газета // Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 2. С. 53–55
- ⁷ Лествицын В. И. «Крестьянская газета из ада» // Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 213–216.
- ⁸ Шилков П. А. «Адская газета» // Этнографическое обозрение. 1891. № 3. С. 235–237.
- ⁹ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам // Известия Отделения русского языка и словесности. 1906. Кн. 2. С. 315–318.
- ¹⁰ Оглоблин Н. Н. Из бытовой истории XIX в. // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1910. Т. 232. Отд. III. Смесь. С. 1–38.
- ¹¹ Россиев П. А. 1812 год в анекдотах // Новое слово. 1912. № 7. С. 30–54.
- ¹² Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. СПб., 1872. Т. 4. С. 161–162.
- ¹³ Рождественский Т. С. «Памятники старообрядческой поэзии» // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. VI.
- ¹⁴ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам // Известия Отделения русского языка и словесности. 1906. Кн. 2. С. 315–318.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске А. С. Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>
2. Бараг Л. Г., Новиков Н. В. А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984–1985. Т. 1. С. 377–426
3. Кирдан В. П. А. Н. Афанасьев – фольклорист, гражданин, демократ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/afan/intro.php
4. Крашенинникова Ю. Литературные и лубочные произведения в текстах русского свадебного обряда // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Сэфер; Институт славяноведения Российской академии наук, 2013. С. 247–260.
5. Таранец С. В. Обзор третьего выпуска ежегодника «Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность» // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: Сборник научных трудов и материалов / Отв. ред. и состав. С. В. Таранец. Киев: Музей истории и культуры старообрядчества Украины, 2009. Вып. 3. 316 с.
6. Храмова Н. Б. «Адская газета»: проблема выделения редакций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/164.pdf

Kuznetsova N. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**OLD BELIEVERS' SATIRICAL COMPOSITION "HELLISH NEWSPAPER"
IN ASSESSMENTS GIVEN BY A. S. PRUGAVIN AND A. N. AFANSYEV**

Contribution of the famous pre-revolutionary researcher of the old belief A. S. Prugavin into the study of the folk satirical work "Hellish newspaper" ("Adskaya Gazeta") is assessed. There are two versions of the work: the Orthodox and the Old Believers' version. A. S. Prugavin analyzed the text of this work using two lists, which were published by A. N. Afanasyev for the first time in the middle of the XIX century. The researcher highlighted the key points of the work based on which the work can be identified as an Old Believers' satire.

Key words: A. S. Prugavin, A. N. Afanasyev, Russian spiritual folk verses, "Hellish newspaper" ("Adskaya Gazeta"), the Old Believers' literature

REFERENCES

1. A l e k s e e v M. P. Unnoticed folkloric motif in the rough draft of A. S. Pushkin [Nezamechenny fol'klorny motif v chernovom nabroske A. S. Pushkina]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Unnoticed folkloric motif in the rough draft of A. S. Pushkin]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>
2. B a r a g L. G., N o v i k o v N. V. Collection of the folk tales by A. N. Afanasyev [Afanas'ev i ego sobranie narodnykh skazok]. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t. / Podgot. L. G. Barag, N. V. Novikov; Otv. red. E. V. Pomerantseva, K. V. Chistov* [A. N. Afanasyev's Russian folk fairy tales: The 3 tons]. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985. Vol. 1. P. 377–426.
3. K i r d a n V. P. A. N. Afanas'ev – fol'klorist, grazhdanin, demokrat [A. N. Afanasyev – a specialist in folklore, a citizen and a democrat]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/afan/intro.php
4. K r a s h e n i n n i k o v a Yu. The literary works and the cheap works popular in the texts of Russian wedding ceremony [Literaturnye i lubochnye proizvedeniya v tekstakh russkogo svadebnogo obryada]. *Ustnoe i knizhnoe v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [The literary works popular in the texts of the Russian wedding ceremony. Verbal and bookish Slavic and Jewish cultural tradition]. Moscow, Sefer; Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2013. P. 247–260.
5. T a r a n e t s S. V. Overview of the third edition of the yearbook "The Fate of Old Believers in the XX–XXI centuries.: Past and Present" [Obzor tret'ego vypuska ezhegodnika "Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI vv.: istoriya i sovremennost'"]. *Sud'ba staroobryadchestva v XX – nachale XXI vv.: istoriya i sovremennost': Sbornik nauchnykh trudov i materialov / Otv. red. i sostav. S. V. Taranets* [The fate of the Old Believers in the XX–XXI centuries.: History and modernity. Collection of research papers and materials]. Kiev, Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva Ukrainy Publ., 2009. Vol. 3. 316 p.
6. K h r a m o v a N. B. "Adskaya gazeta": problema vydeleniya redaktsiy ["Hellish newspaper": a problem of the publishing agency]. Available at: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/164.pdf

Поступила в редакцию 21.02.2014

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ СТАЧИНСКИЙ
кандидат искусствоведения, профессор, Петрозаводская
государственная консерватория им. А. К. Глазунова (Петрозаводск, Российская Федерация)
vladstach@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ЭПИЧЕСКОГО И ЛИРИЧЕСКОГО В «КАЛЕВАЛЕ» (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КУЛЛЕРВО В СИМФОНИИ № 2 А. БЕЛОБОРОДОВА)

Анализируется отражение лирического начала в музыкальных произведениях, обращенных к народному эпосу. Предложенный музыковедом Ю. Коном метод проявления эпического в музыкальных произведениях через формульность и реминисцентность рассмотрен на примере фрагментов симфонии № 2 «Куллерво» А. Белобородова. Эпичность в ней проявляется в масштабности идей, обобщенности образного содержания, последовательной передаче событий в соответствии с сюжетом «Калевалы». Наряду с этим лирическое начало, будучи константной составляющей музыкального высказывания в целом, присутствует как в характеристиках эмоциональных переживаний героев эпоса, так и в незримом присутствии «всевидающего ока» автора, в его отношении к происходящему, проявляющемуся через композиционное мышление и индивидуальный музыкальный язык.

Ключевые слова: Я. Сибелиус, эпическое, лирическое, формульность, реминисцентность

Карело-финский эпос «Калевала» является неисчерпаемым источником вдохновения для многих поколений писателей, художников и композиторов. В области музыкального творчества к сюжетам «Калевалы» первыми обратились представители финской композиторской школы А. Ингелиус (симфония, 1847), Ф. Шанц (симфоническая увертюра «Куллерво», 1860), М. Вегелиус (симфония, вокальная и хоровая музыка), Р. Каянус («Смерть Куллерво» для оркестра, 1881; симфония с хором «Айно», 1885) и др.¹

Крупнейший финский композитор Я. Сибелиус (1865–1957) в своем творчестве также неоднократно обращался к «Калевале» и положил начало новому подходу в преломлении финских песенных традиций [6; 74]. Его масштабный симфонизм пронизан глубокой лиричностью. Связь разных типов музыкальной драматургии отмечал еще И. Соллертинский, писавший, что эпический симфонизм – это «лирика, но не отдельной личности, а лирика целого народа, целой культуры, лирика, откристаллизовавшаяся в течение столетий, связанная с национально-героическими преданиями, с великим историческим прошлым народа» [9; 75]. В статье «Эпический программный симфонизм Сибелиуса и “Калевала”» музыковед Ю. Кон в качестве инструмента исследования эпической основы тематизма в программных сочинениях композитора прибегает к аналогии с поэтикой. На основе исследования М. Гаспарова и Е. Рузиной о поэтике формул и реминисценций в сочинениях Вергилия он анализирует в «калевальских» произведениях Сибелиуса соотношение объективно-отстраненного (безликого) и индивидуального (личного): «Формула всегда ничья, реминисценция – всегда чья-то» [3; 191]. По словам Ю. Кона: «Две черты поэтики эпоса – формульность и

реминисцентность – сказываются в эпическом симфонизме с такой определенностью... что можно высказать утверждение: эпический симфонизм потому-то воспринимается как таковой, что в нем, пусть опосредованно, выявляются формульность и реминисцентность» [6; 77]. В качестве музыкальных формул в произведении могут выступать бытующие типовые интонации, почерпнутые как из фольклора, так и из музыкального «словаря» эпохи и проявляющиеся либо в виде цитат, либо в авторском тематизме, который был сформирован на основе личного слухового опыта. Реминисценции же, по Кону, обнаруживают себя «в близости тем разных сочинений одного автора или разных авторов, представляющих эпический симфонизм» [6; 78]. Направленность изложения на повествовательность и обстоятельное, постепенное развертывание каждой музыкальной идеи обуславливают такие нехарактерные для драматических произведений приемы, как мышление крупными и статичными разделами, наличие варьированных масштабных повторов. При этом как формульные, так и реминисцентные интонации в процессе композиционного развития в большей мере теряют свой первоначальный облик, но в отличие от лирико-драматических типов изложения, где темы могут изменяться вплоть до еле заметных намеков, в эпической музыке допускаются их изменения лишь при условии сохранения минимума интонационной характерности, обеспечивающей узнаваемость. Примечательно, что уже в первом крупном эпическом произведении, основанном на сюжете «Калевалы», – симфонии «Куллерво» (1892) – Сибелиус не прибегает к прямым цитатам из народной музыки. Однако в ней звучит тема, интонационно близкая финской лирической песне «Я для тебя пою, красна девица»,

которая, по мнению Ю. Кона, является типичной темой-реминисценцией (Главная партия). Она подобно лирическим отступлениям в самой «Калевале» оказывается важным средством художественного воздействия на слушателя, знакомого с финским фольклором, как и другие темы симфонии, построенные по аналогии с руническими напевами (Вторая побочная партия). К «обезличенным» формулам в противовес обнаруженной реминисцентности, скорее всего, примыкают тематические пласты, навеянные австро-немецким симфонизмом XIX века, в частности Брукнером, под влиянием которого в те годы находился композитор. Таким образом, в программной симфонии Сибелиуса «Куллерво» черты эпического симфонизма проявляются в виде последовательного взаимодействия формул – так называемых общих форм звучания и реминисценций колоритных тем, которые звучат как авторские лирические комментарии на фоне объективного в своей бесстрастности повествования.

История Куллерво не вполне соответствует эпическому жанру, так как изобилует драматическими ситуациями и переживаниями героя, больше походя на трагедию. Рассмотрим ее с точки зрения реминисцентно-лирического насыщения. В «Калевале» судьбе мистического воина мученика Куллерво посвящено шесть рун (с тридцать первой по тридцать шестую). С точки зрения народного эпоса его жизнь, как и смерть, поучительны и имеют глубинный этический подтекст. Не случайно в эпилоге в качестве морали последнее слово остается за старейшим хранителем мудрости баяном-певцом Вяйнемейненем:

Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку!
Если дурно нянчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть окрепнет мощным телом
И состарится с годами².

Если иметь в виду, что Куллерво был рожден уже в плену рабом и «воспитывался» врагами, то смысл высказывания Вяйнемейнена значительно перевешивает обыденное толкование слова в сторону этического и поэтического значений. История, начинающаяся враждой двух братских кланов и развертывающаяся на фоне судьбы отпрыска одного из них, завершается всеобщей гибелью и самоуничтожением. Очевидность роковых последствий людского мировоззрения, основанного на негативных чувствах, персонифицирована в трагической судьбе эпического героя Куллерво, благодаря чему его литературный образ получает значение социально-этического символа. Ассоциативные параллели связывают его индивидуальную судьбу

со всеобщей историей родовых отношений в обществе. Такое мощное кодирование словесного материала в художественно значимый текст, несущий в себе несколько надтекстовых смысловых планов, становится возможным не только благодаря пространно-эпическому повествованию, но, главным образом, привнесению в него лирического субъективного плана на основе отстраненного объективно-обезличенного способа изложения. Эта парадоксальная двойственность эпического и лирического начал присутствует везде, где через прямую или косвенную речь передаются мысли, желания как самого Куллерво, так и других участников событий. Стремление героя к успеху и благополучию каждый раз оборачивается для него или его близких достижением обратного результата. При этом сочувствие к Куллерво неизбежно упирается в фатальную неразрешимость жизненной ситуации с положительным для героя исходом. Его деятельность приводит к разрушительным последствиям: даже случайная встреча с без вести пропавшей в младенчестве сестрой оборачивается непреднамеренным инцестом, влекущим за собой ее гибель. В результате создается впечатление, что рок, нависший над судьбой героя, был предначертан еще до рождения событиями, связанными с враждой его предков.

Сложный характер героя с большим эмоциональным диапазоном: от ненависти и упрямства, необузданности страстей до нежной сыновней любви и верности – выгодно отличает Куллерво от других персонажей народного эпоса. Как отмечает Э. Карху: «...на фоне представлений о финнах, как о смиренной нации, цикл о Куллерво-бунтаре стал открытием. Раб олицетворял конфликт личности и обстоятельств, его судьба ассоциировалась с угнетающей атмосферой середины XIX века» [7].

По словам В. И. Ниловой: «Многообразные индивидуально-стилевые решения этого трагедийного образа в финской музыке XX века во многом исходят из симфонии “Куллерво” Сибелиуса, в которой композитор наметил два пути раскрытия эпического образа: обобщенно-симфонический и программно-дескриптивный. В творчестве современников Сибелиуса первый представлен симфонической поэмой Мадетоя “Куллерво” (1913), второй – одноименной оперой Лауниса (1917)» [8; 65].

Надо заметить, что современные тенденции в пересмотре отношения к народному эпосу в сторону психологической драматургии связаны с общей индивидуализацией художественного языка авторов. Например, в музыкознании понятие консонирующей гармонии все чаще диктуется как «аналог старых и чуть ли не бесполезных истин» [1; 7], а значение диссонанса из прошлого прочтения как «звукового выражения информации проблемно-конфликтного содержания» [1;

6] переросло в понятие «консонизирующего диссонанса» применительно к новым композиционно-технологическим системам. Теперь уже в целом диссонантная основа представляет собой фоновую формулу эпического размышления для вкрапления лирических реминисценций в виде консонантных цитат «из прошлого» в ретроспективном состоянии рефлексии сознания.

Важными качествами современного мировосприятия стала эклектичность и клиповое мышление³. Современное общественное сознание требует краткости, конспективности изложения мысли, что не может не отразиться на изменении принципов формообразования музыкальной композиции: замены последовательного изложения на использование афоризмов⁴ и цитат. Время изложения сжимается. Если пятичастная симфония Я. Сибелиуса «Куллерво» звучит продолжительностью около полутора часов, то симфония «Куллерво» карельского композитора А. Белобородова длится чуть более получаса. При этом емкость художественного образа не страдает, а наоборот, выигрывает благодаря сжато до признаков афористичности высказыванию.

Рассмотрим подробнее современное прочтение истории о Куллерво в трактовке А. Белобородова⁵ [2]. Вся симфония состоит из шести частей: 1. «Вражда». 2. «Рождение Куллерво». 3. «Пастораль». 4. «Мечь». 5. «Сестра» и 6. «Финал». Число частей соответствует числу рун «Калевалы», посвященных Куллерво, что говорит о программном типе сочинения. Многочастная музыкальная композиция с последовательным изложением идей литературного текста, с вариативными повторами тематического материала, связанными с теми или иными поворотами сюжетной линии, – все это подчеркивает принадлежность данного сочинения к типу эпической драматургии. Об этом говорит также использование в симфонии звукоизобразительных эффектов. Например, момент, когда Куллерво ломает нож о камень, изображен в музыке резким скольжением металлического предмета по тамтаму. Для иллюстрации момента гибели сестры Куллерво композитор использует флажолеты и пустые квинты у струнных и глассандо у арфы, которые ассоциируются с расходящимися кругами на водной глади. Музыкальные темы, характеризующие Куллерво и его сестру, схожи между собой по характеру изложения, чем отражают родство героев, сама тема сестры является цитатой из народного рунического напева о запретной любви брата и сестры. В финале симфонии момент экстатического ослепления Куллерво чувством гнева, мщения и ненависти к самому себе изображается беспощадным боем барабанов и беспорядочным вступлением незавершенных мотивов, хаотичность движения которых воспринимается как одержимость героя активными, но бесполезными действиями. Даже заключительное послесловие – печальное

Doloroso – отчасти роднит лирическое отступление автора с этическим резюме Вяйнёмейнена.

На примере первых двух частей «Вражда» и «Рождение Куллерво» попробуем найти образные соответствия симфонии сюжету эпоса. Они посвящены событиям тридцать первой руны «Калевалы». В первой части «Вражда» общий эмоциональный фон повествования насыщен негативом: война, убийство, месть, жестокость, насилие и т. д. Именно вражда становится исходным пунктом всех дальнейших событий, поэтому композитор решает задачу создания соответствующей данному образу атмосферы путем нагнетания сумрачных тембровых и диссонантно-гармонических созвучий, а также нервно-тревожного пульсирования ритмов. Вступление строится на непрерывном крещендирующем и уплотняющемся унисоне на ноте Ре, в кульминации развития которого под устрашающей бой ударных инструментов происходит его расщепление на зловещие созвучия, подхватываемые различными оркестровыми группами инструментов. Нарастающее напряжение звучания достигает пика динамических возможностей оркестра, и после кульминации, озаменованной ударом тамтама, также постепенно удаляется. Образовавшаяся тишина пугает не меньше: она словно темнота, заселенная десятками невидимых хищных глаз. В этом эпизоде Белобородов целенаправленно использует неординарные композиторские средства для воссоздания максимально приближенного к реальному ощущению чувства страха, тревоги, гнетущего предчувствия. Вместе с тем он создает музыкальную формулу эпического плана, которая предвещает дальнейшее повествование о трагических событиях с их поочередной демонстрацией. Далее после продолжительной паузы появляются две главные темы части. По определению самого композитора, первая тема – *тема рока* – звучит в виде струнного хорала в сопровождении тремоло литавр и стилистически ассоциируется с реминисценцией постромантизма. Вторая – *тема вражды* – при внимательном изучении оказывается производной от первой, так как ее остигатное движение в исполнении низких контрабасов и виолончелей происходит по мелодическим звукам предыдущего хорала. Обе темы звучат в напряженно-низких регистрах и сопровождаются резкими мотивами в крутом дугообразном движении высоких деревянных духовых инструментов, которые обрывочными пронзительными «выкриками» напоминают карканье вороньих стай в предвкушении кровавого пиршества. Эту ассоциацию усиливает постепенное ускорение темпа темы вражды, упрямо пульсирующей, нарастающей в динамике и переплетающейся в полифоническом наложении с *темой рока*. Постепенное усложнение ритмической пульсации, уплотнение фактуры новыми композиционными элементами и насыщение оркестровой палитры

все новыми тембровыми характеристиками, наконец, взрывает звуковое пространство боевым кличем унисона медных духовых инструментов и сакраментальным ударом тарелок, за которым читается образ крушения судьбы. Образ порвавшейся от напряжения струны кантеле в руках Вайнемейнена изображен заключительным ударным кластером высоких деревянных духовых инструментов и ксилофона.

Вторая часть «Рождение Куллерво» по контрасту с первой насыщена лирическими интонациями, в которых прочитываются как чувство трогательной нежности по отношению к факту рождения младенца, так и чувство жалости и сострадания в связи с его сиротским одиночеством. С точки зрения формы музыка этой части напоминает побочную партию, в романтических традициях оттеняющую динамичную по характеру главную партию, в качестве которой выступает «Вражда». Но особенностью здесь становится то, что она основана на интонациях *темы рока*, переосмысленных в контексте чувства радости и торжества при появлении на свет нового человека. Здесь постромантические реминисценции продемонстрированы автором в полном объеме: широкие распевные интонации и сложные тонально-гармонические сочетания в кульминации развития подхватываются теплым тембром всей струнной группы, напоминающая поэзию малеровских адажио. Вначале светлые мажорные гармонии и густые красочные тембры духовых инструментов, за которыми завуалированно скрывается роковое предопределение героя, сопровождают одинокую мелодию скрипок, которая словно в сомнениях вертится вокруг одной и той же интонации, не находя ритмической опоры и гармонического завершения. Она подхватывается различными тембрами инструментов то деревянной, то медной, то струнной групп оркестра, что ассоциируется с одинокой душой, которая ищет и не может найти себе достойного места обитания. Если принять этот образ за основу фантазии, то разветвленная линия подголосков, окружающих мелодию, в данном случае, согласно языческим поверьям, становится не чем иным, как голосами умерших родственников, напутствующих душу младенца в добрый путь. Однако рождение Куллерво ознаменовано уничтожением его рода. Соответственно, вторая тема этой части, при всей ее нежной робости в исполнении солирующей флейты, а затем кларнета, окрашена эмоциональными оттенками одиночества и тревоги. Ей аккомпанирует струнный хорал, который также напоминает о *теме рока*, но в ритме пятидольного размера дополнительно изображает движение раскачивающейся люльки. Сама *тема одиночества* является реминисценцией народной *колыбельной* песни благодаря присутствию в мелодической линии опевания опорных нот и характерных для речитации непродолжительных остановок. Интересным мо-

ментом в этом эпизоде представляется внезапное появление холодного аккорда деревянных духовых, который разрывает *колыбельную* пополам. Он – словно взгляд провидения – заставляет застыть в оцепенении рождественскую идиллию, угрожая безжалостной судьбой. В заключении части нежная тема кларнета на фоне остигнато колышущихся в пятидольном размере аккордов в тесном расположении у струнной группы приобретает еще более пронзительный характер. Здесь со всей полнотой чувства музыка проникается жалостью к герою, демонстративно углубляя лирический план повествования. Ассоциация с игрой на дудочке маленького пастушка достигается благодаря ритмически хаотичному движению мотива в пределах сексты с задумчивой вопросительной интонацией в завершении флейты-пикколо, словно улетающей ввысь. Намеренное превалирование реминисцентности отодвигает формульность на второй план и насыщает музыкальную ткань свойством образной иллюстрации.

В первой части к музыкальным *реминисценциям* можно отнести отрешенное звучание хоральной *темы рока*, в которой прослеживается аналогия с гармонией позднего романтизма, а также уловимое подражание мелодическому рисунку темы из «Петрушки» И. Стравинского в мотиве флейты-пикколо, открывающем раздел экспозиции главных тем. Сюда же можно отнести и лапидарно-механическую поступь *темы вражды*, напоминающую своим продолжительным и надоедливым движением известные эпизоды «нашествия» из музыкальной литературы XX века (например, «Ледовое побоище» из кантаты «Александр Невский» С. Прокофьева). Во второй части присутствуют реминисценции как из позднего музыкального романтизма, так и фольклора. В них проявляется лирическое начало в виде личностного отношения автора к эпическому тексту. Присутствие *формульности* здесь наблюдается в современной технике композиции и стилистических особенностях авторского языка, выраженных в диссонансной основе музыкальной ткани, в выборе неординарных тембровых красок оркестра, в особенностях ритмо- и формообразования, что роднит эту симфонию с другими художественными образцами передового композиторского мышления.

Лирическое начало в музыке в виде индивидуального переосмысления автором информации от первоисточника всегда присутствует при обращении к народному эпосу. Сам музыкальный язык, базирующийся в большей степени на эмоциональном переживании, чем на образной изобразительности, диктует иные масштабы художественных обобщений. Благодаря устойчивому семантическому значению музыкальных формул и стереотипов, на которые опирается в своем творчестве композитор, расширяется

культурный пласт вечных человеческих ценностей. Это качество априори наделяет музыкальное искусство способностью воспроизводить

эпический фон художественной мысли, что проявляется, в частности, при обращении к сюжетам «Калевалы».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Премьера оперы А. Саллинена «Куллерво» состоялась в день «Калевалы» в 1992 году в Лос-Анджелесе. Из карельских композиторов, обращавшихся к этой теме, можно назвать Л. Йоусинена (музыка к пьесе Ю. Эркко «Куллерво»), Р. Рауттио (симфоническая картина «Куллерво»), Э. Патлаенко («Сестра Куллерво» из сюиты «Симфонические руны»), Г. Сардарова («Куллерво», сюита в трех частях), А. Белобородова (симфония «Куллерво» в шести частях).
- ² Все тексты из «Калевалы» цитируются в переводе Л. Бельского.
- ³ К 175-летию создания «Калевалы» издательство «Журекс» выпустило книгу комиксов по мотивам «Калевалы» на карельском и русском языках.
- ⁴ Афоризмами в музыкальном искусстве можно назвать беглые тематические характеристики тех или иных образных состояний.
- ⁵ Подробный теоретический анализ данной симфонии выполнен И. Н. Барановой (см. [2]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А р у т ю н я н Н. О значении музыкального диссонанса // Междисциплинарный семинар – 3: Сб. ст. Петрозаводск, 2000. С. 6–7.
2. Б а р а н о в а И. Н. О новом и традиционном в симфонии «Куллерво» А. Белобородова // Музыкальная культура Северо-Запада РСФСР: Сб. ст. Петрозаводск, 1987. С. 7–22.
3. Г а с п а р о в М. Л., Р у з и н а Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны (поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. М., 1978. С. 190–211.
4. Г р о д н и ц к а я Н. Г. Синисало: еще раз к вопросу об эпичности мышления композитора // Междисциплинарный семинар – 3: Сб. ст. Петрозаводск, 2000. С. 43–45.
5. «Калевала» в музыке: Сб. ст. Петрозаводск, 1986. 102 с.
6. К о н Ю. Эпический программный симфонизм Сибелиуса и «Калевала» // «Калевала» в музыке. Петрозаводск, 1986. С. 74–87.
7. К р а с а в ц е в а Н. «Калевала» – встреча эпох: Интервью с Эйно Генриховичем Карху // Лицей. 1995. № 2 (февраль).
8. Н и л о в а В. Жанровые и стилистические воплощения «Калевалы» в творчестве финских композиторов // «Калевала» в музыке: Сб. ст. Петрозаводск, 1986. С. 63–73.
9. С о л л е р т и н с к и й И. Исторические типы симфонической драматургии // Музыкально-исторические этюды. Л., 1956. С. 309.

Stachinskiy V. I., Petrozavodsk State Conservatory named after A. K. Glazunov (Petrozavodsk, Russian Federation)

CORRELATION BETWEEN EPICAL AND LYRICAL IN “KALEVALA” EPOS (ON THE EXAMPLE OF KULLERVO IMAGE FROM BELOBORODOV’S SYMPHONY № 2)

A phenomenon of lyrical origin inherent to the folk epos “Kalevala” was revealed by musical composers in the process of studying this type of genre on the example of musical compositions. A method, suggested by a musical expert Yu. Kon, instrumental in the identification of musical compositions’ epical essence is considered on the examples of A. Beloborodov’s 2nd symphony “Kullervo”. The method is based on the principles of reminiscence and formulaicity. The epic nature of the studied composition is revealed through immensity of presented ideas, generalization of figurative content, narrative sequence of plot events, and concordance with “Kalevala” content. The lyrical origin, as a constant component of the musical composition, is revealed in the essence of emotional feelings experienced by the characters of the epos, through invisible presence of the author’s “eye of the Omniscience”, and through the author’s attitude toward ongoing events. The latter is expressed in the author’s composite thinking and individual musical language.

Key words: Ya. Sebelius, epical, lyrical, formulaicity, reminiscence

REFERENCES

1. А р у т ю н я н Н. On the meaning of musical dissonance [O znachenii muzykal'nogo dissonansa]. *Mezhdistsiplinarnyy seminar* – 3. Petrozavodsk, 2000. P. 6–7.
2. Б а р а н о в а И. Н. On the new and traditional in the symphony “Kullervo” [O novom i traditsionnom v simfonii “Kullervo”]. *Muzikal'naya kul'tura Severo-Zapada RSFSR*: Sb. st. Petrozavodsk, 1987. P. 7–22.
3. G a s p a r o v M. L., R u z i n a E. G. Vergiliy i Vergiliy's tzentoni (the poetry of formulas and reminiscence) [Vergiliy i vergilianskiye tzentony (poetika formul i poetika reministsentsiy)]. *Pamyatniki knizhnogo eposa*. Moscow, 1978. P. 190–211.
4. Г р о д н и ц к а я Н. Г. On the epical thinking of composers [Sinisalo: eshche raz k voprosu ob epichnosti myshleniya kompozitora]. *Mezhdistsiplinarnyy seminar* – 3. Petrozavodsk, 2000. P. 43–45.
5. “Kalevala” v muzyke [“Kalevala” in music]: Sb. st. Petrozavodsk, 1986. 102 p.
6. К о н Ю. Epical programs in Sibelius’s symphony [Epicheskiy programmyy simfonizm Sibeliusa i “Kalevala”]. *Kalevala v muzyke*. Petrozavodsk, 1986. P. 74–87.
7. К р а с а в т с е в а Н. Meeting of the epochs: interview with E. G. Karkhu [“Kalevala” – vstrecha epokh”: Interv'yu s Eyno Genrikhovichem Karkhu]. *Litsey*. 1995. № 2 (fevral').
8. N i l o v a V. Genre and stylistic implementations of “Kalevala” in Finish composers’ works [Zhanrovye i stilisticheskie voploshcheniya “Kalevaly” v tvorchestve finskikh kompozitorov]. *Kalevala v muzyke*: Sb. st. Petrozavodsk, 1986. P. 63–73.
9. S o l l e r t i n s k i y I. Historical types of symphony drama [Istoricheskie tipy simfonicheskoy dramaturgii]. *Muzikal'no-istoricheskie etyudy*. Leningrad, 1956. P. 309.

Поступила в редакцию 18.11.2013

ALEXANDER BOURAS

аспирант кафедры истории архитектуры и градостроительства, Московский архитектурный институт (Москва, Российская Федерация), искусствовед (Афины, Греция)
alexbouras@yahoo.com

О ВЛИЯНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ РУССКОГО АВАНГАРДА

Исследуется происхождение и значение термина *фактура* в изобразительном искусстве авангарда, анализируется использование термина в теоретических разработках В. Маркова, В. Кандинского, Д. Бурлюка и Н. Пунина. В начале 10-х годов XX века рождается новый взгляд на суть и сущность изобразительного искусства и в связи с этим возникает необходимость разработки новой терминологии в художественной теории и практике авангарда. Термин *фактура*, наряду с такими терминами, как *контрапункт*, *камертон*, *консонанс* и *диссонанс*, был заимствован художниками из области музыки, развит и приспособлен к потребностям собственных средств выражения. Следовательно, абстрактный характер музыки послужил в качестве источника вдохновения для художников-авангардистов, создавая тем самым творческие взаимосвязи между разными видами искусства.

Ключевые слова: фактура, музыка, авангард, контрапункт, консонанс, диссонанс, терминология

В России и во всем мире усиливается интерес к искусству русского авангарда, которому присущее стремление к синтезу в литературные произведения включали живописные фрагменты как его неотъемлемую часть, а сама книга могла стать произведением изобразительного искусства и демонстрироваться наравне с живописными полотнами. Это стремление к синтезу искусств нашло яркое и, безусловно, закономерное воплощение в терминологии, которая сформировалась в среде русских авангардистов. К терминам, получившим широкое распространение в начале 10-х годов XX века в теоретических разработках «левого искусства», можно отнести термин *фактура*, отвечающий потребности нового взгляда на суть и сущность искусства. Термин *фактура* этимологически происходит от латинского *factura* – обработка, строение, от *facere* – делать. В России первоначально он употреблялся в торговле, означая то же, что счет и накладная [7; 183]. На протяжении всего XX века понятие фактуры настолько близко отождествлялось с искусством авангарда, что во многом определило отношение государства к нему. Это наглядно демонстрируют словари и энциклопедии, вышедшие в годы советской власти. Так, в первом издании Большой советской энциклопедии (БСЭ) в томе 56 (1936) термин *фактура* в изобразительном искусстве рассматривается на основе исследования А. Рыбникова «Фактура классической картины»¹. В сноске на список литературы приводится также ссылка на работу «Принципы творчества в пластических искусствах. Фактура» В. Маркова². В последующих изданиях БСЭ в томе 44 (1956) статьи о фактуре заканчивались идеологическим клеймом в связи с той ролью, которую она играла в формалистическом искусстве: «В ряде направлений

формалистич[еского] искусства конца XIX – начала XX в. разработка Ф[актуры] превратилась в самоцель, стала областью произвольных экспериментов, не имеющих ничего общего с созданием художественного образа (напр., наклейка на холст кусков бумаги, опилок и т. д.)».

Несмотря на растущий объем текстов, посвященных роли понятия *фактура* в изобразительном искусстве русского авангарда, остается неосвещенным вопрос о происхождении термина. О. Ханзен-Лёве в статье «Фактура, Фактурность» указывает, что это слово попало в лексикон поэтов-футуристов и теоретиков-формалистов из теоретических изысканий и художественной практики современных им художников – кубофутуристов и супрематистов [9]. Однако неясно, возникло ли это понятие непосредственно в художественной среде или было заимствовано художниками из другой области искусства, развито и приспособлено к нуждам собственных средств выражения. Все же более обоснованным можно считать утверждение, что термин *фактура* пришел к художникам-авангардистам в начале 1910-х годов из области музыки.

О связи музыки и абстрактного искусства написано довольно много. Еще в 1910 году В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве», подчеркивая связь музыки с изобразительным искусством, писал: «Цвет – это клавиш; глаз – молоточек; душа – многострунный рояль» [3; 44], он ввел понятие «слышания красок» [3; 43]. Обращаясь к современному искусству начала XX века, он заметил прогрессирующий процесс сближения различных видов искусств. Главной же характеристикой этого времени считал стремление творцов обратиться к абстракции, к внутренней природе своего искусства и через процесс самопознания и анализа выявить вну-

тренные элементы искусства. В. Кандинский утверждал, что музыка, имеющая наиболее абстрактную природу, занимает доминирующее положение в иерархии искусств: «...Музыка уже в течение нескольких столетий... является тем искусством, которое пользуется своими средствами не для изображения явлений природы, а для выражения душевной жизни музыканта... Художник является творцом, который хочет и должен выразить свой внутренний мир. Он с завистью видит, как естественно и легко это достигается музыкой... Понятно, что он обращается к ней и пытается найти те же средства в собственном искусстве. Отсюда ведут начало современные искания в области ритма и математической, абстрактной конструкции; отсюда же понятно и то, что теперь так ценится – повторение красочного тона и того, каким образом цвету придается элемент движения и т. д. Такое сопоставление средств различных видов искусства может быть успешным только в том случае, если оно будет не внешним, а принципиальным. Это значит, что одно искусство должно учиться у другого, оно должно учиться для того, чтобы затем применять свои собственные средства, т. е. применять их в соответствии с принципом, свойственным лишь ему одному» [3; 36–37].

Связь между музыкой и живописью стремились раскрыть в своих теоретических изысканиях основоположники орфизма Р. Делоне и лучизма М. Ларионов. «Картина является скользящей, дает ощущение вневременного и пространственного – в ней возникает ощущение того, что можно назвать четвертым измерением, так как ее длина, ширина и толщина слоя краски – единственные признаки окружающего нас мира – все же ощущения, возникающие в картине – уже другого порядка; – этим путем живопись делается равной музыке, оставаясь сама собой»³.

В процессе анализа и выявления элементов нового искусства в области живописи Д. Бурлюк в альманахе «Пощечина общественному вкусу» (1912) рассматривает фактуру и линию основополагающими элементами нового искусства⁴.

В самом начале XX века термин *фактура* вошел в обиход в музыковедческой среде России и впервые был употреблен по отношению к одной из областей искусства. Так, в «Музыкальном словаре» Г. Римана, вышедшем на русском языке в 1901 году, фактура по отношению к музыке рассматривается как «манера письма, стиль, главным образом со стороны технической отделки»⁵. Почти одновременно, в 1902 году, термин появляется в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В статье композитора и музыкального критика Н. Соловьева *фактура* обозначается как «манера технической и художественной работы в музыкальном изложении у композиторов, напр. Ф[актура], или работа, контрапунктическая – в сочинении, отличающемся самостоятельностью и рельефностью каждого

голоса; Ф[актура] гармоническая – в которой преобладает аккордовое звуко сочетание»⁶. Таким образом, термин *фактура* по отношению к музыкальному искусству вводится в русскую языковую среду двумя изданиями, основанными на немецких аналогах. О немецком происхождении термина свидетельствуют и работы В. Маркова, который одним из первых ввел понятие *фактуры* для пластических искусств. В своих теоретических разработках он пытался выявить основные элементы и объективные принципы искусства разных времен и народов. Как справедливо отмечает В. С. Турчин, живопись Маркова очень близка по стилистике к немецкому экспрессионизму [6]. О влиянии на В. Маркова именно этого течения, а не французского кубизма или итальянского футуризма, свидетельствует его переписка с В. Кандинским, Г. Мюнтер и Ф. Марком, выставку которого он собирался устраивать в Петербурге. Об этом свидетельствует и его поездка в 1912 году в Берлин, Гамбург и Кельн для ознакомления с современным немецким искусством и налаживания контактов с немецкими деятелями искусства. Так, например, он ведет переговоры с Г. Вальденом, редактором журнала «Дер Штурм» и основателем одноименной галереи, о возможном обмене выставками и информацией. Как свидетельствует письмо Л. И. Жевержееву от 26 июля 1912 года, в Германии он приобретает экземпляры альманаха «Синий всадник», посвященный живописи и музыке [5].

В. Марков в своей брошюре о фактуре⁷ связывает термин со звуковым понятием *шум*. Понятие *фактура* рассматривается в контексте различных видов искусств от четко определенных понятий в архитектуре и скульптуре до всех тех искусств, «где производится красками, звуками или иными путями некоторый “шум”, воспринимаемый тем или другим способом нашим сознанием». Визуальный эффект, определяемый подобным расширенным образом, трактуется как визуальный шум или художественная фактура. В. Марков, выявляя органическую связь между материалом и фактурой, определяет материал как «мать фактуры». Фактура рассматривается в идеологическом дискурсе того времени между западниками и славянофилами и анализируется с помощью противоположных понятий. Так, новое, западное, цивилизованное, механическое, утилитарное, рациональное противопоставляются понятиям старое, восточное, примитивное, ручное, духовное и интуитивное. Шум (то есть фактура) происходит не столько от гармонической связи этих понятий (производя некую полифонию), а скорее, от их противоречий, столкновений, конфликтов и какофоний. В. Марков систематизирует фактуру на основе ее происхождения. Так, он описывает фактуру, созданную природой, и фактуру творения человека, под последней понимается фактура механическая, созданная машиной, изобретенной человеком. Автор как бы находится в подвешенном состоянии

между двумя мирами: уходящим, миром ручной фактуры, который он любил и системно изучал в этнографических музеях Европы, и стремительно надвигающимся миром механической фактуры. Хотя шум города и машины рассматриваются всего лишь как суррогат той фактуры, что создает человеческая рука, но все-таки В. Марков, проявляя высокую чуткость к современности, видит в механической фактуре перспективы и новые возможности для искусства: «...человеку подчас не сделать того, что делает машина; ведь есть такие материалы и энергии природы, которые не поддаются нам, из которых мы не можем создать те формы, которых требует наш ум». Для автора механическая фактура в процессе развития техники имеет возможность стать равноправной с рукотворной, но на данный момент рукотворная фактура все-таки остается для него другим «миром» и другим «говором». Миром, где господствуют футуристы, которые «чувствуют эту новую, ничего общего не имеющую с ручной фактурой, красоту».

Понятие *шум* было центральным топосом в прокламациях итальянских футуристов (см. [8]). Ф. Маринетти стремился к тому, чтобы эстетика футуризма приобрела универсальный характер и повлияла на все сферы искусства. В «Техническом манифесте футуристической литературы» (1912) и последующих приложениях к нему были проанализированы основные новации футуризма. Маринетти призывает футуристов представлять в своем искусстве все звуки и шумы современной жизни, в том числе и самые какофонические (неблагозвучные). Так, футуристы призываются к ономотопии – звукоподражанию, созданию наборов шумов, чтобы достичь звуковых абстрактных выражений эмоций и мыслей. Для новой, освобожденной от старых пут эстетики не существует категорий образов благородных, грубых или низких. В марте 1913 года итальянский художник-футурист Л. Руссоло написал письмо композитору Ф. Б. Прателла в виде манифеста под названием «Искусство шумов» («L'arte dei rumori»). Этот манифест стал одним из самых влиятельных текстов о музыкальной эстетике в XX веке. В манифесте Руссоло выдвинул идею нового вида музыки, которая должна была отобразить новый индустриальный мир, так очаровавший футуристов. Руссоло пишет, что современная жизнь намного больше, чем в прошлом, заполнена шумами, и поэтому шум должен стать одним из базовых элементов (совместно с тишиной и звуком) современной музыки. Как и В. Марков по отношению к фактурному шуму, он рассматривает шум на основе его происхождения и выделяет два вида шума: производимые природой и городской средой. Именно шумы машин и городской жизни должны были стать тонами и тембрами новой футуристической музыки.

Заметим, что еще ранее, в 1909 году, сходные с футуристами идеи были высказаны русским авангардистом, художником и композитором Н. И. Кульбиным. В работе «Свободная музыка. Применение новой теории художественного творчества к музыке», которая в виде брошюр вышла на русском, немецком и французском языках, он утверждал, что свободная музыка должна основываться на таких же закономерностях, как и музыка природы: «...свет, гром, шум ветра, плеск воды, пение птиц... Свободная музыка совершается по тем же законам, как и музыка природы и все искусство природы» [5; 137]. Кульбин считает основными преимуществами новой музыки образование необычных сочетаний звуков, гармоний, аккордов, диссонансов с их разрешениями и мелодиями. Подобные тесные сочетания звуков в гамме художник называет «тесными диссонансами», наделенными особыми свойствами в отличие от обыкновенных диссонансов. Вследствие этого выбор подобных сочетаний аккордов позволяет увеличить изобразительность музыки. «Посредством этих тесных связей создаются также музыкальные картины из особых красочных плоскостей, переплавляющихся в бегущую гармонию, подобную новой живописи» [5; 138]. Для увеличения изобразительности Кульбин предложил использовать новые нетрадиционные инструменты, такие как стеклянные бокалы или стаканы, наполненные водой. Как указывает К. Дудаков, «попытка “омузыкаливание среды” делает Кульбина пионером в области шумовой музыки» [2]. Но что подразумевается под понятием *шум*? Согласно датскому теоретику музыки Т. Сангилд, невозможно дать одно-единственное определение термину *шум* [11; 5]. Он предлагает три основных определения шума: акустический (опираясь исключительно на физику), коммуникативный (искажение или нарушение коммуникативного сигнала) и субъективный (то, что является шумом для одного человека, может быть чем-то значимым для другого; то, что считалось неприятным звуком вчера, может сегодня таковым не являться). Т. Сангилд, проследившая значение слова *шум* в большинстве западных языков, приходит к выводу, что оно означает нечто агрессивное, мощное и тревожное, наполненное напряжением. Оно происходит от греческого слова *nausea* – тошнота (как в отношении к ревущему морю, так и к морской болезни, которую оно вызывает). В русском и других славянских языках слово *шум* образовано от звукоподражательного *ш*. В. Марков использует коммуникативное определение слова *шум*, но, как нам кажется, не в смысле искажения или нарушения коммуникативного сигнала, исходящего от произведения искусства, а в смысле осознанного или бессознательного восприятия зрителем этого сигнала.

Общепринятым в искусствоведческой литературе является мнение, что брошюра В. Маркова о фактуре носила программный характер для русского авангарда. Из многочисленных подтверждений этого тезиса нам кажется важным выделить влияние, которое она оказала на Н. Н. Пунину. Пунин являлся одним из организаторов системы художественного образования в постреволюционной России, был активным членом художественной коллегии отдела ИЗО Наркомпроса, редактором и главным автором газеты «Искусство коммуны», а также комиссаром Русского музея, Эрмитажа и Свободных государственных мастерских (бывшей Академии художеств). В «Первом цикле лекций, читанных на краткосрочных курсах для учителей рисования»⁸ летом 1919 года Н. Пунин анализирует основные элементы теории нового изобразительного искусства: материал, фактуру, форму, цвет, линию, пространство. Выделяя как самые значимые материал и фактуру, он полностью полагается на теорию о фактуре В. Маркова и таким образом вводит ее в основу системы художественного образования в революционной России. Пунин, как и Марков, определяет фактуру как шум, «т. е. то впечатление, тот комплекс впечатлений, который исходит от картины», и объясняет: «...если Вы внезапно встанете лицом к лицу с каким-нибудь художественным произведением, внезапно откроете глаза и тотчас же отвернетесь, то в вашем сознании всегда останется некоторое количество впечатлений, часто сумбурное, неотчетливое, но тем не менее достаточно характерное, которое позволит в будущем всегда это произведение узнать. Вот это... и есть шум от художественного произведения... его фактура». Подчеркивая связь фактуры с музыкой, он призывает художников уделить особое внимание в своих произведениях «клавиатуре фактуры», то есть разновидностям фактуры: «...для современного художника... и для большинства художников чрезвычайно важен и тот материал, которым пишется художественное произведение. Этот материал всегда дает возможность так или иначе положить мазки, тем или другим способом разнообразить и увеличить клавиатуру фактуры».

Если термин *шум*, используемый Марковым по отношению к фактуре, имеет прямое отношение к футуристической музыке и только косвенное к классической, то термин *камертон* пришел непосредственно из классической музы-

кальной теории и практики. Смысл немецкого слова *камертон* в музыковедении раскрывается как: 1) установленная нормальная высота тона и 2) прибор, источник звука, служащий эталоном его высоты при настройке музыкальных инструментов и в пении. Обращение В. Маркова к этому термину можно объяснить отсутствием эквивалента в обиходе словаря художников. Для него фактурный камертон – это некий тон или индивидуальный почерк, рождающийся в процессе объединения материальной и нематериальной фактуры: «...Когда обе фактуры друг другу помогают в создании известного оттенка шума, тем или другим образом выделяющегося среди многих других “шумов”, – мы получаем “шум” или фактуру с известным камертоном». Фактурный камертон произведения искусства зависит от двух факторов: во-первых, от творца, его индивидуального характера, культурной и национальной среды и, во-вторых, от используемого материала, характера его обработки, разнообразия, величины.

Фактура и камертон были не единственными терминами, заимствованными Марковым из области музыки. Из примечаний к обоим выпускам журнала «Союза молодежи» следует, что Марков собирался продолжить изучать и публиковать основные принципы современного искусства. После публикаций о принципе случайного, о свободном творчестве и о фактуре (брошюра, заметим, вышла после его смерти) планировалась публикация о консонансе, наряду с принципами тяжести, плоскости и динамизма⁹. Так как ранняя смерть прервала творческие планы Маркова, можно лишь предположить возможное влияние на него статьи Б. Шлецера «Консонанс и диссонанс» в журнале «Аполлон»¹⁰. Новые изобразительные средства, новая техника вызвали в среде художников необходимость развития новой соответствующей терминологии.

Так, основополагающие, имеющие мировоззренческий характер принципы русского авангарда, связанные с новым пониманием роли искусства в освоении нового, стремительно меняющегося на глазах художника-авангардиста мира, вызвали потребность в новой, синтетической по своей сути, общей для различных видов искусств терминологии, основной характеристикой которой является способность приспособляться к потребностям каждого вида искусства в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рыбников А. А. Фактура классической картины. М.: Изд-во ГТГ, 1927. 24 с.

² Марков В. Принципы творчества в пластических искусствах. Фактура. СПб.: Союз молодежи, 1914. 135 с.

³ Ослиный хвост и Мишень. М.: Изд. Ц. А. Мюнстер, 1913. 151 с. О связи музыки и авангардного изобразительного искусства свидетельствует и термин *контрапункт*, введенный в художественную теорию Кандинским, который подразумевал под ним утвердившуюся теорию.

⁴ Бурлюк Д. Кубизм // Пошечина общественному вкусу. Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников. М.: Изд. Г. Л. Кузьмина, 1913. 112 с.

- ⁵ Р и м а н Г. Музыкальный словарь. М.; Лейпциг, 1901. Перевод Б. Юргенсона с 5-го немецкого издания (Лейпциг, 1900). Русские лексикографы и музыковеды (П. Веймарн, А. В. Преображенский, Н. Ф. Финдейзен, Ю. Энгель, Б. П. Юргенсон и др.) расширили словарь Римана статьями об отечественных музыкантах и музыкальных терминах (например, Лад, Мелодекламация, Осмогласие, Стихира), которых не было в немецком оригинале. В пятом немецком издании термин *фактура* объясняется как нотная запись (Schreibweise) и стиль (Stil). С седьмого издания (1909 г.) по одиннадцатое (1929 г.) термин *фактура* в словаре не используется.
- ⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35 (69). СПб., 1902. Вначале словарь задумывался как перевод с немецкого Conversations-Lexicon. Однако в процессе работы над первыми томами Энциклопедического словаря было решено создать полностью другой словарь.
- ⁷ В. Марков закончил первую часть книги «Принципы творчества в пластических искусствах. Фактура» в ноябре – декабре 1912 года (см.: [1]). Д. Хорвард считает, что книжка вышла в конце 1913 года, а не в 1914 году, как написано на обложке [10; 210–212].
- ⁸ Пу н и н Н. Н. Первый цикл лекций, читанных на краткосрочных курсах для учителей рисования. Пг.: Современное искусство, 1920. 84 с.
- ⁹ Общество художников «Союз молодежи». СПб., 1912. № 1. Апрель. С. 14; № 2. Июнь. С. 18.
- ¹⁰ Ш л е ц е р Б. Консонанс и диссонанс // Аполлон. 1911. № 1. С. 54–61.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольдемар Матвей и «Союз молодежи». М.: Наука, 2005. 456 с.
2. Д у д а к о в К. Освобождение музыки в России и Италии: шум или «диссонанс»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thereimin.ru/archive/dudakov.html>
3. К а н д и н с к и й В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. 108 с.
4. П о д з е м с к а я Н. «Живописный контрапункт» В. В. Кандинского, или Об абстрактном в искусстве // Коваленко Г. Беспредметность и абстракция. М.: Наука, 2011. С. 113–156.
5. Синий всадник. М.: Изобразительное искусство, 1996. 192 с.
6. Т у р ч и н В. С. Л. И. Жевержеев и художники «Союза молодежи» // Вольдемар Матвей и «Союз молодежи». М.: Наука, 2005. С. 235–236.
7. Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987.
8. Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия: Каталог выставки к 100-летию художественного движения (ГМИИ им. А. С. Пушкина, 17 июня – 28 августа). М.: Красная площадь, 2008. 303 с.
9. H a n s e n - L ö v e A. «Фактура, Фактурность» // Russian Literature. Vol. 17. № 1. Amsterdam and Oxford, 1985. P. 29–37.
10. H o w a r d J. The Union of Youth: An artists' society of the Russian Avant-garde. N. Y.: Manchester University Press, 1992. 240 p.
11. S a n g i l d T. The Aesthetics of Noise. Copenhagen: Datam, 2002. 32 p.

Bouras A., Moscow Institute of Architecture (Moscow, Russian Federation), (Athens, Greece)

ON MUSICAL TERMINOLOGY INFLUENCE ON THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN AVANT-GARDE

The paper explores the origin and history of the term *faktura* and analyses its use and its narratives in David Burliuk, Wassily Kandinsky, Nikolai Punin and Vladimir Markov's writings. In the early 1910s, a new perspective on the nature and essence of visual arts emerged, which subsequently led to the development of a new terminology in the avant-garde art theory and practice. This paper argues that the term *faktura*, along with terms such as *counterpoint*, *tuning fork*, as well as *consonance* and *dissonance*, originated in the field of music. It later was incorporated into the avant-garde artists' vocabulary, developed, and further adopted to the needs and context of the new art as a unique tool of expression. As a result, the abstract character of music served as a source of inspiration for the avant-garde artists, thus creating linkages and interconnections between art fields.

Key words: *faktura*, avant-garde, music, counterpoint, consonance, dissonance, terminology

REFERENCES

1. *Vol'demar Matvey i "Soyuz molodezhi"* [Woldemar Matvej and the "Union of Youth"]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 456 p.
2. D u d a k o v K. *Osvobozhdenie muzyki v Rossii i Italii: shum ili "dissonans"?* [Liberation of Music in Russia and Italy: Noise or "Dissonance"?]. Available at: <http://www.thereimin.ru/archive/dudakov.html>
3. K a n d i n s k i y W. *O dukhovnom v iskusstve* [On spiritual in art]. Moscow, Arkhimed Publ., 1992. 108 p.
4. П о д з е м с к а я Н. "The painterly counterpoint" of W. Kandinsky, or about the abstract in art. ["Zhivopisnyy kontrapunkt" V. V. Kandinskogo, ili Ob abstraktnom v iskusstve]. *Kovalenko G. Bespredmetnost' i abstraktsiya* [The non-objective and abstraction]. Moscow, Nauka Publ., 2011. P. 113–156.
5. *Siniy vsadnik* [Der blaue Reiter]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1996. 192 p.
6. Т у р ч и н В. С. Л. I. Zheverzheev and the artists of "the Union of Youth" [L. I. Zheverzheev i khudozhniki "Soyuz molodezhi"]. *Vol'demar Matvey i "Soyuz molodezhi"* [Woldemar Matvej and the "Union of Youth"]. Moscow, Nauka Publ., 2005. P. 235–236.
7. F a s m e r M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1987.
8. *Futurizm – radikal'naya revolyutsiya. Italiya – Rossiya. Katalog vystavki. GMI imeni Pushkina* [Futurism, a radical revolution. Italy – Russia. Exhibition catalogue. The Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow, Krasnaya ploshchad' Publ., 2008. 303 p.
9. H a n s e n - L ö v e A. Фактура, Фактурность [Faktura, Fakturnost'] (in Russian) *Russian Literature*. Vol. 17. № 1. Amsterdam and Oxford, 1985. P. 29–37.
10. H o w a r d J. The Union of Youth: An artists' society of the Russian avant-garde. N. Y.: Manchester University Press, 1992. 240 p.
11. S a n g i l d T. The Aesthetics of Noise. Copenhagen: Datam, 2002. 32 p.

Поступила в редакцию 21.04.2014

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ОСТРОУМОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической электроники факультета физики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
sinklit@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ПО ФИЗИКЕ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАУКОЕМКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Обосновываются актуальность и самостоятельность проблемы подготовки педагогических кадров по физике. Показано, что содержание и методология современной научно-технической деятельности обладают существенным методическим потенциалом в мотивационном, содержательном и деятельностном аспектах физического образования. Сформулированы принципы построения нового содержания в основных образовательных программах и программах учебных дисциплин. Определены методические приемы обучения в рамках общего курса физики. Обоснована целесообразность и раскрыты возможности придания теоретической и экспериментальной подготовке студентов по физике проектно-исследовательского характера, присущего деятельности по созданию технологических инноваций. Анализируются временные, информационные и материально-технические ресурсы подготовки педагогических кадров по физике в области современных наукоемких технологий.

Ключевые слова: ценностно-целевые ориентиры подготовки, методические подходы и приемы обучения, принципы построения и развертывания нового содержания

Один из основных вызовов времени к физическому образованию – отражение в его содержании особенностей современной цивилизации, которую характеризуют как технологически-инновационную [3]. Предметное освоение проблематики современных научно-технических достижений необходимо не только при специализированной подготовке научных и инженерных кадров, но и при подготовке педагогических кадров, ответственных за формирование у учащихся готовности к жизни в условиях нарастающих технологических изменений.

Оценивая существующее состояние дел, обратимся к результатам недавних социологических опросов, проведенных Институтом и Центром социологии образования РАО среди студентов ведущих педагогических вузов и школьных учителей [6]. Они показывают, что именно современность учебного материала вызывает наиболее критические отзывы и нуждается, таким образом, в повышенном внимании к своему обеспечению. Должное отражение научно-технической проблематики в учебном материале должно способствовать преодолению ситуации, когда к моменту окончания вуза каждый второй выпускник оказывается не удовлетворен не только современностью, но и фундаментальностью полученных знаний [6]. Сказанное предопределяет необходимость разработки и реализации научно-методического обеспечения предметного освоения будущими учителями проблематики современных наукоемких технологий. Решение этой проблемы имеет следующие особенности:

- нерегламентированность объема учебной информации, что придает широту области выбора проблемного поля осваиваемого содержания;
- акцентированность содержания на фундаментальных основах проблематики и достижениях современных наукоемких технологий;
- необходимость включения нового содержания в учебные программы общего курса физики в образовании будущих учителей, что требует разработки соответствующих методических подходов;
- целостность содержания образования в методологическом плане, что требует освоения логико-операциональной структуры процесса решения научно-технических проблем во всей ее полноте;
- необходимость сопряженности предметной подготовки с методической, обеспечивающей основания для построения собственной педагогической деятельности.

Отмеченные особенности указывают на самостоятельный характер проблемы создания научно-методического обеспечения предметного освоения современных наукоемких технологий при подготовке педагогических кадров по физике. В настоящей работе отражены ценностно-целевые ориентиры рассматриваемой подготовки, ее принципы и основные направления, используемые в процессе обучения ресурсы.

Наряду с очевидными запросами социума вхождение будущих учителей в проблематику современных наукоемких технологий отвечает запросам самого физического образования в его основных аспектах [5]. В мотивационном аспекте включение такой проблематики существенно ак-

туализирует предметный материал, способствует формированию у обучающихся ценностного отношения к физическим знаниям и методам их получения. В содержательном аспекте особое значение имеют открывающиеся возможности расширения круга изучаемых фундаментальных физических эффектов – включение в него принципиально важных в научном и практическом плане эффектов, которые открыты в микро- и наноструктурах. В деятельностном аспекте особенно важно, чтобы студенты овладели умениями использования фундаментальных знаний для решения практических задач и опытом их применения в конструктивной деятельности, дающей значимые для науки и практики результаты, что способствует реализации компетентностного и личностного подходов в образовании. Особое значение имеет формирование действенной готовности к осуществлению профессионально значимых для педагога видов деятельности, в том числе: проблемно-детерминированного сбора и анализа информации, конструирования на основе ее анализа новых знаний в проблемной среде; дидактического преобразования содержания современной проблематики, приведения его в соответствие с познавательными возможностями обучающихся; критически-рефлексивного анализа результатов и процесса их получения.

Основными направлениями деятельности в плане подготовки обучающихся в области проблематики современных наукоемких технологий являются [4]: обновление содержания учебных программ; организация процесса освоения нового содержания в логике деятельности, придание ему проектно-исследовательского характера; создание условий для деятельностного освоения современных методов нанопластики и нанотехнологий.

Ведущими принципами построения содержания проблематики современных научно-технических достижений в масштабах основных образовательных программ выступают:

- непрерывность – представленность нового содержания на всех уровнях и этапах образования, начиная с общего курса физики, что способствует формированию устойчивого интереса к предмету, конструктивной функциональности приобретаемых знаний, их целостности;

- систематичность – последовательное, соответствующее психологическим и педагогическим закономерностям освоения человеком новых для него знаний и умений, развертывание предметного материала в учебном процессе по мере продвижения студентов по этапам и уровням образования с отвечающей их целям динамикой расширения проблемного поля поисково-познавательной деятельности и повышением требований к ее продуктивности;

- интегративность – синтез различных подходов к представлению изучаемой проблематики:

включение ее в содержание общих дисциплин и постановка специальных дисциплин;

- открытость – адаптируемость содержания к динамичному производству необходимых для освоения знаний, развитию новых, значимых для науки и практики технологий, широте спектра научных направлений в вузах.

В учебных программах отдельных дисциплин построение нового содержания осуществляется на основе следующих базовых принципов:

- проблемная детерминированность содержания и процесса его развертывания в учебном процессе, направленность на освоение обучающимися опыта выявления и решения проблем;

- аутентичность по отношению к логико-операциональной структуре деятельности по решению физико-технических проблем, используемым методам и средствам;

- системность в плане охвата всех основных содержательных компонентов – физики, используемых материалов и технологий, в их взаимосвязи и взаимодействии в развитии;

- интегрированность фундаментальной и прикладной составляющих содержания, предполагающая, с одной стороны, проектную (инженерную) целевую установку в освоении фундаментальных знаний и методов исследования, составляющих содержание технологических инноваций, а с другой стороны, предметное отражение роли последних как источника новых научных открытий и развития новых технологий.

Особо остановимся на методических приемах обучения в общем курсе физики, к основным из которых относятся:

- непосредственное применение имеющихся знаний к новому предметному материалу;

- достраивание имеющихся знаний и умений до требуемых с расширением изучаемого предметного материала;

- использование метода аналогий при переходе к новым для обучающихся областям знаний;

- продолжение традиционно изучаемого предметного материала в направлении современного практического применения.

При построении нового содержания каждый из указанных приемов в программах учебных дисциплин имеет свою нишу. Для первого приема – это формирование базовых для изучаемой проблематики понятий и представлений (например, квантовых размерных эффектов, сверхрешеток). Достраивание имеющихся знаний и умений осуществляется с необходимостью востребованным при расширении круга объектов и физических эффектов в изучаемой предметной области, необходимом для понимания принципа действия современных технических устройств (например, при включении в круг изучаемых неоднородных полупроводников гетеропереходов с присущими им физическими эффектами, лежащими в основе управления электронными и световыми потоками в современных полупроводниковых

приборах). Метод аналогий позволяет ввести новые базовые понятия и представления, основываясь на имеющихся знаниях (так, например, по аналогии с представлениями зонной электронной теории могут быть введены представления о фотонных кристаллах [2]). Четвертый из указанных приемов представляется полезным в части освоения физических основ и аналитических возможностей современных методов создания и диагностики микро- и наноструктур. Говоря о придании обучению проектно-исследовательского характера, отметим, что в теории и практике такого обучения оно рассматривается главным образом в контексте организации внеаудиторной деятельности. Ведущая идея, реализуемая в настоящей работе, состоит в придании проектно-исследовательского характера всем видам предметной подготовки, включая теоретическую и экспериментальную.

Начнем с лекционного курса. Будучи детерминированной решением значимой для практики проблемы, поисково-познавательная деятельность организуется в три этапа: предшествующий лекции этап, на котором студенты отвечают на поставленные вопросы и выполняют задания, направленные на выявление и осмысление проблемы; сама лекция, где анализируются физические эффекты, лежащие в основе решения проблемы, и достигнутые результаты; следующий за лекцией этап, на котором решение физико-технической проблемы конкретизируется до уровня используемых материалов и технологий.

Проектно-исследовательская ориентация другой формы теоретической подготовки – проблемных семинаров – обеспечивается направленностью выполняемых студентами заданий на определение принципиальных возможностей создания технических устройств с необходимыми функциональными свойствами, выполнение которых с необходимостью требует использования исследовательских подходов и методов. Предлагаемые задания имеют, как правило, качественный характер и состоят в прогнозировании функциональных свойств материалов и приборных структур на основе анализа моделей протекающих в них физических процессов. В силу разнообразия подходов такие задания могут объединяться в циклы, что обеспечивает возможность работы группы обучающихся в едином проблемном поле и критического сравнительного анализа полученных результатов. Придание лабораторному практикуму по физике проектно-исследовательской направленности обеспечивается содержанием детерминирующей экспериментальную деятельность проблемы и следующей последовательностью действий обучающихся и преподавателя. Стартовым моментом является выполнение студентом запланированного, данного в стандартной формулировке задания, результаты которого

представляют интерес в плане технического применения. Возможности последнего могут быть сразу не выявлены студентами. В этом случае преподаватель оказывает им поддержку в форме постановочной беседы, обсуждая определенные им заранее вопросы, ответы на которые в их совокупности подводят обучающихся к целевым установкам предстоящего цикла. При этом важно, чтобы формулируемые преподавателем вопросы максимально стимулировали познавательную деятельность студентов, а ответы на них могли быть найдены обучающимися на основе имеющихся у них знаний.

Следующий этап – поиск, отбор и анализ студентами информации по проблеме исследования, в результате чего уясняются: значение решения проблемы для науки и социума (актуальность проблематики); основные требуемые параметры материала или устройства; физически обоснованные критерии выбора рабочих материалов и приборных структур. Далее на основании сформулированных принципов и критериев студенты выбирают объекты исследования из предоставляемого им набора (магазина) опытных образцов, паспортизированных по своим основным параметрам. Круг выбранных опытных образцов должен быть широким, чтобы они могли распределяться для экспериментального изучения между участниками рабочей группы. Функции преподавателя на этих этапах – корректировка выводов и решений студентов и осуществляемое в логике задачного подхода расширение имеющихся у них представлений о функциональных возможностях технических устройств и физических эффектах, позволяющих их реализовать.

На следующем, собственно экспериментальном, этапе студенты самостоятельно определяют методику и проводят эксперимент, результаты которого соотносятся с запросами практики. Последний этап – защита результатов по выполнению цикла учебно-исследовательских заданий. Особо подчеркнем необходимость критически-рефлексивного анализа процесса и результатов выполнения цикла заданий на всех его этапах. В плане самооценки обучающихся речь идет о критической оценке содержания осваиваемой информации, достаточности аргументации принимаемых решений, методического обеспечения эксперимента, степени новизны, научного и практического значения получаемых результатов, готовности к отстаиванию своей точки зрения и корректировке решения при наличии аргументированных контрдоводов. В плане самооценки преподавателя – об уровне выполнения цикла заданий студентами, собственного сотрудничества с ними в процессе поисковой деятельности, сформированности у обучающихся умений решения физико-технических проблем.

Говоря о ресурсах, необходимых для подготовки будущих учителей в области современных наукоемких технологий, выделим следующие

проблемные зоны: временные ресурсы; информационные ресурсы; материально-технические ресурсы. Временные ресурсы заключены, главным образом, в значительном объеме времени, отводимого в настоящее время на самостоятельную работу студентов. Основными информационными ресурсами в условиях очевидно недостаточных объема и качества учебной литературы по рассматриваемой проблематике являются оригинальные материалы. Особо отметим возможности, открываемые изучением нобелев-

ских лекций по физике, посвященных рассматриваемой проблематике. Основная проблема, возникающая при привлечении таких материалов, состоит в необходимости дидактической адаптации их содержания. Материально-техническое обеспечение подготовки обучающихся в рассматриваемой области осуществляется на путях использования современного учебного и исследовательского оборудования в самом вузе и интеграции с другими ведущими вузами и научными учреждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барыбин А. А., Томилин В. И., Шаповалов В. И. Физико-технологические основы макро-, микро- и наноэлектроники. М.: Физматлит, 2011. 784 с.
2. Гапоненко С. В. Фотонные кристаллы // Оптика наноструктур / Под. ред. А. В. Фёдорова: СПб., 2003. С. 1–49.
3. Казанцев А. К., Киселев В. Н., Рубвальтер Д. А., Рудевский О. В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА, 2012. 384 с.
4. Остроумова Ю. С. Подготовка студентов – будущих учителей в области современных наукоемких технологий в контексте инновационного развития педагогического образования // Вестник Северо-западного отделения Российской академии образования. 2013. № 1(13). С. 6–9.
5. Остроумова Ю. С. Обучение физическим основам современных наукоемких технологий при подготовке педагогических кадров: вопросы теории и практики: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 123 с.
6. Собкин В. С., Белова О. В. Качество педагогического образования глазами студента // Педагогика. 2010. № 5. С. 10–17.

Ostroumova Yu. S., Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PEDAGOGICAL TRAINING IN PHYSICS FOR CONTEMPORARY KNOWLEDGE INTENSIVE TECHNOLOGIES

The relevance of the problem of pedagogical staff training in physics is substantiated. It is shown that the content and methodology of modern scientific and technical activities possess essential methodical potential in motivational, content, and action based aspects demanded by physical education. Basic principles of the new content composition and design for educational programs in Physics are formulated. Methodological approaches lying at the foundation of the teacher training process are defined. The necessity of addressing theoretical and practical training of future teachers in Physics from the standpoint of project and research based approach is substantiated. Such approach is inherent to the activity aimed at science-driven technology development. Provisional, informational, technical, and material resources of pedagogical staff training in Physics in the area of knowledge intensive technologies' development are analyzed.

Key words: valuable and target reference points of teacher training, methodical approaches and methods of training, principles of the new content construction and design

REFERENCES

1. Barybin A. A., Tomilin V. I., Shapovalov V. I. *Fiziko-tehnologicheskie osnovy makro-, mikro- i nanoelektroniki* [Physical and technological bases of macro, micro and nanoelectronics]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2011. 784 p.
2. Gaпоненко S. V. Photonic crystals [Fotonnye kristally]. *Optika nanostruktur* [Optics of nanostructures]. St. Petersburg, 2003. P. 1–49.
3. Kazantsev A. K., Kiselev V. N., Rubval'ter D. A., Rudevskiy O. V. *NBIC-tehnologii: Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka* [NBIC-technologies: the innovative civilization of the XXI century]. Moscow, INFRA Publ., 2012. 384 p.
4. Ostroumova Yu. S. Preparing students – future teachers in the field of modern high-tech innovations in the context of teacher education [Podgotovka studentov – budushchikh uchiteley v oblasti sovremennykh naukoemkikh tehnologiy v kontekste innovatsionnogo razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya]. *Vestnik Severo-zapadnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [The bulletin of the Northwest Branch of the Russian Academy of Education]. 2013. 1(13). P. 6–9.
5. Ostroumova Yu. S. *Obuchenie fizicheskim osnovam sovremennykh naukoemkikh tehnologiy pri podgotovke pedagogicheskikh kadrov: voprosy teorii i praktiki: Uchebnoe posobie* [Teaching of high technologies' physical foundations in teacher training: theory and practice: Tutorial]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2013. 123 p.
6. Sobkin V. S., Belova O. V. The quality of teacher training through the eyes of students [Kachestvo pedagogicheskogo obrazovaniya glazami studenta]. *Pedagogika* [Pedagogy]. 2010. № 5. P. 10–17.

Поступила в редакцию 03.02.2014

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА БЕЗРУКОВА

кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и права гуманитарного факультета, Запорожский национальный технический университет (Запорожье, Украина)
bezrukova_olga@inbox.ru

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Проблема моральной и социальной ответственности еще не стала полноправной темой в социологии. Ответственность может пониматься как способ взаимосвязи индивида и социальной среды, при котором закрепляются личностные, социальные, культурные связи между членами групп и преодолевается их разобщенность. Выделим следующие собственно социологические аспекты исследования ответственности: рассмотрение понятия ответственности в его историческом и методологическом развитии; выявление сущности феномена моральной и социальной ответственности; определение места ответственности в культуре и изменение семантики этого термина в постмодернистской теории; изучение процесса трансляции ответственности от поколения к поколению; выявление различных типов ответственности в современной культуре; раскрытие характерных черт и сущности основных проявлений ответственности в социокультурном аспекте. Нами были выделены несколько моделей этики ответственности перед будущим: религиозная, рационалистическая и утопическая. Прогресс общества зависит от реальной смены поколений с тем, чтобы каждое новое поколение могло решать свои задачи. Между поколениями происходит трансляция ответственности. Старшее поколение ответственно за передачу своей ответственности будущему поколению. Новое поколение ответственно за принятие на себя ответственности. В этой формуле воплощается взаимная ответственность поколений за будущее данного социума. Проблематика ответственности затрагивает вопросы, связанные с восприятием времени, контролем над поведением человека, механизмами межпоколенной трансляции ответственности, ответственностью поколения за ее коллективные решения и за судьбу страны.

Ключевые слова: ответственность, безответственность, социальная ответственность, этика, поколения

Явление безответственности открывает обширное поле для изучения природы современной цивилизации, ее дисфункциональных механизмов, потенциально разрушительных как для общества в целом, так и для отдельной человеческой личности. Ломка прежних идеологических схем и духовных установок приводит к распространению состояния моральной и социальной дезориентации и неопределенности, что разрушает целостность и сбалансированность общественной системы и ведет к усилению безответственности.

Цель статьи – проблематизация этики ответственности в социологическом дискурсе. Задачи: очертить социологические аспекты этики ответственности, рассмотреть возможные варианты этики ответственности перед будущим, рассмотреть механизмы трансляции ответственности между поколениями. Для достижения поставленной цели использованы такие методы, как метод *сравнения* (для сопоставления методологических подходов к изучению ответственности в контексте различных научных направлений), *индукции* (для определения институциональных факторов обеспечения трансляции ответственности в обществе) и *дедукции* (для интерпретации проблем формирования ответственности

граждан и государства), *системного анализа* (для выявления механизмов формирования и повышения ответственности среди украинского населения).

Разработка концепции ответственности предполагает опору на междисциплинарный подход и предлагает такую трактовку: ответственность – состояние, свойство групп и индивидов в ситуации, которая вынуждает их под влиянием внутренних и внешних факторов, связанных с социально-экономической и социально-культурной трансформацией социальных связей, социальной и природной среды, а также смены системы ценностных ориентаций, брать на себя обязательство по сохранению условий жизнедеятельности социального и природного окружения. В рамках такой структурной модели ответственность может пониматься как способ взаимосвязи индивида и социальной среды, при которой деятельность индивида является условием сохранения жизнеспособности социальной и природной среды обитания. При этом закрепляются личностные, социальные, культурные связи между членами групп и преодолевается их разобщенность. Ответственный человек является «своим», то есть в ситуациях ответственности наличествует социальная идентификация.

В связи с этим выделяют следующие характеристики ответственной ситуации:

– включенность индивида в соответствующую социальную среду;

– погруженность индивида в процесс смены социокультурных условий жизнедеятельности, что является активирующим фактором для интенсификации чувства ответственности. Если отсутствуют вызовы внешней среды, ответственность находится в потенциальном состоянии, в спящем режиме;

– феномен социальной адаптации, когда индивид оказывается способным к деятельности в ситуациях, требующих от него ответственного отклика на вызов среды.

Эти аспекты в своей совокупности формируют «ответственный» тип личности, имеющий отличительные характеристики. В числе специфических свойств ответственной личности можно назвать следующие качества: обостренные рефлексия и самосознание; позитивное, моральное отношение к миру; оценочность мировоззрения; включенность, отсутствие отчужденности; открытость, внутренняя целостность.

Выделим следующие аспекты исследования:

1. Рассмотрение понятия ответственности в его историческом и методологическом развитии.

2. Выявление сущности феномена моральной и социальной ответственности в рамках социологической теории и философии.

3. Определение места ответственности в культуре и изменение семантики этого термина в постмодернистской философии.

4. Изучение процесса трансляции ответственности от поколения к поколению.

5. Выявление различных типов ответственности в современной культуре.

6. Раскрытие характерных черт и сущности основных проявлений ответственности в социокультурном аспекте.

Часть из указанных аспектов проблематики ответственности глубоко проанализировал современный немецкий философ Г. Йонас в своей работе «Принцип ответственности» [4]. Он обращает внимание на варианты этики будущего. Первый имеет религиозный характер, когда человек ради спасения души жертвует собой. Настоящее отдается в жертву будущему на основе религиозной мотивации. Человек верит, что если сегодня он будет вести себя согласно строгим требованиям религиозного учения, то тем самым заслужит в будущем вечную жизнь на небесах. Здесь этика будущего сакрализована и имеет мистический характер. Фактически это не этика будущего, а настоящего, она индивидуалистичная, а не социальная. В религиозном варианте этики человек ответственен не перед другими людьми, а перед богом, в конечном счете, перед собой, так как жаждет личного спасения. Он готов жертвовать интересами других

людей, если эти интересы не соответствуют религиозным представлениям.

Второй вариант имеет политический характер. Это ситуация, когда политик, государственный деятель заботится о будущем благе своего народа. Этот вариант этики будущего рационалистичный. Он опирается на опыт предшествующего правления, предполагает государственную мудрость и меру в применении власти. От государственного деятеля требуется самоотдача и внутреннее отождествление своей судьбы с судьбой народа.

Третий вариант этики будущего представляет собой социальную утопию. По некоторым своим внешним определениям учение о коммунизме близко к этике будущего. Так, оно обращено в далекое будущее всего человечества, распространяет ответственность во времени, апеллирует к необходимости изменить сущность человека, серьезно относится к технической стороне общества будущего, предполагает высокое развитие производительных сил. Однако есть существенные отличия коммунизма и этики будущего. Под влиянием коммунистического учения люди жертвуют своим настоящим ради достижения утопического идеала в будущем. Кто не желает жертвовать собой ради наступления светлого будущего, тот устраняется, изолируется, подвергается физическому и моральному давлению. Люди убеждены, что сегодняшние лишения – залог счастья их детей. Такая этика будущего носит псевдорелигиозный и псевдорациональный характер, является манипуляторской, эксплуатирующей наивность, идеализм и веру в лучшее будущее. Человек перекладывает на государство заботу о своем и общества будущем.

Постоянное обновление человека является одним из условий обновления социума. Благодаря молодости обеспечивается «сохранение жизнью ее самодвижности» [4]. Если люди будут жить очень долго, можно предположить и замедление процессов развития, изменений в обществе. Молодость более креативна, в большей степени стремится к новому, к совершенствованию, более энергична в обогащении смыслами существования человека и общества. Чрезмерное увеличение продолжительности жизни критически большей части населения является безответственным по отношению к будущему общества и человечества.

Украинскому обществу чрезмерное увеличение продолжительности жизни людей не грозит. Скорее нас беспокоит обратная проблема – чрезмерно низкая продолжительность жизни. Смена поколений обновляет мир. В настоящее время надо стимулировать социальные процессы, в том числе и за счет возрастного фактора. Некоторые специалисты считают, что для восстановления механизмов естественного обновления общества необходимо снижение возраста соци-

альной ответственности (самостоятельности) с 18 лет до 14 [3].

Концепция поколений предложена испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом в классическом труде «Восстание масс» (1930): «Общность даты рождения и жизненного пространства – вот... исходные признаки поколения. Оба означают глубинную общность судьбы. “Клавиатура” обстоятельств, на которой сверстникам суждено сыграть Аппассионату собственной жизни, в своей фундаментальной изначальности всегда одна и та же. Такая исходная тождественность судеб порождает вторичные совпадения, образующие единство жизненного стиля сверстников» [7].

Концепция единства судьбы поколения предполагает единое понимание и восприятие ответственности. В связи с этим показательна полемика вокруг проблемы ответственности поколения, которая развернулась в середине 70-х годов прошлого столетия. Эта полемика была в определенной мере стимулирована общественным движением в Германии за преодоление остатков фашизма. Представители общественности в Советском Союзе выдвигали идею, что не только Сталин был ответственен за насаждение тоталитарного режима, но и общество также было ответственно за это. Эта полемика нашла отражение в сборнике интервью с известными деятелями культуры, вышедшем в начале 80-х годов [8]. В настоящее время подобные идеи практически не обсуждаются. Ответственность нынешнего поколения уже видится в другом, а именно – в сохранении условий для существования будущего общества. Прогресс общества зависит от реальной смены поколений с тем, чтобы каждое новое поколение могло решать свои задачи. Те страны, где смена поколений идет опережающим темпом, служат проводниками перемен [3].

Между поколениями происходит трансляция ответственности. У старшего поколения существует долг перед будущим в передаче социальной нормы ответственности следующему поколению. В новом поколении происходит (должна происходить) интериоризация социальной нормы ответственности перед будущим. В этой формуле воплощается взаимная ответственность поколений за будущее данного социума.

Ответственность генетически не наследуется человеком. Поэтому особое внимание следует уделить механизмам трансляции ответственности. Беря на себя ответственность за судьбу социума, новое поколение вступает в незримую связь с предшествующими поколениями через пропасть времени. Нить ответственности связывает поколения единой целью или предназначением: сохранить народ, обеспечить для него будущее.

Ответственность – это инвариантный компонент, ценностное ядро любой формы или комму-

никации, без которого эта коммуникация теряет значение. Ответственность в качестве компонента коммуникации бессодержательна, но является энергетическим или силовым каркасом данной коммуникации. Если возникает асимметрия ответственности, то есть предшествующее и новое поколения не обладают приблизительно равной ответственностью за коммуникацию, связь теряет свой смысл и эффективность. Она становится безрезультатной. Ответственность является универсальным, но не единственным энергетическим источником трансляции опыта. Таковыми также являются интерес, ожидание пользы, духовная и эстетическая ценность. Однако в деле сохранения жизнеспособности этноса, цивилизации именно трансляция ответственности имеет решающее значение.

В контексте межпоколенной трансляции ответственности требует своей интерпретации концепция межпоколенных отношений М. Мид. Как известно, она предлагает различать три вида культур: постфигуральную, когда старшее поколение служит образцом для молодых, традиции предков передаются от поколения к поколению в неизменном виде; конфигуративную, когда культурными образцами обмениваются сверстники; префигуративную, когда не только младшие учатся у старших и сверстники друг у друга, но и старшие учатся у младших [5]. В этой концепции только в префигуративной культуре новое поколение является активным в процессе восприятия опыта, в других культурах оно пассивно воспринимает этот опыт. Трансляция ответственности предполагает нравственную активность нового поколения во всех типах культуры. Ответственность лишь в некоторой степени способна конституироваться в новом поколении без поддержки транслированной ответственности от прошлого поколения.

Трансляция ответственности является элементом традиции. Любая традиция остается живой, если она заряжена и заряжает ответственностью. На базе и благодаря ответственности традиция может восприниматься, обновляться и передаваться дальше последующим поколениям. В данном случае мера ответственности измеряется масштабом личности и определяет масштаб личности: от первичного ее уровня (династии) до максимального (человечества).

Характер ответственности поколения зависит от особенностей исторической эпохи. Так, существуют отличия в типе ответственности традиционного общества и эпохи модернити. З. Бауман, характеризуя человека эпохи модернити, отмечал: «Вера ослабевает по мере того, как почва, на которой она растет, становится, как и общественные институты нашего времени, чересчур рыхлой и непрочной. В отсутствие твердой почвы, где могло бы укорениться доверие, исчезает и мужество, так необходимое

для рискованных решений, для принятия на себя *ответственности* и долгосрочных обязательств» [1]. В эту эпоху формируются новые и усовершенствованные нормы ответственности.

В традиционном обществе люди были покорны обстоятельствам, а в эпоху модернити люди стали контролировать условия своего существования и стремились по возможности их улучшить. В традиционном обществе «бремя ответственности люди брали на себя и переносили смиренно и безропотно, поскольку считали, что это ниспослано свыше, а значит, и отменить это бремя не во власти человека». В эпоху модернити люди стремились контролировать свою судьбу, поскольку освободились от пут общины. Свобода принесла с собой проблему выбора и необходимость брать ответственность за свои решения. Но возникла новая проблема. Оказалось, что ответственность ложится тяжелым грузом на человека и многие предпочитали отказаться от свободы, чтобы избежать ответственности. З. Бауман отмечает: «Самая серьезная дилемма эпохи модернити, стоявшая на пути ко всеобщему счастью, заключалась в том, что, с одной стороны, возложение ответственности за решение этой задачи на государство... приводило к многочисленным злоупотреблениям и вскоре стало восприниматься в большей мере как усиление бремени, чем как освобождение от него; с другой же стороны, обретение индивидом уверенности в себе и ответственности за себя в результате его освобождения от любых ограничений представлялось еще менее приемлемым» [1].

В эпоху модернити, считал З. Бауман, «тоталитарные решения представлялись все более привлекательными и соблазнительными для многих рядовых граждан, страдавших под бременем ответственности за принимаемые ими каждый день решения и за их последствия» [1]. В этих условиях возрастала доля людей, предпочитавших авторитаризм. Авторитарная личность формировалась под влиянием государства, заинтересованного в послушании граждан в обмен на обещание счастья и освобождения от тяжести принимаемой ответственности.

Ощущение ответственности за свою судьбу, за будущее общества возможно при наличии достаточно долгой перспективы будущей жизни. Нельзя быть ответственным за то, что не принимаешь в расчет. Ответственность перед собственным будущим возможна, если это будущее принимаешь в расчет. У современников короткое будущее. Короткое будущее обуславливает и ко-

роткие перспективы отношений. При таком восприятии времени ответственность укороченная, мелкая. На наш взгляд, этика ответственности перед будущим может встретить затруднения из-за искаженных временных представлений у нового поколения. Отсутствие представлений об отдаленной перспективе затрудняет формирование ответственного отношения к будущему.

Одной из проблем в связи с ответственностью перед будущим Йонас считает контроль над поведением людей. Речь идет о новых возможностях медицины путем препаратов или иным способом прямо влиять на поведение человека. Здесь требуется выработать этическую позицию. Старая проблема, что без свободы нет ответственности, что человек, который лишен свободы воли, не способен принять на себя ответственность, приобретает новые грани в связи с новыми возможностями медицины. Ведь можно лишить человека воли химическим или иным медицинским способом, запрограммировать его поведение в благоприятном для общества направлении. В этом случае человек лишается способности брать на себя ответственность. Социальная манипуляция, осуществляемая медицинским способом, не лучше манипуляции политической, психологической и экономической. Любые способы ограничения дееспособности человека чреваты потерей им чувства ответственности.

Таким образом, проблематика ответственности затрагивает широкий аспект вопросов, связанных с восприятием времени, с контролем над поведением человека, с механизмами межпоколенной трансляции ответственности, с ответственностью поколения за принимаемые коллективные решения и за судьбу страны. Необходимо исследовать ответственность с точки зрения существующей теории и практики социологической науки с целью изучения каналов ее трансляции, основных механизмов ее формирования у молодого поколения. Социологическая трактовка проблемы ответственности включает в себя рассмотрение ответственности как социальной нормы, рассмотрение этики ответственности как формы социальных взаимосвязей: вертикальной – межпоколенческой, горизонтальной – между людьми. С точки зрения социологии этика ответственности обеспечивает стабильность социального организма и его социальное воспроизводство. Социология проблематизирует социальные функции ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Головаха Е. И., Панина Н. В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.
3. Гулярян А. Б. «Смена поколений» как фактор развития общества и цивилизации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/g/gularjan_a_b/statia_3.shtml
4. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Абрис-пресс, 2004. 480 с.

5. Мид М. Культура и мир детства / Пер с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост. и послесл. И. С. Кона. М.: Наука, 1983. 412 с.
6. Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Наука, 1983. 240 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. А. М. Гелескула. М.: АСТ, 2008. 347 с.
8. Ответственность поколения. Интервью Валерия Чалидзе с Татьяной Литвиновой и др. N. Y.: Chalidze publication, 1981. 142 с.
9. Полтораков А. Поколение «Укр» или историософия украинской политики // Украинская правда. 2010. 8 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/03/8/4821349/>
10. Степаненко В. Безвідповідальне суспільство? // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / За ред. д. е. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2009. С. 358–369.

Bezrukova O. A., Zaporozhye National Technical University (Zaporozhye, Ukraine)

RESPONSIBILITY ETHICS FROM POSITIONS OF MODERN SOCIOLOGICAL METHODOLOGY

The problem of moral and social responsibility has yet not become a sovereign topic in contemporary sociology. Responsibility can be understood as a way of connection between an individual and society. In this type of interaction individual, social, and cultural connections among group members are stable and strong; its possible disunity is easily overcome. The following sociological aspects are considered in the research: study of the category of responsibility inclusive of its historic and methodological development; identification of the moral and social essence of the category; determination of the role played by the responsibility in culture and its transformation in postmodern theory; study of the responsibility's transfer process from one generation to another; recognition of different types of responsibility; identification of its characteristic features and essence from the stand point of the socio-cultural approach. We distinguished several types of future responsibility: religious, rational, and utopian. Social progress of the society depends on the depth of the generations' involvement into the process of problem solving. The responsibility of transferring gained experience is inherent to all generations. The next generation is responsible for taking it. This formula demonstrates the importance of mutual responsibility for the future of the society. Responsibility problem touches upon a wide range of questions connected with time perception, control over people's behavior, mechanisms of intergenerational responsibility transfer, and generations' responsibility for making group decisions.

Key words: responsibility, irresponsibility, social responsibility, ethics and generation

REFERENCES

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p.
2. Golovakha E. I., Panina N. V. *Sotsial'noe bezumie: istoriya, teoriya i sovremennaya praktika* [Social madness: history, theory and modern practice]. Kiev, Abris Publ., 1994. 168 p.
3. Gulyarjan A. B. "Smena pokoleniy" kak factor razvitiya obshchestva i tsivilizatsii ["Generation alteration" as a factor of social and cultural development]. Available at: http://zhurnal.lib.ru/g/gularjan_a_b/statia_3.shtml
4. Yonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [Responsibility principle. Ethics experience for technological civilization]. Moscow, Abris-press Publ., 2004. 480 p.
5. Mid M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and childhood world]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 412 p.
6. Muzybaev K. *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 240 p.
7. Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass* [Mass rising]. Moscow, AST Publ., 2008. 347 p.
8. *Otvetsvenost' pokoleniya. Interv'yu Valeriya Chalidze s Tat'yany Litvinovoy i dr.* [Generation responsibility. Interview of Valerii Chalidze with Tatjana Litvinova etc]. N. Y., Chalidze publication, 1981. 142 p.
9. Poltakov A. "Ukr" generation or historiography of Ukrainian policy. [Pokolenie "Ukr" ili istoriosofiya ukrainskoy politiki]. *Ukrainskaya Pravda*. 2010. March 8. Available at: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/03/8/4821349/>
10. Степаненко В. Безвідповідальне суспільство? // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін; / За ред. д. е. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2009. С. 358–369.

Поступила в редакцію 30.01.2014

ВАРВАРА АНАТОЛЬЕВНА ИНОЗЕМЦЕВА
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zema@onego.ru

ОТКРЫТОСТЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ*

Рассмотрена реализация принципов открытости и прозрачности органов власти в системе местного самоуправления РФ. Исследуется отдельно взятый субъект – Петрозаводский городской округ. В качестве значимого направления обеспечения открытости органов МСУ анализируется развитие электронной демократии через формирование электронного муниципалитета. Рассматривается осуществление обратной связи с населением, проведение общественного контроля через общественные слушания, общественную экспертизу. Отмечается, что изменения в ландшафте коммуникаций по линии «местная власть – городское сообщество» в основном иницируются сверху и имеют формализованный характер. Сделаны выводы о недостаточной открытости местных органов власти в Петрозаводском городском округе, их слабой интерактивности, отсутствии реально действующих практик вовлечения заинтересованного населения в процесс обсуждения и принятия решений.

Ключевые слова: местное самоуправление, электронный муниципалитет, общественный контроль

Реализация принципов прозрачности и открытости органов власти, свободного доступа к информации, совершенствование механизмов стимулирования участия гражданского общества в процессе формирования и принятия решений имеют особое значение на уровне местного самоуправления, где практически решается большинство ключевых задач организации повседневного жизненного пространства и создается основа стабильности общественного развития. Актуальность изучения открытости органов местной власти в условиях развития электронной демократии на территории Петрозаводского городского округа (ПГО) обусловлена особым статусом г. Петрозаводска как столицы Карелии, где проживает более трети населения республики и сосредоточены основные ресурсы общественной активности граждан.

Отправным толчком для развития электронной демократии в ПГО явилось включение столицы Карелии наряду с Братском и Тольятти в федеральную целевую программу «Электронная Россия 2002–2010 гг.», в рамках которой стал оформляться проект «электронного муниципалитета» – «Электронный Петрозаводск» (2003–2008 гг.). В 2010 году в процессе реализации Региональной целевой программы «Информатизация Республики Карелия» на 2008–2012 годы принимается Концепция информатизации ПГО, а в начале января 2011 года была утверждена долгосрочная муниципальная целевая программа «Электронный Петрозаводск» на 2011–2016 годы. Приоритетные направления программы включали: предоставление организациям и гражданам доступа к информации о деятельности органов власти различного уровня и подведомственных им организаций, создание

условий для контроля со стороны граждан и общественных организаций деятельности органов местного самоуправления с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [3].

Создание нового уровня взаимоотношений власти и граждан в целях обеспечения доверия и стабильности реализуется прежде всего через предоставление услуг в электронном виде. В настоящее время администрацией Петрозаводска в электронном виде предоставляется 26 муниципальных услуг (это треть от всех предоставляемых услуг). С сентября 2012 года предоставляются 22 муниципальных и государственных услуги, по которым требуются сведения Росреестра. Администрация города использует доступ к федеральным информационным ресурсам. Получение сведений, содержащихся в федеральной базе данных государственного реестра индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, с использованием сети Интернет для формирования запросов из базы данных, содержащей информацию о государственной регистрации юридических и физических лиц, и получения выписок из ЕГРЮЛ и ЕГРИП в онлайн-режиме избавляет заявителей этих услуг от предоставления документов самостоятельно. Наиболее популярными услугами у жителей г. Петрозаводска являются «Электронная приемная» и система «Дошкольник», которые предоставляют возможность открытого наблюдения за прохождением заявления. По информационным системам общего пользования (через «Электронную приемную» и по электронной почте) в 2013 году в администрацию ПГО поступило 2455 обращений (в 2012 году – 1711, в 2011-м – 1241) [4].

Согласно ежегодным отчетам главы ПГО, доля обращений, поступивших через «Электронную приемную», в общем количестве поступивших в администрацию письменных обращений демонстрирует устойчивый рост: 2010 год – 6,13 %; 2011 год – 9,28 %; 2012 год – 21,15 %. В прогрессирующей динамике находится количество принятых заявлений через систему «Дошкольник» (2011 год – 609; 2013 год – 4176) [1; 75–77].

Эффективным средством распространения информации является официальный сайт администрации ПГО. На сайте имеется лента RSS-новостей, ежедневно представляющая до 5–8 новостей. Размещено более 60 установленных форм обращений с возможностью скачивания пользователями. По данным администрации ПГО, количество уникальных посетителей сайта составляет около 200 тысяч в год (в 2010 году – 28 тысяч). Ежедневную рассылку новостей получают около 260 некоммерческих организаций и около 80 представителей средств массовой информации [1; 75–79]. При этом сайт администрации ПГО не является удобным для пользователей, система поиска необходимой информации, документов и нормативно-правовых актов не совершенна. Предоставляемая информация имеет предьявительный характер. Обратная связь, реализуемая через «открытую приемную», в большей степени демонстрирует выполнение сроков предоставления ответов. Ответы в основном носят формализованно-разъяснительный характер. Возможность выявлять вопросы, наиболее волнующие городское сообщество, сайт администрации ПГО не предоставляет, равно как и осуществлять мониторинг общественного мнения по деятельности администрации и контролировать качество ответов специалистов.

После победы на состоявшихся 8 сентября 2013 года выборах главы ПГО самовыдвиженца Г. И. Ширшиной в столице Карелии появилась новая форма коммуникации местной власти и жителей города. Это еженедельные видеоотчеты главы ПГО, запись которых размещается на официальном сайте администрации города. За семь месяцев состоялось 26 видеоотчетов. Количество просмотров первых двух видеоотчетов мэра превысило 10 000, далее до конца 2013 года происходило уменьшение просмотров в 4–5 раз с увеличением количества просмотров в начале 2014 года, что было связано с возникшей социально-экономической ситуацией – конфликтом между автоперевозчиками и администрацией города.

Сайт ПГО также имеет проблемные зоны по части его открытости. В свободном доступе представлены повестки дня сессий (при этом закрыта логика их формирования) и сами решения по итогам состоявшихся заседаний. Не публикуются стенограммы заседаний, а также результаты голосования депутатов. Несмотря на наличие технических возможностей, не внедрена практика онлайн-транслирования заседаний Петросвета.

Значимым компонентом осуществления общественного контроля являются публичные слушания, которые традиционны для политического ландшафта Петрозаводска. Существующая же система организации (оповещение, процедура принятия решений) общественных слушаний оценивается городским сообществом критично. Под вопрос неоднократно ставилась и легитимность заключений, когда итоги слушаний откровенно «продавливались» теми или иными лицами, заинтересованными в определенных решениях. Попыткой изменения интерфейса слушаний стала презентация в администрации города в октябре 2013 года системы проведения публичных слушаний (голосование и трансляция онлайн) через Интернет. Для обеспечения безопасности и уникальности каждого голоса планируется интегрирование системы с Единым порталом государственных услуг. При этом, по данным социологических опросов, личный кабинет на Едином портале государственных услуг имеет только пятая часть петрозаводчан, что несколько ниже, чем в среднем по РФ.

Внедрение механизмов открытости органов местного самоуправления предполагает развитие различных форм общественной экспертизы. Отсутствие отлаженной системы институционализации гражданского участия в форматах экспертного общественного контроля в Петрозаводске проявилось в создании Экспертного совета при главе ПГО. Первое заседание совета в феврале 2014 года состоялось до утверждения Постановлением администрации ПГО состава совета и Положения об Экспертном совете, что ставит под вопрос прозрачность механизмов формирования новой представительной структуры. И если состав совета представлен на официальном сайте администрации ПГО, то Положение, регулирующее основы деятельности новой общественно-консультативной структуры, открыто через систему «Консультант Плюс», что создает сложности с доступом к его содержанию. Несмотря на заявленную в Положении задачу совета – «разработка стратегии развития города на долгосрочную перспективу» – состав совета не отражает публичной повестки дня городского сообщества. Анализ обращений граждан в администрацию ПГО в 2012–2013 годах показывает, что тематическая структура обозначаемых горожанами вопросов остается стабильной, включая проблемы жилищно-коммунального хозяйства, социального обеспечения, защиту несовершеннолетних, содержание дорог, земельные вопросы [4]. В составе же Экспертного совета [3] фактически отсутствуют специалисты в области городского управления, развития коммунальных систем, инфраструктуры, транспортных коммуникаций, ЖКХ. Из 17 членов Совета 5 относятся к сфере образования и культуры, 2 возглавляют охранные предприятия. Участие общественных организаций минимизировано до представительства одним человеком.

Параллельно с созданием Экспертного совета администрацией ПГО было инициировано создание городского экспертного онлайн-совета, тестовая версия которого внедрена в апреле 2014 года. По мнению разработчиков, онлайн-совет должен стать электронной площадкой цивилизованного диалога между властью и заинтересованными горожанами.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что реализация принципов открытости власти в ПГО в основном инициируется сверху в нормативно-правовых рамках, предписанных центром, и приводит к определенным положительным формально фиксируемым результатам. Чаще всего коммуникации осуществляются по типу «вещания»; условий для осуществления обратной связи и вовлечения заинтересованного населения в

процесс обсуждения и принятия решений недостаточно. Несмотря на отмечаемый многими экспертами высокий уровень развития гражданского общества и общественной активности населения РК и г. Петрозаводска, консенсус между участниками коммуникации в понимании эффективных форм взаимодействия отсутствует. В качестве возможного инструмента консолидации городского сообщества и своеобразного переговорного пространства возможно рассмотреть инициированную в конце 2012 года администрацией ПГО работу по подготовке «Концепции социально-экономического развития Петрозаводского городского округа на период до 2025 года», частью которой является проект «Петрозаводск – модельная территория развития гражданского общества и реализации общественных альтернатив».

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационный бюллетень № 61. 26 февраля 2013 г. Периодическое печатное средство массовой информации органов местного самоуправления Петрозаводского городского округа. 136 с.
2. О создании Экспертного совета при Главе Петрозаводского городского округа. Постановление администрации Петрозаводского городского округа от 12.03.2014 № 1182 // Администрация Петрозаводского городского округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.petrozavodsk-mo.ru/files/upload/sostav.rtf
3. Об утверждении долгосрочной муниципальной целевой программы «Электронный Петрозаводск» на 2011–2016 гг. Постановление Администрации Петрозаводского городского округа от 28.01.2011 № 190 // Администрация Петрозаводского городского округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.petrozavodsk-mo.ru/html/upload/190-11.doc
4. Отчет о работе с обращениями граждан за 2013 год // Администрация Петрозаводского городского округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: mo.ru/files/upload/otchet_2013.docx

Inozemtseva V. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TRANSPARENCY OF LOCAL SELF-GOVERNING BODIES AS FACTOR OF STABILITY AND COMMUNITY DEVELOPMENT (CASE STUDY OF PETROZAVODSK CITY DISTRICT)

The article is concerned with the practice of self-government principles' realization and transparency of public authorities in the system of local self-governing bodies of the Russian Federation. Petrozavodsk City District is studied as a separate constituent. Development of electronic democracy by means of electronic municipal city council establishment is presented. Implementation of feedback with the city population, realization of public control by means of public hearings, and arrangement of public evaluation process are considered. It is pointed out that any changes in communication between local government and city community are predominantly initiated "from the top" and have formal character. The article infers that the local self-governing bodies of Petrozavodsk City District are not transparent enough. They are characterized by low interactive practice and lack methods facilitative in involvement of active and interested community members into decision-making process.

Key words: local self-government, Petrozavodsk City District, electronic city municipal council, public control

REFERENCES

1. *Informatsionnyy byulleten' № 61. 26 fevralya 2013 g. Periodicheskoe pechatnoe sredstvo massovoy informatsii organov mestnogo samoupravleniya Petrozavodskogo gorodskogo okruga* [News-bulletin №61. 26 February 2013. Periodical media of local government of Petrozavodsk City District]. 136 p.
2. On creation of the Expert council under the Head of Petrozavodsk City District. Regulation of Petrozavodsk city administration dated 12.03.2014 № 1182 [O sozdanii ekspertnogo soveta pri glave Petrozavodskogo gorodskogo okruga. Postanovlenie administratsii Petrozavodskogo gorodskogo okruga ot 12.03.2014 № 1182]. *Administratsiya Petrozavodskogo gorodskogo okruga* [Petrozavodsk City District administration]. Available at: www.petrozavodsk-mo.ru/files/upload/sostav.rtf
3. On adoption of the long-term designated municipal program "Electronic Petrozavodsk" for years 2011–2016 [Ob utverzhdenii dolgosrochnoy munitsipal'noy tselevoy programmy "Elektronnyy Petrozavodsk" na 2011–2016 gody. Postanovlenie Administratsii Petrozavodskogo gorodskogo okruga ot 28.01.2011 № 190]. *Administratsiya Petrozavodskogo gorodskogo okruga* [Regulation of Petrozavodsk City District administration dated 28.01.2011 №190. Petrozavodsk city district administration]. Available at: www.petrozavodsk-mo.ru/html/upload/190-11.doc
4. Report on the work with citizens' petitions in 2013 [Otchet o rabote s obrashcheniyami grazhdan za 2013 god]. *Administratsiya Petrozavodskogo gorodskogo okruga* [Petrozavodsk city district administration]. Available at: mo.ru/files/upload/otchet_2013.docx

Поступила в редакцию 05.05.2014

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КРЫЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и иностранных языков инженерно-экономического факультета, Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия (Зерноград, Российская Федерация)
krylovamn@inbox.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СРАВНЕНИЯ

Прецедентные ситуации как ярчайшие черты современного русского языка изучаются в статье на материале более 6200 сравнительных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из произведений художественной литературы, средств массовой информации, устной речи и др. Сравнения с прецедентными ситуациями очень ярки и отражают отношение языковой личности к наиболее значительным, по ее мнению, событиям истории, политики и т. п. Анализ апелляций к историческим ситуациям дает представление о том, насколько знает и любит историю современный носитель русского языка. Чаще всего языковая личность апеллирует к прецедентным ситуациям из сферы истории, при этом самый значительный источник прецедентных ситуаций для сравнения – Великая Отечественная война, многие эпизоды которой даже играют роль символов. Внимание же к американской истории не просто демонстрирует хорошее знание истории одной из зарубежных стран, но может свидетельствовать также об американизации современной языковой личности, усилении влияния культуры, истории, политики США на систему культурных кодов среднего российского гражданина. Кроме того, выбирая как широко известные, так и менее знакомые реципиенту факты истории, создатель сравнения способствует повышению культурного уровня адресата текста.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентная ситуация, интертекстуальность, языковая личность, сравнительная конструкция

Высокая степень интертекстуальности, многочисленные скрытые и явные связи каждого создаваемого текста с предшествующими текстами на русском языке, обязательная отсылка говорящего или пишущего к известным именам, текстам, ситуациям – ярчайшие черты современной русской речи. Развивавшаяся веками история, культура, литература создали такой значительный культурный фундамент, без опоры на который не может существовать ни одно вновь создаваемое высказывание (произведение).

Прецедентный феномен может быть охарактеризован как реализация интертекстуальности и проявление аллюзии в языке. Е. М. Дронова отмечает: «Понятие интертекста как информационной реальности, связывающей воедино текст, человека и время, в наибольшей степени отвечает идее синтеза и потому позволяет по-новому оценить когнитивную и коммуникативную природу языковых феноменов цитации, аллюзии и архетипичности» [1; 92]. Исследованию прецедентных феноменов уделяют внимание многие современные лингвисты: Р. В. Гареева, Н. В. Горбель, А. С. Десницкий, А. С. Драпалюк, Е. М. Дронова, А. А. Журбин, Е. Н. Золотухина, Ю. Н. Караулов, М. И. Косарев, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Е. А. Нахимова, О. В. Романова и др. По мнению большинства ученых, прецедентные феномены включают в себя прецедентные

тексты, прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания.

На основе анализа более 6200 сравнительных конструкций, отобранных нами методом сплошной выборки из разнообразных языковых источников, демонстрирующих современное состояние русского языка (произведений художественной литературы, средств массовой информации, устной речи и др.), мы проанализировали обращение современной языковой личности к прецедентным феноменам при создании сравнительной конструкции и выборе образа сравнения.

Современное состояние развития лингвистической науки может быть охарактеризовано достаточно глубокой степенью изученности сравнения как языкового явления. К различным аспектам сравнения (главным образом, структурным, а также роли союзов в создании образности) обращались в своих исследованиях Е. А. Некрасова [2], М. И. Черемисина [3], Е. Т. Черкасова [4], Н. А. Широкова [5] и другие ученые. Затрагивались эти вопросы и в фундаментальных грамматических исследованиях, например в «Русской грамматике» 1980 года [6]. Однако аспект проникновения прецедентных феноменов в сферу компаративности менее изучен.

Мы уже обращались к вопросу функционирования прецедентов того или иного рода в образной сфере современного сравнения [7], [8], [9]

и обнаружили, что по частоте использования в качестве образной составляющей сравнительной конструкции преобладают прецедентные тексты, на втором месте – прецедентные имена, на третьем – прецедентные ситуации. Несмотря на меньшее количество, сравнения с прецедентными ситуациями очень ярки и отражают отношение языковой личности к наиболее значительным, по ее мнению, событиям истории, политики и т. п. В то же время меньшее количество обращений к прецедентным ситуациям по сравнению с текстами и именами способствовало тому, что данный вопрос менее изучен. В статье будут проанализированы именно прецедентные ситуации, выступающие как объекты сравнения. Прецедентную ситуацию В. В. Красных характеризует как «некую “эталонную”, “идеальную” ситуацию, связанную с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [10; 47]. Е. А. Нахимова, оценивая цели отсылки к прецедентным ситуациям, определяет их как «ситуации, к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источника для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности» [11; 107].

Прецедентные ситуации, ставшие объектами сравнения в современном русском языке, включают набор представлений о наиболее знакомых языковой личности исторических, политических, культурных событиях в нашей стране и за рубежом. Прецедентные ситуации, как и другие прецедентные феномены, зафиксированы в сознании носителей языка и являют собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, стереотипы для сравнения, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве. Отличие прецедентных ситуаций от других типов прецедентных феноменов состоит в том, что с их помощью говорящий или пишущий отсылает к стереотипу более объемному, занимающему более значительное место в системе культурных кодов, хотя эта значительность выражается в первую очередь количественно: прецедентная ситуация, упоминаемая автором сравнения, оживляет в памяти говорящего целое событие, протяженность которого по времени может варьироваться от нескольких мгновений (исторический или политический анекдот) до нескольких столетий (период истории).

Рассмотрим основные типы прецедентных ситуаций, к которым отсылает реципиента современная языковая личность.

Во-первых, это **исторические события**. Анализ апелляций к историческим ситуациям может дать представление о том, насколько знает и любит историю современный носитель русского языка.

Определим, события каких исторических периодов становятся объектами сравнений наиболее часто. По нашим наблюдениям, это:

– древнейшие времена: «Глобальная катастрофа, в сравнении с которой даже падение астероида, миллионы лет назад погубившего динозавров, показалось бы невинным пустяком» (О. Таругин. Тайна седьмого уровня);

– период античности: «А то умерли бы красиво, с достоинством, по-античному. Как Сократ или Сенека» (Б. Акунин. ФМ);

– XIX век: «Поехала бы с ним на край света, как декабристка» (телепередача «Без комплексов»);

– Октябрьская революция и Гражданская война: «Клавдия еще некоторое время бежала за ним, как отставший белогвардеец за последним пароходом в Стамбул» (Т. Устинова. Миф об идеальном мужчине). Говорящего, к примеру, привлекают образы красных комиссаров как символ невежества и бескультуры, сочетающихся с полным осознанием своей исторической правоты, например: «Конечно, некоторые и в самом роскошном ресторане ведут себя как красные комиссары на переговорах с буржуями: ни манер, ни желания их приобрести» (С. Лукьяненко. Ночной Дозор);

– период между революцией и Великой Отечественной войной: «Работали, как в лучшие годы пятилеток» (телесериал «Я тебя люблю»);

– период сталинских репрессий и культа личности Сталина: «В моем кабинете как будто НКВД проводило обыск» (Ю. Антонов, интервью); «Иногда такие проблемы в порошок стирали кого-нибудь из знакомых. Причем целыми семьями, как во времена сталинских репрессий» (Т. Устинова. Миф об идеальном мужчине);

– период социализма: «...Всего-то начало шестого утра. Нормальные люди спят, как при социализме» (О. Андреев. Отель).

Но самый значительный, можно сказать, неисчерпаемый источник прецедентных ситуаций для сравнения – Великая Отечественная война, многие эпизоды которой даже играют роль символов. Благодаря усилиям современной пропаганды, об этой войне многое известно не только представителям старших поколений, но и молодежи, поэтому люди любого возраста с готовностью и даже удовольствием к ней апеллируют: «Ну что расслабились-то? Как немцы в сорок пятом» (телепередача «КВН»); «Мой любимый цвет, красный, как знамя над Рейхстагом» (телесериал «Кто в доме хозяин?»); «Живем, как в блокаду. Ни тепла, ни света. Кофе и тот кончился» (Т. Устинова. Миф об идеальном мужчине).

Иногда историческая ситуация не обрисовывается полностью, но угадывается. К примеру, многочисленные сравнения с образом партизана отсылают к отечественным войнам (в первую очередь, Великой Отечественной), давшим

примеры героического молчания партизан под пытками. Поэтому сравнение «молчит как партизан» стало устойчивым: «Ты глянь на него, молчит как партизан!» (худ. фильм «Нежный барс»). В анализируемом нами материале насчитывается 17 таких сравнений.

Примеры, приведенные выше, показывают, что чаще говорящий апеллирует к историческим ситуациям, связанным с российской историей, отсылки же к историческим событиям зарубежной истории встречаются реже, что, впрочем, не относится к истории США, которую наш современник знает неплохо и ситуации из которой часто приводит в качестве объекта сравнения: «...Молодые реформаторы относились к местному населению с еще меньшим трепетом, чем испанские конкистадоры к инкам и ацтекам» (О. Маркеев. Черная луна); «Сейчас особое время... Лихорадка, как на Клондайке» (В. Пелевин. Поколение «П»); «Ну что вы стоите, как покупатель на невольничьем рынке» (Б. Акунин. Статский советник); «Ну, не веди себя как плантатор» (телесериал «Ландыш серебристый»). Такое внимание к американской истории не может не быть показательным. На наш взгляд, оно не просто демонстрирует хорошее знание истории одной из зарубежных стран, но может свидетельствовать также об американизации современной языковой личности, усилении влияния культуры, истории, политики США на систему культурных кодов среднего российского гражданина.

Особенно активно апеллирует говорящий к тем историческим фактам, которые поддерживаются киноверсиями: «...Банк... издал прощальный гудок и "Титаником" пошел ко дну» (О. Маркеев. Черная луна); «...В школах и в армии учеников и курсантов перестанут, как на броненосце "Потемкин", травить гнилым мясом» (газета «Аргументы и факты»). В данном случае сложно определить источник аллюзии, так как налицо пересечение культурных сфер – истории и кинематографа. С другой стороны, с учетом культурного уровня современного носителя языка, можно с большой долей уверенности сказать, что скорее апелляция все же к фильму как к источнику более доступному и популярному.

Часто наблюдается юмористическая трактовка исторических эпизодов, например: «На работу пошел с такой неохотой, как Джордано Бруно за дровами» (сатирический монолог С. Ещенко); «Оказывается, велосипеды, как панфиловцы, погибая, губят все вокруг» (газета «Веселая семейка»).

Сравнения с прецедентными ситуациями из сферы политики, спорта и искусства в качестве образов встречаются намного реже, чем описанные выше сравнения с историческими прецедентными ситуациями. Рассмотрим их обзорно.

Языковая личность апеллирует к такому типу прецедентных ситуаций, как **политические события**, чаще всего давая негативную оценку описываемого через сравнение его с поведением политиков, например: «Шумели и дрались, как в парламенте» (газета «Моя веселая семейка»), или отрицательно (иронично) характеризуя само поведение политиков: «Ощущение такое, будто депутаты стремятся попасть в Книгу рекордов Гиннеса» (газета «Время МН»). Отрицательное отношение к политическим событиям, проявляемое языковой личностью, вполне ожидаемо и объяснимо в контексте происходящих в современной России политических явлений.

Прецедентные **ситуации из сферы искусства** выбираются языковой личностью очень редко, и это всегда ситуации общеизвестные, легко узнаваемые, например система формирования актерского мастерства Станиславского: «Бабуля обожает сериалы, а дед, как режиссер Станиславский, кричит в телевизор: "Не верю!"» (телепередача «Сегодня»).

Еще реже языковая личность при создании сравнения апеллирует к **событиям из спортивной жизни**. Это делается, например, чтобы подчеркнуть сложность описываемой ситуации: «Полуфинал – это как бой с Валуевым, думаешь, что подготовился, приходишь, и...» (телепередача «КВН»).

Естественно, в сравнениях чаще фигурируют наиболее знаменитые прецедентные ситуации, например исторические эпизоды: «Сжечь на костре? Как Джордано Бруно? – Юрка взглянул на англичанина с любопытством» (Б. Акунин. Детская книга); «Ипотека – такая штука, как монголо-татарское иго» (телепередача «КВН»).

Однако апелляция к не очень известным, требующим фоновых знаний фактам, в первую очередь историческим, тоже наблюдается: «Мы уже сейчас видим, что лейтенанты Путина, как сыновья Чингисхана, начинают драться за власть» (телепередача «Времена»); «Я вроде Петра Первого, – усмехнулся Стар, поймав удивленный взгляд гостя. – В личной жизни излишеств не признаю» (Б. Акунин. Долина Мечты); «Надеялись девочки, что камень отлетит на главную линию и совсем ее закроет, как старую Смоленскую дорогу» (спортивный комментарий о керлинге). Обычно такие сравнения не затрудняют процесс осмысления, значение эпизода становится понятным из контекста. Тем не менее, на наш взгляд, сравнения, отсылающие к прецедентной ситуации, не сразу угадываемой, требующей от воспринимающего некоторых усилий по декодировке, извлечению из памяти некогда полученной информации, особенно интересны. Их даже можно расценивать не только как проявление личных исторических познаний говорящего, но и как стремление расширить исторический кругозор реципиента. Конструируя

такое сравнение, языковая личность выполняет в некоторой степени просветительскую работу, что особенно важно, если сравнение встречается в СМИ или языке художественной литературы. Четкой границы между теми прецедентными ситуациями, которые реципиент вспомнит сразу и поймет, и теми, которые он не вспомнит, нивелировав тем самым ценность примененного автором приема, нет, и для автора, который, естественно, стремится быть понятным, легче упрощать создаваемые образы, подстраховываясь от непонимания. Поэтому выбор в качестве объектов сравнения подобных прецедентных ситуаций заслуживает уважения. И надо отметить, что глубокие исторические познания проявляют подчас такие авторы, от которых этого не ожидаешь, тексты которых просты в языковом и идейном плане, подчеркнута беллетристичность и нацелены на самый широкий круг читателей. Например: «Он становился все сильнее, он (аромат. – М. К.) оглушал меня, он проявлялся, как древние тексты проявляются сквозь вновь написанные» (В. Платова. Эшафот забвения).

Выбор создателем конструкции той или иной ситуации в качестве объекта сравнения не может не зависеть от того, как он оценивает адресата создаваемого текста. А. П. Чудинов отмечает по этому поводу: «Каждый прецедентный феномен в тексте – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и

национальных вариантов, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и его оценки эрудиции, герменевтических возможностей адресата» [12]. У нас появляется возможность предположить, что ряд авторов выбирает упрощенный стиль не в силу своих изначальных творческих возможностей, а следуя моде, конъюнктуре, подстраиваясь под непритязательные вкусы читателя массовой литературы. На фоне «активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности» [11; 108] наблюдаемые нами, пусть немногочисленные, попытки просветительства с помощью апелляции к требующим работы мысли прецедентным ситуациям очень ценны.

Итак, свобода оперирования прецедентными ситуациями, уверенное включение их в образную систему сравнительных конструкций позволяют судить о включенности современной языковой личности в общую культурную ситуацию. Более редкое обращение к прецедентным ситуациям, чем к другим типам прецедентных феноменов, говорит о меньшей востребованности интертекста данного вида. При этом чаще всего современная языковая личность апеллирует к прецедентным ситуациям исторического характера, выбирая при этом как широко известные, так и менее знакомые реципиенту факты истории и повышая тем самым культурный уровень адресата текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 3. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. С. 92–96.
2. Некрасова Е. А. Сравнения // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М.: Наука, 1977. С. 240–295.
3. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.
4. Черкасова Е. Т. О союзном и несоюзном употреблении слов типа «будто», «точно», «словно» и т. п. в сравнительных конструкциях // Памяти В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 225–229.
5. Широкова Н. А. Типы синтаксических конструкций со сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1960. 130 с.
6. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 1492 с.
7. Крылова М. Н. Художественный текст как прецедентный феномен (на материале сравнительных конструкций) // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62–65.
8. Крылова М. Н. Прецедентное имя в образной сфере сравнительных конструкций современного русского языка // Актуальные проблемы общественно-научного знания: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 9. Зерноград: ФГОУ ВПО АЧГАА, 2009. С. 92–97.
9. Крылова М. Н. Кино как источник интертекстуальности (на материале сравнительных конструкций) // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конференции с междунар. участием (24 мая 2012 г., Красноярск): В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. В. Михайлов, С. В. Волынкина; Сибирский гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2012. С. 355–361.
10. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
11. Нахимова Е. А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 105–112.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03b.htm>

Krylova M. N., Azov-Black Sea State Agroengineering Academy (Zernograd, Russian Federation)

PRECEDENT SITUATIONS IN FIGURATIVE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN COMPARISON

The precedent situations as one of the brightest features of the modern Russian language are examined on the material obtained from more than 6200 comparative phrasiological constructions thoroughly selected from the works of fiction, mass media, oral speeches,

etc. Comparisons rich with precedent situations are very bright and reflect the attitude of the language personality toward the most significant, in his or her view, events of the history, politics, etc. Analysis of the appeals to different historical situations helps to understand and assess the depth of love and knowledge commanded by native speakers. Most frequently, the language personality appeals to historical situations. The Great Patriotic War is the most significant source of precedent situations for comparison. A lot of the Great Patriotic War episodes play the role of symbols. References to the events of American history speak of good knowledge of the history of one of the foreign countries and may also indicate Americanization of the modern language personality; enhancement of the influence of the U.S culture, history, and politics on the system of cultural codes inherent to the average Russian citizen. Moreover, a creator of the comparison contributes to the increase of the addressee's cultural level.

Key words: precedent phenomenon, precedent situation, intertextuality, language personality, comparative construction

REFERENCES

1. Dronova E. M. Intertextuality and allusion: the problem of the relation [Intertekstual'nost' i allyuziya: problema sootnosheniya]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social media]. Issue 3. Voronezh, VGU Publ., 2004. P. 92–96.
2. Nekrasova E. A. Comparisons [Srvnieniya]. *Yazykovye protsessy sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury. Poeziya* [Linguistic processes of modern Russian literature. Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 240–295.
3. Cheremishina M. I. *Sravnitel'nye konstruktii russkogo yazyka* [The comparative constructions of the Russian language] / Contributing editor K. A. Timofeev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976. 270 p.
4. Cherkasova E. T. About union and non-union use of words such as “if”, “just”, “like”, etc. in the comparative constructions [O soyuznom i nesoyuznom upotreblenii slov tipa “budto”, “tochno”, “slovno” i t. p. v sravnitel'nykh konstruktivakh]. *Pamyati V. V. Vinogradova* [In memory of V. V. Vinogradov]. Moscow, MGU Publ., 1971. P. 225–229.
5. Shirokova N. A. *Tipy sintaksicheskikh konstruktiv so sravnitel'nyim soyuzom v sostave prostogo predlozheniya* [Types of syntactic constructions with comparative union as a part of a simple sentence]. Kazan', University of Kazan Publ., 1960. 130 p.
6. *Russkaya grammatika: V 2 t. T. 2. Sintaksis* [Russian grammar: In 2 vol. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 1492 p.
7. Krylova M. N. The literary text as a precedent phenomenon (on the basis of comparative constructions) [Khudozhestvennyy tekst kak pretsedentnyy fenomen (na materiale sravnitel'nykh konstruktiv)]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Language Arts]. 2010. № 1. P. 62–65.
8. Krylova M. N. Case name in the field of comparative constructions imagery of the modern Russian language [Pretsedentnoe imya v obraznoy sfere sravnitel'nykh konstruktiv sovremennoy russkoy yazyka]. *Aktual'nye problemy obshchestvennykh nauk*. [Actual problems of social science. Interuniversity collection of scientific papers]. Issue 9. Zernograd, ABSSAA Publ., 2009. P. 92–97.
9. Krylova M. N. Cinema as a source of intertextuality (on the basis of comparative constructions) [Kino kak istochnik intertekstual'nosti (na materiale sravnitel'nykh konstruktiv)]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakt. konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (24 maya 2012 g., Krasnoyarsk): V 2 ch. Ch. 1* [Language and Social Dynamics Proceedings of All-Russia scientific and practical Conf. with Intern. participants (May 24, 2012, Krasnoyarsk): In 2 part. Part 1. Siberian State Aerospace University]. Krasnoyarsk, 2012. P. 355–361.
10. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: Lectures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p.
11. Nakhimova E. A. Case name of Buratino in the modern media [Pretsedentnoe imya Buratino v sovremennykh SMI]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University]. 2007. № 52. P. 105–112.
12. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg, 2003. 248 p. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03b.htm>

Поступила в редакцию 04.07.2013

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Российская Федерация)
fma1105@gmail.com

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Крестьянское понимание времени является неотъемлемой частью изучения истории русской лингвокультуры. Структура значения ключевого слова концепта и образные модели, представленные во фразеологических единицах со словом «время», указывают на циклическую модель восприятия времени. Культурная специфика данной модели определяется сельскохозяйственной деятельностью: это вместилище событий/деятельности, приход которого необходимо ждать, узнать и использовать. В качестве других характеристик можно назвать аксиологическую оппозицию «время/безвременье» и непосредственное участие в жизни людей. Половина дериватов ключевого слова, зафиксированных в языке не ранее 1700 года, является носителем новых смыслов «изменчивость» и «переживание», близость которых к осмыслению категории времени в византийской философии может свидетельствовать о следующих изменениях в русской культуре: эсхатологизация мировосприятия, внедрение линейной модели времени и последующая дезаксиологизация данной категории. Можно выделить два события, послуживших причиной смены мировоззренческой парадигмы: никонианская реформа церкви в 1656 году и закрепощение крестьян в 1649 году.

Ключевые слова: концепт, время, русская культура, крестьянская культура

Язык, будучи основным средством объективизации ментальных единиц (концептов), позволяет раскрыть, как менялись парадигмы сознания в разные культурные эпохи. Проанализировав различные подходы к изучению концепта [7], мы выделяем три составляющие: понятийную, образную и категориальную [3]. Согласно Ю. С. Степанову, преемственность концепта «время» можно проследить как череду «наслоений», среди которых можно выбрать два, отличающих восприятие времени в русской культуре от его восприятия в других культурах: 1) «панибратское отношение ко времени» в советский период, 2) официальное философское и научное понимание времени [6; 229]. Оба компонента получили свое развитие после Октябрьской революции, и тем самым ученый исключает еще как минимум одну составляющую – понимание времени крестьянами. Крестьяне должны были обладать специфическим восприятием времени. Более того, можно говорить об исторически решающем значении этой парадигмы, потому что большей частью своей истории Россия была феодальной страной по способу производства [5; 33]. К началу XIX века 95 % населения проживали в деревне, занимаясь сельскохозяйственным трудом. В 90-х годах XIX века из 126 млн населения насчитывалось только 5 млн промышленного пролетариата [2; 173–185].

В качестве материала исследования мы выбрали словарь В. И. Даля. Предметом анализа являются особенности семантики слова «время» и его синонимов, а также фразеологизмов и

поговорок с этими словами. «Время» определяется как многозначное слово со сложной семантической структурой: (1) длительность бытия, пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями, века за веками; последовательное течение суток за сутками; (2) пора, година, срок, спутный или противный чему-либо случай; (3) погода, состояние воздуха; (4) счастье, земное благоденствие; (5) (грамм.) изменение глагола для обозначения или состояния настоящего, прошлого и будущего¹. Значение (2) может быть интерпретировано как значение 1 + сема категории определенности, как «период времени, обладающий определенным качеством». Это позволяет предположить, что категория определенности/неопределенности носит универсальный характер, и, не будучи представлена на грамматическом уровне, может быть проявлена в семантике слов. В этой связи всю совокупность лексических средств репрезентации концепта «время» можно рассматривать как конкретизацию периодов времени, которая осуществляется на уровне синонимов – «пора», «срок», «година», «час» и гипонимов – «год», «месяц», «день», «час»², «минута». Например, слова «срок» (определенная продолжительность времени и самый предел этого времени)³ и «година» (время, пора, час, дни, о которых идет речь) также демонстрируют разные аспекты определенности периодов времени.

Слово «пора» (1. Время, час, година, добá; 2. Срочное время, срок, удобное к чему-либо время) имеет меньше значений, чем слово «время».

Их противопоставление можно представить как противопоставление смыслов «любое хорошее время» / «время, пригодное для какой-либо деятельности»: *Всякой вещи время, всякому делу пора; Не время дорого – пора; То было время, а ныне пора*⁴. Еще один синоним – слово «час» (1. Время, година, пора; 2. Досуг, свобода от дел; 3. Пора, срок, удобное к чему-либо время) также может противопоставляться словам «время» и «пора» как синоним с функцией замещения: *Пению время, а молитве час; Часом с квасом, порою с водою*. Третье значение могло появиться в результате метонимического переноса благоприятного времени на «хорошую погоду», что связано, например, с ведущей ролью земледелия в жизни крестьян. Четвертое значение можно рассматривать либо как следствие метонимического переноса – ассоциация «благоприятного времени» и следующего за ним «благополучия», либо как пример метафорического переноса – сравнение «благополучия» с «хорошей погодой». Эти два значения указывают на периоды, для которых свойственна повторяемость – смена времен года и чередования счастья и горя. Считаем, что здесь отражается циклическая модель времени, представленная также во внутренней форме лексем «время», восходящей к индоевропейскому *uer̥tmen, от корня *uer-t со значением «вращать, вращаться», что означает «круговорот» [10]. Значения 2, 3 и 4 подчеркивают, что в структуре значения времени присутствует только положительная коннотация. Это подтверждается наличием антонима «безвременье» со значениями: (1) непогода, ненастье, (2) невзгодье, бедное время, случай; злыдни; беда, несчастье, горе, неудача⁵. Эти два слова противопоставлены не только по значению, но и в поговорках: *Время красит, безвременье старит; Было время, осталось одно безвременье*.

Мы выделяем следующие метафоры, структурирующие концепт «время»: время – движущийся объект, время – вместилище и время – личность. Исходной представляется первая, потому что базовой характеристикой времени является движение/изменение. Согласно этой метафоре, время может «прийти» и «уйти», может «лететь» или «течь». Интересно, что со словом «время» глагол «течь» означает «идти своим чередом, продолжаться», тогда как первые два его значения ((1) стремиться, литься по наклону; (2) нестись, бежать, идти быстро)⁶ указывают на стремительность движения. Предполагаем, что фраза «время течет» изначально означала быструю смену событий и позже была переосмыслена как означающая размеренный ход времени.

Движение времени можно рассматривать как смену периодов земледельческой практики. Выделим следующие характеристики «движения» времени: 1) приход времени не зависит от воли человека – *Время на дудку не идет*; 2) приход времени является определяющим для каких-

либо действий – *Придет время, будет и пора*; 3) отдельные периоды времени связаны с различными видами деятельности – *Время на время не приходит*; 4) стремительное движение времени – *Время летит*; 5) время желаемо, но его «прихода» нужно ждать – *Придет время, будет и нам черед*. Очевидно, что движущийся объект, имеющий свои границы, может быть определен в терминах пространства: *Время перед нами, время за нами, а у нас его нет*. Это позволяет предложить другую метафору, сопутствующую первой: «время – это объект, имеющий пространственную ориентацию». Как отмечает Ю. С. Степанов, в русском языке отразился переходный этап восприятия времени относительно человека. Так, прилагательные «предъный» и «задъный» имеют значения: 1) будущий и 2) прошедший. Их слияние отражает цикличность времени [6; 126–129].

Другой сопутствующей метафорой можно назвать «время – это объект восприятия и манипуляции»: период времени, подходящий для определенной деятельности, нужно уметь найти, узнать, выбрать: *Знай время и место; Бедный времени не ищет; Не гребень холите, а время*. Очевидно, «знанию» времени придавалось большое значение, поскольку земледельческая практика зависит от времени года и погодных условий. Метафора «время – вместилище» акцентирует ограниченность периодов времени. Так, в примере *Сила во времени и доля во времени живет, бездолье в безвременье* подчеркиваются условия, подходящие для определенной деятельности и тем самым способствующие росту благополучия, а в примере *Будешь во времени, и нас помяни* имеется указание на период благополучия, находясь в котором человек может помочь другим. Во фразеологизмах, репрезентирующих метафору «время – личность», время предстает как строгий, но справедливый участник жизни людей, который учит и облагораживает человека: *Время разум дает; Не человек гонит, а время*. Подчеркивается категоричность и бескомпромиссность времени: *Время деньги дает, а на деньги время не купишь*.

Ожидание времени, оторванность одного периода от другого, возможность того, что два периода могут быть отделены друг от друга безвременьем, очевидно, отражены в словаре Даля также в семантике некоторых свободных словосочетаний, которые на современном этапе зафиксированы как фразеологизмы: *до поры до времени* (временно, пока; до определенного момента, срока, до какого-то случая); *время от времени* (иногда, нерегулярно, через какие-то промежутки времени) [9]. Подтверждение тому, что время ассоциируется с ожиданием, можно увидеть в том, что ряд глаголов, образованных от существительных – репрезентантов концепта «время», имеют значение «ждать»: *временить, годить, отсрочить, почасить*.

С точки зрения категориальной составляющей концепт «время» в словаре Даля представлен существительным (19 единиц), прилагательным (14), глаголом (3), наречием (2)⁷. Таким образом, доминантными являются именные характеристики. Все слова с корнем «врем» используют только первое и второе значения – «длительность бытия, пространство в бытии...» и «спопутный срок...», тогда как значения третье «погода, состояние воздуха» и четвертое «счастье, земное благоденствие» оказываются непродуктивными. Более того, как показало исследование русского национального корпуса⁸, лексико-семантические варианты со значениями 3 и 4 не используются в период с 1700 по 1899 год и, по-видимому, сохраняются только в поговорках, отражая более древний период развития лингвокультуры.

Слова, репрезентирующие концепт «время» в словаре, семантически можно разбить на четыре группы. Группы I и II сгруппированы вокруг первого и второго значения слова «время», а две другие составлены из слов, в семантике которых ключевыми являются смыслы, новые для того периода. Так, для группы III ключевым смыслом является «изменчивость», что проявляется в значении следующих слов: временность (состояние всего преходящего, временного), временчивость (изменчивость), вре́менный (непостоянный, бывающий иногда, временем), временной (преходящий, кратковременный, сделанный на время), вре́менчивый (изменчивый, непостоянный).

Для слов группы IV общим смыслом является «пережидание»: времени́ть (1. Медлить, отлагать, откладывать дело; 2. Изменять вид свой издали, являться зрителю в обманчивом виде, от времени, погоды, преломления лучей), времени́тель, времени́тельница (человек медлительный, нерешительный). В эту же группу необходимо отнести слова «временщик» и «временщица» (нечаянно достигший(ая) почестей и знатности), которые в силу своей отрицательной коннотации могли символизировать времена лихолетья, которые нужно переждать.

Большая часть репрезентантов концепта «время» не отражена в этимологическом словаре [10], и для установления времени появления этих значений в языке мы обратились к национальному корпусу русского языка. Все слова, составляющие группу III и IV, появились не раньше XVIII века. Единственное слово, данные относительно которого трудно определить, это слово «вре́менный», противопоставленное слову «време́нный» (относящийся ко времени), которое мы отнесли к группе I. Поскольку примеры текстов в исследуемом корпусе не содержат знаков ударения, то примеры, найденные в среднерусском корпусе (XV–XVII века), могут относиться как к одному слову, так и к другому. Разграничение этих двух слов требует отдельного анализа.

С большой долей уверенности мы можем предполагать, что смыслы «изменчивость» и «пережидание» появились в начале XVIII века.

Таким образом, лингвистический материал словаря Даля отражает переходный период в лингвокультуре русского народа, в котором представлены две конкурирующие модели: 1) циклическое время, связанное с периодами какой-либо деятельности; 2) линейное время как период земной «юдоли скорбей».

Первая модель, представленная в семантике ключевого слова и в поговорках, по свидетельству Ю. С. Степанова, выступает обобщенной и концептуализированной в архаических аграрных обществах [6; 118]. Характерной чертой русского варианта циклического времени является наличие в структуре концепта «время» положительной коннотации и семы категории определенности. Другой важной характеристикой является его отъединенность – не всякий отрезок бытия назывался временем, а только тот, который соответствовал определенным критериям: он давал возможность работать и жить. Вторая модель представлена в семантике примерно половины дериватов лексемы «время», появившихся не более чем за полтора века до издания словаря Даля. Интересным представляется тот факт, что появление таких смыслов, как «изменчивость» и «пережидание», хронологически следует за никонианской реформой Православной церкви: переход к новогреческой богослужебной практике, более чем вероятно, сопровождался ориентацией на византийскую философию, в которой время, по свидетельству С. Астапова, понималось как объективное свойство материального мира [1; 86–96]. Косвенным свидетельством может быть то, что новые смыслы в семантике репрезентантов концепта «время» согласуются с православным мироосмыслением, которое В. В. Зеньковский охарактеризовал как устремленность к вечности и вследствие этого некоторое потускнение красок этого мира [4; 115]. Это имеет особенное отношение к словам группы III: появление семы «изменчивость» в ряде репрезентантов концепта можно рассматривать как трансформацию содержания концепта от установленного порядка вещей к фантомной реальности, события которой имеют второстепенное значение в сравнении с красотой мира, обещанного после смерти. В качестве другой причины можно назвать то, что жизнь крестьян, бывшая и без того трудной, могла стать невыносимой после отмены Юрьева дня и окончательного их закрепощения Соборным уложением в 1649 году. На этом фоне русское языковое сознание могло стать благоприятной почвой для мыслей о временности бытия и отношении к жизни как «неизбежному времени, полному страданий», которое нужно перетерпеть. Кроме того, это могло быть

причиной перемещения фокуса восприятия времени в будущее как идеала, к которому нужно стремиться.

Таким образом, первую модель можно рассматривать как исконное представление времени крестьянами. Не противореча монотеистиче-

ским убеждениям и соответствуя потребностям земледельческой практики, такая модель могла существовать и до, и после принятия христианства на Руси, тогда как появление второй модели может быть свидетельством описанных выше культурных изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Рус. яз., 1998. С. 260.
- ² Первое значение слова «час» относит его к синонимам времени, тогда как второе – к гипонимам.
- ³ Здесь и далее в скобках приводится определение слова согласно словарю В. И. Даля.
- ⁴ Здесь и далее курсивом выделены пословицы из словаря В. И. Даля.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 59.
- ⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 404.
- ⁷ В кусте слова «время» указано только 15 слов, а остальные размещены по всему словарю.
- ⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астапов С. Время и вечность в восточной патристике // Логос. 2004. № 5. С. 84–96.
2. Всемирная история: учебник для вузов / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М.: Культура и спорт, 2000. 263 с.
3. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического сознания. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. техн. ун-та, 2002. 142 с.
4. Зеньковский В. В. Идея православной культуры // Человек. 2004. № 5. С. 110–128.
5. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. СПб.: Петрополис, 2001. 320 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
7. Федоров М. А. Аспектуальность как способ преодоления множественности определений термина «концепт» // Вестник Бурятского государственного университета (Романо-германская филология). 2013. № 11. С. 51–57.
8. Федоров М. А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. Улан-Удэ, 2013. 160 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М.: Высш. шк., 2003. 336 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999. 653 с.

Fedorov M. A., Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation)

PEASANTS' PERCEPTION OF TIME: REPRESENTATION OF "TIME" CONCEPT IN EXPLANATORY DICTIONARY BY V. DAHL

Perception of time by peasants is essential for the study of the history of Russian linguistic culture. Semantics of the concept key word as well as conceptual metaphors represented in phraseological units employing the word "vremya" [time] are indicative of the cyclic model of time perception. The Russian agrarian culture determines specific characteristics of the given model: it is perceived as an event/action repository; its approach is anticipated, recognized and taken advantage of. The axiological opposition between "vremya vs bezvremenie" [good time vs evil time] and direct participation in people's lives are viewed as its other characteristic features. Half of the derivatives from the word "vremya" [time] appeared in the language after 1700 and signify new meanings – "fickleness" and "waiting till something is over". The new meanings are close to the interpretation of the "time" category in Byzantine philosophy, which might speak of the following changes in the Russian culture: the worldview became eschatological, the linear time model was introduced, and the "time" category became less axiological. We think that the following historical events are responsible for the change in the worldview paradigm: the Nikonian Church reforms in 1656 and the final enslavement of peasants in 1649.

Key words: concept, time, Russian culture, peasant culture

REFERENCES

1. Astapov S. Time and Eternity in Eastern Patristics [Vremya i vechnost' v vostochnoy patristike]. *Logos*. 2004. № 5. P. 84–96.
2. *Vsemirnaya istoriya* [World History]. Moscow, Culture & Sport, UNITY Publ., 2000. 263 p.
3. Vorkachev S. G. *Contsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo soznaniya* [Concept of Happiness in Russian Linguistic Perception: Practices of Linguistic and Cultural Mind]. Krasnodar, 2002. 142 p.
4. Zenskoy V. V. The Concept of Orthodox Culture [Ideya pravoslavnoy kul'tury]. *Chelovek* [Human]. 2004. № 5. P. 110–128.
5. Kagan M. S. *Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury* [Introduction into the History of the World Culture]. Book 2. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 320 p.
6. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2004. 992 p.
7. Fedorov M. A. Research aspects as a way to overcome the excessive number of definitions of "concept" [Aspektual'nost' kak sposob preodoleniya mnozhestvennosti opredeleniy termina kontsept]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald Of The Buryat State University]. 2013. № 11. P. 51–57.
8. Fedorov M. A. *Obraznaya sostavlyayushchaya kontsepta TIME: diakhronicheskiy aspekt* [The Metaphorical Component of the Concept "TIME": diachronic approach]. Ulan-Ude, 2013. 160 p.
9. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary Of The Russian Language]. Moscow, 2003. 336 p.
10. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical Etymological Dictionary of Contemporary Russian Language]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1999. 653 p.

Поступила в редакцию 03.06.2013

ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА БАЙКОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
divalil@ya.ru

ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ГЕРОЕВ ОНЕЖСКИХ БЫЛИН И «КАЛЕВАЛЫ»

Приводится типология этимонов, лежащих в основах некоторых имен онежских былин и «Калевалы». Выявляются сходства и различия в пространственной организации двух эпосов, а также особенности их ономастических систем. Кросскультурный подход позволяет сравнить два эпоса на ономастическом уровне и выделить значимые черты языкового мышления разных этносов, обнаружить в их культурах частное и общее.

Ключевые слова: этимон, имена собственные, эпосы, типология, ономастика, локусы

Носители имен собственных в онежских былинах и «Калевале» тесно связаны с эпической пространственной организацией. Систематизация случаев локальной и функциональной отнесенности героев онежских былин и «Калевалы» позволяет выявить мотивированные и немотивированные имена и представить их типологию.

В былинах эпическое пространство делится на следующие зоны: *поле, горы, реки, море, озера* [8; 34]. При этом *небо* как отдельный локус не выделяется, так как действия героев происходят, как правило, в горизонтальной плоскости.

В «Калевале» выделяются те же самые локусы за исключением гор, потому что герои в основном действуют на воде или у воды, в лесу или на небе. В отличие от былин в «Калевале» с локусом *небо* связаны функции персонифицированных природных явлений, обозначенных в эпосе именами собственными (3 имени): *Päivätär* (*Дочь Солнца*) (6 словоупотреблений), *Kuutar* (*Дочь Луны*) (7), *Otavatar* (*Дочь Медведицы*) (1). Они выступают в роли помощников людей – прядут золотые и серебряные нити, из которых затем искусно вяжут приданое будущим невестам [4; 58], [7; 51]. Каждое имя восходит к названию светила: *päivä* ('солнце') + *tär, kuu* ('луна') + *tar, Otava* ('Большая Медведица') + *tar* [13]. Помимо имен обожествленных небесных светил в «Калевале» есть мотивированные имена, производные от *ilma* – 'воздух', 'небо': *Ilmarinen* (*Ильмаринен*) (426), *Ilmatar* (*Ильматар* – божество воздушной стихии) (3). *Ильмаринен* выковал небосвод [4; 366], [7; 544], а *Ильматар*, перевоплотившись в хозяйку воды (*ve'en emäntä*), родила в море старца и песнопевца Вяйнямейнена. Возглавляет иерархию небесных божеств верховный бог *Ukko* (21). Имя *Ukko* восходит к апеллативу *ukko* 'старик', 'дед' [13]. Именно таким – в образе грозного старика – представлялся древним финнам и карелам небесный бог, от которого зависело состояние погоды и будущий урожай. Его имя легло в основу многих имен нарицательных, обозначающих погодные явления: *ukkosilma* – гроза, *ukko-*

skuuro – ливень с грозой, *ukkospilvi* – грозовая туча, *ukkosade* – дождь с грозой.

В былинах самым распространенным локусом является *поле* – «это обычное местопребывание богатыря и основная пространственная зона для перемещений» [8; 34]. С былинным локусом *поле* связаны такие имена, как *Долгополяннин* (1) и *Викула Селянинович*. Однако в своей основе этимон *поле* содержит лишь имя *Долгополяннин*, которое образовалось «из сложения основ *долг(ое)* + *пол(е)* + суффикс лица *-ин*» [10; 73]. На отнесенность *Викулы Селяниновича* (8) к локусу *поле* может указывать лишь словесное окружение. Его имя сопровождается приложением *ратай великий*. Слово *ратай* означает «оратай, пахарь, земледelec» [3; 86]. Кроме того, ратаем мог называться ратник, воин [3; 86]. Викула Селянинович совмещает в себе оба качества: трудится в поле и помогает Вольге Всеславьевичу сражаться с врагами [2; 108]. На социальную принадлежность Викулы Селяниновича к крестьянской среде указывают его отчество, производное от слова *селянийин* [3; 597] – «поселянин, крестьянин, сельский хозяин, пахарь; сельский житель» [3; 172].

В «Калевале» с полем локально и функционально связан один персонаж – *Sampsa Pellervoinen* (*Сампса Пеллервойнен*) (7). Первую часть имени *Sampsa* ученые возводят к «нем. *Semse, Simse 'kaisla* ('камыш')» [15]. Второй компонент имени *Pellervoinen* является производным от *pelto-* 'поле' [15]. Сампса Пеллервойнен, сын поляны, выполняет функции божества плодородия [6; 183]: помогает Вяйнямейнену засеять поля, луга и леса травами и деревьями [4; 43], [7; 25].

Рассмотрим локус *горы*. В былинном ландшафте, по замечанию Ю. С. Неклюдова, довольно редко встречаются горы [8; 33]. Однако обращает на себя внимание немалое количество имен, восходящих к этимону *гор-* (7 имен), в частности *Горынищо* (8), *Горынище* (5), *змеищо Горынищо* (3), *Святогор* (*Святигор*) (61). Все рассматриваемые имена контекстуально мотивированы и объединены общим компонентом *гор-*. Носители этих имен локально связаны с горами. *Горынищо*

и *Горынчицо* – два варианта имени, принадлежащего змее, обитающей в пещерах *Сорочинских гор* [2; 54, 475]. Имя богатыря *Святогора* (62) также восходит к этическому топониму. Место его пребывания – *Святые горы* [2; 97].

В «Калевале» функции героев практически не связаны с локусом *горы*. Действия чаще происходят в *лесу*, представлен целый сонм лесных духов, которые индивидуализируются при помощи имен собственных. Главная роль лесного хозяина принадлежит *Тапио* (54). Имя *Tapio*, предположительно, восходит «к охотничьему термину эстонского происхождения *taba*, которое имеет значение 'lukko' – 'замок, затвор', а также связывается с понятием *ansa* '1. *силоч, петля*'; 2. *ловушка, западня* – 'silmutkaruudys', 'ловля рыбы петлями, силками'» [15]. От Тапио зависит удача на охоте. Тапио является властелином леса и называется *isäntä, ainon Tapio* [4; 349], [7; 520], что в переводе означает 'хозяин, батюшка', 'великодушный Тапио', а также *metsän ukko* – 'лесной старец' [4; 122], [7; 146], *metsän kultainen kuningas* – 'лесной золотой король' [4; 123], [7; 148]. Во владении Тапио находятся лесные сокровища, хранящиеся в кладовых, ключи от которых носит его жена *Миэликки* [4; 119], [7; 144]. Управлять лесным царством *Метсола* ей помогают: *Дева Можжевелника (Katajatar)* (1), *Дева Сосен (Hongatar)* (1), *Дева Рябины (Pihlajatar)* (1), *Дева Черемухи (Tuometar)* (1). Эти имена являются производными от названий сакральных деревьев: *kataja + tar, honka + tar, pihlaja + tar, tuomi + tar* [11; 57]. В функции *Миэликки* и духов деревьев входит патронаж домашнего скота, пасущегося в лесу [4; 262], [7; 383].

В отличие от «Калевалы» *лесное пространство* в былинах почти не встречается, а к этимону *лес* восходит лишь один антропоним – *Полешанин* (1), производный от топонима *Полесье* [12].

Водное пространство встречается как в былинах, так и в «Калевале». В онежских былинах с локусом *вода* связан один мифологический персонаж – *Водяной* (8) (*Морской* (18), *Поддонный* (1)), царь, который выполняет одну из главных ролей в былинах новгородского цикла. Конкретизацию образа *Водяного царя* в былинах можно увидеть в описаниях подводного царства, в котором проводятся пиры, как при князе Владимире [2; 641], в упоминаниях деспотичности *Водяного царя* [2; 103]. Ему вынуждены платить дань купцы во время путешествий по морю [2; 649]. Следовательно, его фигуру нельзя назвать эпизодической и маловажной в контекстах расматриваемых былин.

Кроме того, в онежских былинах следует выделить имена, производные от названий рек: *Дон Иванович* (7) и *Дунай Иванович* (211). По свидетельству М. Фасмера, гидронимы *Дон* и *Дунай* восходят к «авест. *dānu-* ж. "река", осет. *dop* "река, вода", др.-инд. *dānu* ср. р. "сочающаяся жидкость"...» [12]. Б. Н. Путилов также отмечает, что в Древней Руси эти слова были не только обозначением рек, но и мужскими именами

собственными [9; 159], а в былинах «название реки и имя оказываются связанными воедино» [9]. Так, *Дунай* после своей смерти превращается в реку: «Где пала Дунаева головушка, / Протекала речка Дунай река, / где пала Настасьяна речка Настасья река» [2; 191]. В эпосе имена приобретают мифологический смысл: после смерти Дуная и его жены Настасьи, Дона и Непры рождаются одноименные реки.

В «Калевале» также встречаются имена собственные, восходящие к основам с водной семантикой (5 имен). Например, имя главного героя – *Väinämöinen (Вяйнямёйнен)* (1043) восходит к лексеме *väinä*, что в переводе с финского означает 'широкая, глубокая и тихая река' [13]. С водной семантикой связаны и этимоны параллельных имен Вяйнямёйнена: *Suvantolainen* (2) восходит к слову *suvanto* – 'плёс (участок реки со спокойным течением)' [1], *Uvantolainen* (3) производное от *uva* – 'спокойное течение реки' [15]. Кроме того, в «Калевале» обнаруживается целая группа имен, принадлежащих водным духам. Среди них *Ахто (Ahto)* (11) занимает главенствующее положение, так как является хозяином воды. В отличие от былинного *Водяного царя*, у *Ахто* есть супруга, хозяйка воды *Велламо* (6). Имя *Vellamo* также является мотивированным, так как восходит к глаголу *velloa*, который имеет значения '1. плескаться; 2. бушевать, бурлить, кипеть (о волнах, воде)' [13]. Таким образом, имя хозяйки воды указывает на ее функции в эпосе. У *Ахто* и *Велламо* есть дети, которые носят коллективное имя *Vellamon neiot (Девы Велламо)* (3), представляющее собой генетивную конструкцию, построенную по модели «имя собственное в р. п. + имя существительное во мн. ч.». Первый компонент имени указывает на происхождение персонажей, в частности на их принадлежность к матери *Велламо*. Таким образом, *Девы Велламо* выполняют в эпосе роль русалок, обитающих в подводном царстве *Ахтола* [4; 65], [7; 61].

Итак, в отличие от онежских былин в «Калевале» преобладают мифонимы, этимологически связанные с водной семантикой, широко представлен спектр имен лесных духов, а также имен, восходящих к названиям небесных светил, встречаются имена, производные от слова *ilma (небо)*. Вероятно, это свидетельствует о том, что с развитием эпической поэзии в русском эпосе постепенно происходит утрата мифологических элементов, на первый план выходят события исторические [5; 151]. Карело-финские руны калевальского цикла, составившие основу «Калевалы», представляют собой эпос архаический, «догосударственный» [5; 150], сохранивший мифологический пласт лексики, в котором отразились религиозные верования народа, связанные с представлениями о том, что все окружающие природные стихии имеют своих духов-хозяев. Эта особенность нашла свое отражение в именах собственных. Однако, несмотря на различия ономастических систем былин и «Калевалы», можно обнаружить ряд типологически сходных

моментов, связанных с языковым мышлением разных этносов: во-первых, значимые персонажи в эпической поэзии всегда обозначаются именами собственными, во-вторых, имена группируются в зависимости от функций и локальной принадлежности героев. В-третьих, эпические имена всегда несут в себе этнокультурную

информацию. Типологические сходства можно обнаружить и в организации эпического пространства, членяемого на ряд значимых локусов: *небо, вода, лес, горы, поле*. И вместе с тем анализ имен собственных, принадлежащих героям, выявляет специфические черты пространственного деления для каждого эпоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой финско-русский словарь. М., 1999. 816 с.
2. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1949. 735 с. Т. 2. М.; Л., 1950. 810 с. Т. 3. М.; Л., 1951. 670 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1989. 700 с. Т. 3. М., 1990. 555 с. Т. 4. М., 1991. 683 с.
4. Калевала. Карело-финский народный эпос / Перевод Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985. 381 с.
5. Карху Э. Эпос и мифосознание // Север. 1993. № 2. С. 149–160.
6. Карху Э. Г. Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. 237 с.
7. Лённрот Э. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Перевод Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск, 2001. 583 с.
8. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинной поэме // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18–45.
9. Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб., 2001. 368 с.
10. Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002. 241 с.
11. Уренская В. В. Проблема имени собственного в эпическом тексте: оригинал и переводы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2010. № 7 (112). С. 56–58.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. СПб., 1996. 576 с. Т. 3. СПб., 1996. 831 с.
13. Suomen kielen etymologien sanakirja. Helsinki, 1978. (XII) N. VI. S. 1677–1899. Helsinki, 1981. (XII) N. I. 204 s. Helsinki, 1983. (XII) N. II. S. 205–480.
14. Suomi-venäjä-suomi-sanakirja. Juväskylä, 2006. 536 s.
15. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Joensuu, 1981. 415 s.
16. Naavio M. Suomalainen mytologia [Osa 2]. (1) Porvo-Helsinki, 1967. 279 s.

Baykova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TYPOLOGY OF PROPER NAMES USED IN ONEGA HEROIC POEMS AND “KALEVALA” EPOS

Topology of etymons forming the basis of some proper names found in Onega heroic poems and “Kalevala” epos is provided. The similarities and differences of the epic spatial organization, as well as some peculiarities of various onomastic systems are studied. The use of the cross-cultural approach helped to compare the two epic poems on the onomastic level and to define significant features of linguistic thinking inherent to different ethnic groups, as well as to reveal the particular and the general in their cultures.

Key words: etymon, proper nouns, epos, typology, onomastics, loci

REFERENCES

1. *Bol'shoy finsko-russkiy slovar'* [Big Finnish-Russian dictionary]. Moscow, 1999. 816 p.
2. Gil'fyerding A. F. *Onezhskie byliny* [Onega heroic poems]. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1949. 735 p. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1950. 811 p. Vol. 3. Moscow; Leningrad, 1951. 670 p.
3. Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhyvogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, 1989. 700 p. Vol. 3. Moscow, 1990. 555 p. Vol. 4. Moscow, 1991. 683 p.
4. *Kalevala. Karelo-finskiy narodnyy epos / Perevod L. P. Bel'skogo* [Karelian-finnish folk epic / Translated by L. P. Belskiy]. Petrozavodsk, 1985. 381 p.
5. Karhu E. Epic and mythological consciousness [Epos i mifosoznaniye]. *Sever* [North]. 1993. № 2. P. 149–160.
6. Karhu E. G. *Elias Lennrot. Zhyn' i tworchestwo* [Elias Lönnrot. Life and creative work]. Petrozavodsk, 1996. 237 p.
7. Lennrot E. *Kalevala: Epicheskaya poema na osnovyie drevnikh karel'skikh i finskikh narodnykh pesen / Perevod E. Kiuru, A. Mishina* [Kalevala: Epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs / Translated by E. Kiuru, A. Mishin]. Petrozavodsk, 2001. 583 p.
8. Nyecklyudov S. Yu. Time and space in a heroic poem [Vryemya i prostranstvo v byline]. *Slavyanskiy fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow, 1972. P. 18–45.
9. Putilov B. N. *Drevnyaya Rus' v litsakh. Bogi, geroi, lyudi* [Ancient Rus in faces. Gods, heroes, people]. St. Petersburg, 2001. 368 p.
10. Tarlanov Z. K. *Geroi i epicheskaya geografiya bylin i "Kalevaly"* [Heroes and epic geography of heroic poems and “Kalevala”]. Petrozavodsk, 2002. 241 p.
11. Urenskaya V. V. The problem of a proper name in an epic text: the original and translations [Problema imenyi sobstvennogo v epicheskom tyekstye: original i pyerevody]. *Uchenyye zapiski Pyetrozavodskogo gosudarstvennogo universityeta. Seriya: "Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social sciences and humanities]. 2010. № 7 (112). P. 56–58.
12. Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. In 4 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 1996. 576 p. Vol. 3. St. Petersburg, 1996. 831 p.
13. Suomen kielen etymologien sanakirja. Helsinki, 1978. (XII) N. VI. S. 1677–1899. Helsinki, 1981. (XII) N. I. 204 s. Helsinki, 1983. (XII) N. II. S. 205–480.
14. Suomi-venäjä-suomi-sanakirja. Juväskylä, 2006. 536 s.
15. Turunen A. *Kalevalan sanat ja niiden taustat*. Joensuu, 1981. 415 p.
16. Naavio M. *Suomalainen mytologia* [Osa 2]. (1) Porvo-Helsinki, 1967. 279 p.

Поступила в редакцию 16.01.2014

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЫШЕВ
младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, старший преподаватель кафедры речевой коммуникации факультета журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
malyshev.alexander@mail.ru

РАССУЖДЕНИЯ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ В «ПРИМЕЧАНИЯХ К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ВЕДОМОСТЯМ» (1728–1742)*

Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» – первое русское научно-популярное издание. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, которые хотели приобрести знания об окружающем мире. Уже на второй год существования «Примечаний» редакцией была определена стилистическая программа создания познавательных текстов: просветительские материалы должны были быть написаны простым языком, доступным для неискушенного читателя первой половины XVIII века. Издатели регулярно писали о том, что они стараются публиковать статьи, полезные и приятные для чтения, в том числе за счет максимально понятного, «ясного» изложения, при этом отмечалось, что создание языка для подобных сочинений лишь начинается. Теоретические установки редакции воплощались практически: язык «Примечаний» быстро эволюционировал, став достаточно гибким для своего времени. Рассмотрение стилистической политики «Примечаний» позволяет также осветить истоки литературно-эстетической полемики середины XVIII века, участниками которой были М. В. Ломоносов и В. К. Третьяковский, в молодости сотрудничавшие в «Примечаниях» и испытавшие воздействие «требований простоты и понятности» до начала их полноценной литературной жизни.

Ключевые слова: русская журналистика XVIII века, русский литературный язык XVIII века, историческая стилистика

«Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» представляют собой уникальное в истории отечественной журналистики двуязычное немецко-русское периодическое издание, силами сотрудников Академии наук выходившее в России почти 14 лет и ориентированное одновременно на русского и иностранного читателя, не обладавшего полноценными знаниями по тому или иному предмету, но желавшего их обрести и чаще всего подготовленного к получению подобной информации. В постпетровской России научно-популярной литературе, у истоков которой стояли «Примечания», со временем было отведено особое место в процессе ознакомления русского читателя со знаниями об окружающем его мире.

Как отмечает А. В. Федоров, на рубеже XVII–XVIII веков между автором и читателем нередко возникал своеобразный «русско-русский» языковой барьер: читатель мог не понимать вовсе или понимать со значительными затруднениями целые фрагменты читаемого им сочинения, что чаще всего было связано с лексическими и синтаксическими особенностями изложения [9; 28–29]. По наблюдениям С. И. Николаева, в петровское время абсолютное большинство переводов приходится на труды научного, учебного и просветительского характера, на долю же «художественных» сочинений – не более 4 % печатной продукции [5; 4, 13–14]. Хрестоматийным при этом стало требование Петра I переводить тек-

сты максимально точно и понятно [3; 36–39], [6; 210–214], которое, однако, далеко не всегда выполнялось даже при его жизни [8; 63–64]. Это указание оставалось актуальным и после смерти Петра I, став одной из основных установок для издателей «Примечаний».

Издатели «Примечаний» прекрасно осознавали, что языковые и стилистические средства играют определяющую роль при изложении в статьях сведений самого разного рода (в «Примечаниях» публиковались статьи о химии, физике, географии, истории, генеалогии, археологии, промышленности, культуре и др.). Именно поэтому в ежегодных приветственных обращениях к читателю, с 1729 года традиционно занимавших первый номер журнала, мы неоднократно обнаруживаем мнение о языковых и стилистических принципах изложения публикуемых статей (отметим, что в них мы не встретим употребления собственно слова *стиль*, хотя речь идет, конечно, именно о стилистической стороне вопроса). Первые подступы к выражению этого мнения встречаются в 1729 году в объяснении назначения «Примечаний»: «При сем подается тебе паки начатие некоторых новых трудов, которые токмо ради увеселения тебя, и ради твоей пользы восприяты (в цитатах сохраняются орфография и пунктуация оригинала. – А. М.)» (1792, 1)¹. Представляется очевидным, что традиционное для XVIII века сочетание приятности и полезности чтения было неразрывно связано с понятностью

текста: «темно» написанная статья наверняка вызвала бы у читателя естественное отторжение. Редакцией обозначается и стилистическая установка «Примечаний»: издатели старались «публичные ведомости нашим читателям толь лутче и вразумительнее изъяснить (здесь и далее курсив наш. – А. М.)» (1729, 2).

Издатели апеллируют к авторитету академической науки, решившей уделить внимание созданию познавательных текстов о разнообразных материях: «Понеже Академия наук разпространение высочайших частей науки, что *не всякого человека* дело есть, другим родом писания, на Латинском языке, свету сообщает: то остались нам к описанию в наших листочках от части без многога размышления, искусством ведомая, а от части такая истинны, которые *легко* познать можно» (1733, 2). Важной заслугой авторов при сообщении этих знаний становится стилистическая доступность текстов «Примечаний» по сравнению с традиционными научными текстами. Показательно, что для подчеркивания этого достоинства публикуемых материалов издатели не без некоторой гордости прибегают к метафорическому контрасту: «Мы особливо о том тщание имели, чтоб некоторыя нужныя материи, которыя от большой части великим мраком художественных слов покрыты, *не трудным и ясным* предложением на надлежащий свет вывести» (1733, 2). Однако читателю русского и немецкого текста «Примечаний» не следовало думать, что писать понятным и доступным языком легко: это «так же не очюнь легкии труд есть, понеже как Немецкии язык, на котором мы пишем, так и Рускии, на которыи наши мысли перекладываются, *ко изображению всех идеи еще не довольно способен*» (1733, 2). Развитие же языка, способного быть достаточно гибким и выразительным для создания познавательных и интересных текстов, определяется как забота ученых, направленная в будущее.

Издатели «Примечаний» сетуют на ученых, которые от обретенных знаний преисполняются самолюбием и презрением к миру, а потому либо скрывают знание от людей (прямым замалчиванием или нарочито усложненным изложением), либо напыщенно произносят прописные истины. Академический коллектив противопоставляет себя таким ученым и в предмете, и в манере изложения. Стилистическая ясность статей подчеркивается и несколько лет спустя – и вновь на контрасте с традиционным научным изложением: «Во всех оных описаниях последовали мы больше приятной всем читателям *ясности*, нежели обыкновенному в науках порядку» (1738, 2).

Подобные рассуждения содержатся не только в обращенных к читателю ежегодных приветственных словах, но и в некоторых статьях. Например, в статье «О металлургии, или рудокопной науке» (1738) после короткого вступления автор обещает читателю не перегружать текст

сложными для понимания словами: «Намерены мы, только между одними сию науку знающими людьми в обычай принятых, а прочим *неизвестных терминов, как возможно убежать*» (1738, 332). Данное обещание все же оказывается выполненным лишь отчасти: статья обнаруживает значительное количество специальной лексики, которая, впрочем, практически всегда получает пояснение от автора немецкого текста или от переводчика.

Язык «Примечаний» развивался, сотрудники этого необычного для России издания совершенствовались в искусстве написания и перевода занимательных статей просветительского характера. Теоретическая установка на простоту и ясность изложения в «Примечаниях» не расходилась с практикой: на лексическом уровне авторы немецкого текста «Примечаний» и академические переводчики стремились сделать тексты «прозрачными» для читателя, отсюда возникало значительное в ряде случаев количество внутри-текстовых толкований лексики в пределах статьи (особенно в русскоязычном издании «Примечаний»). Как считает А. А. Алексеев, обилие подобных пояснений подчас могло восприниматься читателем не столько как помощь со стороны автора, сколько как навязчивый научный педантизм [1; 75–77]. Читатель «Примечаний» вряд ли мог заподозрить авторов статей в самолюбивом желании показать свое интеллектуальное превосходство, так как научно-популярное изложение при всей «популярности» в значительной мере оставалось все же научным, основанным на употреблении специальной лексики, поскольку «в научных и специальных контекстах предпочтению может отдаваться иноязычным словам как более “терминологичным”» [4; 59], ср. [10; 4–10]. Однако если авторы и переводчики первых лет издания «Примечаний» охотно употребляли «трудные» слова, снабжая их пояснениями и толкованиями, то в последние годы они предпочитали сразу ввести в текст понятный читателю аналог такого слова или его развернутое толкование (особенно это заметно в статьях, которые переводил в 1741–1742 годах М. В. Ломоносов). Кроме того, регулярно встречающиеся в статьях рубежа 1720–30-х годов *егда, понеже, ибо, яко, такожде, наки* и др. последовательно заменяются в дальнейшем на *когда, поскольку, потому что, для того что, как, также, вновь, снова* и др.

На уровне синтаксиса эта установка также получала реальное воплощение: в русском тексте «Примечаний» все реже встречаются устаревшие формы сказуемого с глаголом-связкой *быть* («художество как оныя (часы. – А. М.) делать, ныне довольно *знаемо есть*», «часы же с маетником не так доволно *знаемы суть*» (1728, 61)), происходит переход от многосоставных предложений, отягощенных сложными оборотами церковнославянского языка, к зачастую

не менее распространенным, но более структурно организованным, а следовательно, более простым для читательского восприятия предложениям. В то же время в статьях последних лет авторская мысль часто выражается с помощью нескольких, пусть и осложненных, предложений, тогда как в статьях первых лет в таких случаях нередко монолитные многосоставные распространенные предложения, занимающие большой объем или даже составляющие целые абзацы. Нередко в русском тексте предложения строятся по модели немецкого языка, с которого и выполнялись переводы: «Пошли оныя разбойнические суда в море, и меньше часа помянутые галеры стали у них в виду, *за которыми* они тот час погнались» (1736, 78), «Лисицы оставили их в то время, *вместо которых* медведи появились» (1738, 95) и др.

Лексико-синтаксическую эволюцию «Примечаний» можно проследить на нескольких примерах. Для первых переводчиков «Примечаний» (М. Шванвиц, М. И. Алексеев, И. П. Яхонтов) типичными были предложения вроде: «Ныне легко разсудить можно, что, когда пары изтончаны и в ветер пременены, тогда нетак скоро паки другие в великом множестве в верх восходить могут, а прежде, нежели сие учинится, сокращается влажность от приближающейся зимней стужи, чего ради тот штурм, который еще востать может, недолго продолжается, и хотя от оногo вода от части прибывает, то однакоже неможет она ради недолгаго оногo веяния розлиться» (1729, 335). Переводчики 1730-х годов (В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт, С. С. Волчков) пишут более логично и доступно: «Ежели сие разсудить, и при том оное в помощь возьмем, что в прежних примечаниях сказано, а имянно, что разноименные полусы один другаго притягают, то можно будет легко заключить, что когда долговаго Магнит, по обоим концам свои полусы (опечатка. – А. М.) имеющей, по перег перережется, то обе стороны разреза еще вместе держаться будут, для того что по обоим сим концам разреза будут находиться разноименные полусы» (1733, 228). Наибольшее же мастерство обнаруживают переводы В. К. Тредиаковского: «Когда к растворенным в винном укусе королькам приложатся несколько капель так называемого масла олеум тартари пер деликвиум, то тотчас белой порошок на дно сядет, которому так как и всем преждеобъявленным лекарством удивительныя действия приписывают» (1741, 42), и М. В. Ломоносова: «Полученные хрусталики розваривают в кипящем селитряном шолоке, которой чистою водою розведен, и после того отделают <sic!> оставшуюся нечистоту негашеною известью, с которою она на дно упадет; чистой шолок с

верху сливают и слабым огнем вываривают, и после того снова в хрусталики садиться дают, и так получают чистую селитру» (1741, 358–359). Об удивительно быстрой языковой (в широком смысле) эволюции «Примечаний» справедливо писал П. Н. Берков: «Насколько грубы и неуклюжи обороты речи в “Примечаниях” конца 20-х годов XVIII в., настолько плавными и, во всяком случае, более гладкими делаются фразы в конце издания этого журнала» [2; 72].

Для своего времени «Примечания» были передовым изданием, пользовавшимся значительной популярностью у читателей самого разного социального положения; впоследствии именно по модели «Примечаний» издавались «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (а затем и «Новые ежемесячные сочинения»). Конечно, со временем стилистически устаревали и удачные русскоязычные статьи. Ю. С. Сорокин отмечал, что рукописная правка текста в хранящемся в Библиотеке Академии наук экземпляре «Примечаний» (речь идет о подготовке в 1760-х годах переиздания избранных статей «Примечаний») минимальна и преимущественно «сводится к замене некоторых устарелых служебных и полужнаменательных слов» [7; 22]. Мы не можем в данном случае полностью согласиться с Ю. С. Сорокиным, поскольку на некоторых страницах этого экземпляра правка значительна как по объему, так и по содержанию (происходит замена окончаний, слов и словосочетаний, переставляются места части предложений и др.).

«Примечания» были первым отечественным периодическим изданием, ориентированным на массового читателя, которое обозначило свою стилистическую позицию и старалось неизменно придерживаться ее. Стилистические установки редакции «Примечаний» перекликаются с мнением раннего Тредиаковского о языке создания приятной для чтения литературы, высказанным им в 1730 году в знаменитом предисловии к переводу «Езды в остров Любви», и в известном смысле предваряют будущую полемику Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова. Если же учитывать, что молодые Тредиаковский и Ломоносов сотрудничали в «Примечаниях» в качестве переводчиков, а следовательно, не могли не получить от главного редактора указаний о принципах изложения переводимых ими текстов, то есть работали в рамках одной стилистической парадигмы, эта полемика обнаруживает еще один любопытный аспект, не отмеченный, насколько мы можем судить, в основных исследованиях по истории русского литературного языка XVIII века.

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Лексический фонд русского языка XVIII в.», поддержанного грантом РГНФ № 11-04-00080а.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1728–1742. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием года и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 68–95.
2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: АН СССР, 1952. 587 с.
3. Берков П. Н. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII в. // Описание изданий гражданской печати (1708 – январь 1725). М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 11–39.
4. Веселитский В. В. Иноязычные слова и их русские эквиваленты у Кантемира // Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965. С. 58–62.
5. Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 155 с.
6. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Ч. I. 613 с.
7. Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–42.
8. Сорокин Ю. С. У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л.: Наука, 1982. С. 52–82.
9. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: ИЛИЯ, 1953. 335 с.
10. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien: Adolf Holzhausens Verlag, 1956. 232 s.

Malyshev A. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

REASONING ON LANGUAGE AND STYLE IN “NOTES TO SAINT PETERSBURG SHEETS” (1728–1742)

The academic magazine “Notes to Saint Petersburg Sheets” is the first Russian popular scientific edition. The magazine was addressed to a wide range of readers who wanted to acquire knowledge of the outward things. Starting from the second year of the “Notes” existence the editors developed a particular stylistic program for informative texts’ creation: educational materials had to be written in simple words, which could be easily understood by the unsophisticated readers of the first half of the XVIII century. The editors regularly stressed the fact that they tried to publish articles useful and pleasant for reading. The goal was achieved by means of language simplification and use of “clear” statements. It was noted that the work on the language for such compositions was at its very beginning. Quite often introducing stylistic installations, publishers created metaphorical contrasts with the language of high science, which was unsuitable for the “Notes”. Theoretical installations of the editorial office were embodied practically: the language of the “Notes” evolved quickly. It became rather flexible and smooth with time. Consideration of the “Notes” stylistic policy also helped to reveal sources of literary and esthetic polemics of the middle of the XVIIIth century. Such prominent writers as M. V. Lomonosov and V. K. Trediakovskiy participated in the process in their youth. They worked in the “Notes” as translators and experienced the need for “simplicity and clearness” prior to the beginning of their full-fledged literary life.

Key words: Russian journalism of the XVIII century, Russian literary language of the XVIII century, historical stylistics

REFERENCES

1. Alekseev A. A. “Tilemakhida’s” epic style [Epicheskii stil’ “Tilemakhidy”]. *Jazyk russkikh pisateley XVIII veka* [Language of the Russian writers of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. P. 68–95.
2. Berkov P. N. *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII veka* [History of the Russian journalism of the XVIII century]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 587 p.
3. Berkov P. N. The Russian book of the civil press of the first quarter of the XVIII century [Russkaya kniga grazhdanskoj pečhati pervoy chetverti XVIII veka]. *Opisanie izdaniy grazhdanskoj pečhati (1708 – yanvar’ 1725)* [The Description of editions of the civil press (1708 – January 1725)] Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. P. 11–39.
4. Veselitskiy V. V. Foreign-language words and their Russian equivalents by Kantemir [Inoyazychnye slova i ikh russkie ekvivalenty u Kantemira]. *Problemy sovremennoy filologii* [Problems of modern philology]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 58–62.
5. Nikolaev S. I. *Literaturnaya kul’tura Petrovskoy epokhi* [Literary culture of Petrovsky era]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996. 155 p.
6. Pekar’skiy P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. St. Petersburg, 1862. Vol. I. 613 p.
7. Sorokin Yu. S. On “The XVIII century dictionary of the Russian language” [O «Slovarе russkogo yazyka XVIII veka»]. *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka* [Materials and researches on lexicon of the Russian language of the XVIII century]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. P. 5–42.
8. Sorokin Yu. S. At sources of the literary language of new type (Transfer of Fontenelle’s “Conversations on a set of the worlds”) [U istokov literaturnogo yazyka novogo tipa (Perevod “Razgovorov o mnozhestve mirov” Fontenelya)]. *Literaturnyy yazyk XVIII veka. Problemy stilistiki* [Literary language of the XVIII century. Stylistics problems]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. P. 52–82.
9. Fedorov A. V. *Vvedenie v teoriyu perevoda* [Introduction to the translation theory]. Moscow, ILIYa Publ., 1953. 335 p.
10. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien: Adolf Holzhausens Verlag, 1956. 232 s.

Поступила в редакцию 07.11.2013

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olsemenova@bk.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ, КАНЦЕЛЯРИЗМОВ, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов – одна из ключевых особенностей идиостиля Андрея Платонова. В работе описываются и анализируются особенности употребления трансформированных и новых терминов, канцеляризованных, фразеологизмов в повести А. Платонова «Котлован». Уже с первых строк повести обращает на себя внимание обилие в тексте канцеляризованных, штампов, клишированной лексики. Цель работы – проследить, как новая терминология, канцелярская лексика и фразеология меняют сознание людей, насколько прочно входят в их жизнь, становятся одним из источников деформации языка. Термины, канцеляризмы, фразеологизмы в платоновском тексте, изменяя свое привычное значение, отражают авторскую философию, его новое видение мира. Трансформация терминологии, фразеологии, канцелярской лексики неразрывно связана с новыми реалиями, появившимися с приходом новой власти: новые термины выходят из разряда лексики ограниченного употребления – это приводит к тому, что, прибегая к ним, герои не всегда понимают смысл и сферу их употребления.

Ключевые слова: окказиональная синтагматика, нарушение сочетаемости, трансформация устойчивых сочетаний, идиостиль Платонова

Трансформация терминов, общеупотребительных штампов – одна из ключевых особенностей идиостиля Андрея Платонова. Уже с первых строк «Котлована» обращает на себя внимание обилие в тексте канцеляризованных, штампов, клишированной лексики: «*В день тридцатилетия личной жизни*» (79)¹. Обнаруживается связь фразеологии героев с канцелярской и общественно-политической терминологией революционной эпохи: «*Я сегодня в соцстрах пойду становиться на пенсию*» (114); «*.. у лампы сидел активист за умственным трудом*» (169); «*...я тебя в мобилизованный кадр зачислю*» (135); «*...постановил для себя перейти на инвалидную пенсию*» (113).

Проследим, как новая терминология, канцелярская лексика и фразеология меняют сознание людей, насколько прочно входят в их жизнь, становятся одним из источников деформации языка.

ТЕРМИНЫ

Научный термин (об особой роли слов ограниченного словоупотребления в произведениях А. Платонова писал еще в 1966 году Л. Боровой [2]) в платоновском тексте может изменять свое привычное значение. Так, общеизвестный химический термин «тяжелые вещества» выходит из разряда лексики ограниченного словоупотребления: «*Пройдя двор, Чиклин... завалил дверь... битым кирпичом, старыми каменными глыбами и прочим тяжелым веществом*» (124) – употребление его с необычным эпитетом и в ряду однородных членов с такими существительными,

как *кирпич, глыбы*, изменяет привычное значение термина «тяжелые вещества» на «старые, ненужные вещи».

Свое научное значение утрачивает физический термин «сила тяжести» («*терпеливо или силой тяжести мертвого груза*» (88)). Биологический термин «место обитания» трансформируется в повести в «место жизни» («*Девочка обошла новое место своей жизни*» (122)). Неправильно используется экономическая терминология в конструкции «для обеспечения государственного темпа» (101).

В тексте повести нередки случаи разрушения и трансформации привычной терминологии. Так, например, юридический термин «право на жизнь» изменяется на «право жизни», а употребление его в конструкции с окказиональным глаголом *исходатайствовать* («*...исходатайствовать себе посредством мучения право жизни бедняка*» (139)) позволяет автору передать идею надындивидуальности. Использование А. Платоновым прилагательного *неимущее* вместо *рабочее, пролетарское* («*Рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье*» (106)) вместе с существительным *движение* приводит к разрушению термина.

Общеизвестный политический штамп «элемент» в значении «человек как член какой-нибудь социальной группы», почти не используемый в современном русском языке, достаточно активен в повести А. Платонова и в большинстве случаев встречается с определяющим словом: «*прочие неясные элементы*» (180); «*представится туда жалобным нетрудовым*

элементом» (93); *«Тот закон для одних усталых элементов»* (94); *«А тут покоится вещество создания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять всемирным элементом!»* (126); *«кроме... покорности слепого элемента»* (182). Такое частое и обычно трансформированное использование терминов («классовый элемент», «кулацкий элемент») свидетельствует о том, что человек, неоднократно наделяясь отрицательной характеристикой («этот дворовый элемент есть смертельный вредитель» (140); «...да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента» (130)), воспринимается не как личность, а лишь как составная часть механизма. Необычность употребления термина *элемент* в тексте повести еще и в том, что, во-первых, он может находиться в нестандартном окружении: «...среди тьмы и внимания к каким-то мучающимся на сцене элементам» (185), а во-вторых, употребляться по отношению к ребенку, что, с точки зрения узальных норм, недопустимо: «...приветствовал девочку, пришедшую с Чиклиным, как элемент будущего» (122). Интересно отметить, что сочетания из общеупотребительной политической фразеологии типа «отсталый элемент», «кулацкий элемент» в повести не встречаются.

Окказиональные терминологические сочетания, встречающиеся в повести, в большинстве своем употребляются с компонентом из общеизвестной терминологии (например, «социальный», «буржуазный», «пролетарский» и др.): «социальная радость» (111); «буржуазная мелочь» (121); «передовой ангел» (114); «членская беднота» (153); «членская масса» (159); «пролетарский талант» (101); «пролетарская масса» (110), (131); «пролетарская совесть» (113); «пролетарская вера» (99); «пролетарская польза» (100)²; «классовая жизнь» (120); «классовый излишек» (104); «классовое поколение» (130); «классовый старичок» (142).

Новые термины отражают авторскую философию, его новое видение мира: «максимальный класс» («Жачев... посещал его, дабы кормиться от рабочего класса; но среди лета он переменял курс и стал питаться от максимального класса» (106)); «батрачье сословие» (130); «фактический житель социализма» (126) (о девочке); «кошачьи от кулачества массы» (164); «или имел подкулацкую долю жизни» (150). Они наделяются дополнительной коннотацией, как отрицательной, так и положительной: ср. «Давно пора кончать зажиточных паразитов! <...> Где ж тогда греться активному персоналу!» (133).

Еще одна особенность употребления терминов в том, что в одном предложении может концентрироваться сразу несколько новых, платоновских, терминологических сочетаний: «В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие

роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа ума» (79); «...оставив в живых лишь пролетарское младенчество и чистое сиротство» (125).

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ И ШТАМПЫ

Канцелярские обороты, наряду с языком радио, директивы, новыми политическими понятиями, являются, по мнению П. А. Бодина, одними из главных источников деформации языка героев [1]. Такой же позиции придерживаются и другие исследователи языка А. Платонова (М. Ю. Михеев [6], В. В. Буйлов [3]).

Иноstileвые вкрапления, в частности введение в речь повествователя и героев канцеляризов, одновременно сопровождаются разрушением уже знакомых и традиционных оборотов: общеупотребительное канцелярское выражение «предпринимать усилия» заменяется окказиональным образованием «предпринимать дисциплину» (100); «принять меры» – «принять линию» (110) («...думал, какую бы ему наиболее благополучную линию принять в отношении сидящего представителя интеллигенции»); известное сочетание «в лице кого-то» преобразуется у Платонова в «в форме чего-то»: «...необходимо здесь иметь в форме детства лидера будущего пролетариата» (116) (вместо «в лице ребенка»); по аналогии с известными сочетаниями «нанести ущерб», «принести вред» у Платонова появляется «допустить вред» (111); «нести ответственность» – «нести должность» (111).

Канцелярские штампы типа «линия партии и государства», характеризующие нечто общее, у Платонова преобразуются в сочетание «линия прораба» (111), которое характеризует уже индивида.

Употребляющиеся в единственном числе выражения типа «средний человек», «средний класс», «средняк» в повести встречаются во множественном числе: «средние люди» (168); «средние мужики» (187); «средние единоличники» (147).

К общеизвестному канцелярскому штампу «взять на заметку» добавляется еще один компонент – окказиональное существительное «организационность». В результате привычное сочетание трансформируется в новую конструкцию «всю организационность на заметку возьму» (138).

В повести появляются и индивидуально-авторские выражения, которые можно квалифицировать как канцеляризы: «Прушевский определил Чиклину расставить свежих рабочих по котловану и дать им выучку» (101); «детский персонал» (127); «казенный инвалид» (139); «продолжал лежать умолкшим образом» (137) (= «тихо»); «развивали дальнейший темп праздника» (166).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Устойчивые выражения также подвергаются трансформации: «бросать слова на ветер» трансформируется у Платонова в сочетание «бросать свои выражения» (121), «ощутил ход времени» – «почувствовал долготу времени» (120), «предчувствуя долготу времени» (141); «кричать во всю Ивановскую» – «кричать... во всю деревню» (180); «болеть душой» – «поболит душой» (137). По аналогии с сочетанием «до потери памяти» у Платонова возникает оборот «истомить себя до потери души» (170).

Фразеологическое связанное лексическое значение глагола изменяет привычный контекст: по аналогии со словосочетанием из книжной лексики «разверзнется пропасть» в повести появляется конструкция «разверзла беззубый темный рот» (118), описывающая высоким слогом бытовую ситуацию, а также сочетания «разверзая земную тесноту вишь» (185) и «там он снова начал разверзать неподвижную землю» (187). Изменяется и привычное окружение у фразеологически связанного прилагательного «насущенный»: по ассоциации с устойчивым оборотом «хлеб насущенный» рождается окказиональное сочетание «насущенное имущество» (153).

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ И НОВЫХ ТЕРМИНОВ, КАНЦЕЛЯРИЗМОВ, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Общеупотребительные общественно-политические термины, штампы, канцеляризм нередко лежат в основе авторских метафор. Устойчивое терминологическое сочетание «научная мысль», трансформируясь, легло в основу метафорической конструкции «пошевелинулось научное сомнение» (101) – можно провести аналогии со словосочетаниями «поселилось сомнение» и «зашевелилась мысль».

Появившееся у Платонова терминологическое сочетание «инерция самодействующего разума» (102) помогает увидеть процесс, при котором сознание уподобляется механизму.

Иногда в основе содержащего термин словосочетания лежит генитивная метафора (подробнее о генитивной метафоре у А. Платонова см. [5]): «Занятие техникию покоя будущего здания обеспечивало...» (102).

2. Некоторые конструкции образованы по аналогии с известными канцелярскими оборотами, терминами и фразеологизмами (один из исследователей языка Платонова И. И. Матвеева вводит термин «малопропилическая замена», когда говорит о соединении различных устойчивых выражений [4]): глагол «жить, существовать» заменяется автором на конструкцию «поддерживать себя» (97), образованную по аналогии с сочетанием типа «поддерживать кандидатуру при голосовании»; «руководящий

человек» (152) по аналогии с «руководящий работник».

Термин «общепользная жизнь» вторгается в религиозное представление о «высшей жизни»³ в конструкции «отошел в высшую общепользную жизнь» (114), в которой, проведя параллель с известным фразеологизмом «отойти в вечность», мы можем проследить, как противоположные понятия «жизнь» и «смерть» становятся тождественными.

3. Употребление терминов, канцеляризм и фразеологизмов в необычном окружении: «ударил какой-то инстинкт в голову» (87); «желание наибольшей общественной пользы» (114); «желание утихло в нем без последствий» (153); «Перестань брать слово» (108).

4. Изменение узуального значения. Привычное значение собирательного неодушевленного существительного мелочь (= мелкие предметы, деньги) в контекстах повести приобретает иное, терминологическое значение: «люди низкого общественного положения». В словосочетании «буржуазная мелочь» (121) собирательное существительное мелочь получает метафорическое значение: мелкие (телом) и мелочные (душой) людишки буржуазной эпохи. Такое же собирательное значение у существительного «мелочь» с ярко выраженной отрицательной коннотацией в предложении «Стихны, темная мелочь!» (110). А вот в предложении «...а я с товарищем Прушевским хожу, как мелочь между классов, и не вижу себе улучшения!..» (101) оценка героя уже идет не со стороны, а от самого себя, причем тоже с негативным оттенком⁴.

5. Рождение новой риторики революционной эпохи: «беспрерывное героичество» (140); «усердная беззаветность» (140); «энтузиазм несокрушимого действия» (136).

6. Демонстрация абсурдности ситуации: «Товарищи, мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства!» (120), «в руках стихийного одиночника и козел есть рычаг капитализма» (144).

7. Изменение представления об окружающем мире. Введение в текст авторских канцелярских оборотов показывает нам объекты природы не как естественные явления, не подчиняющиеся человеческой воле, а как нечто организованное: «...спустились в овраг, в котором содержалась вода» (145).

8. Слова с абстрактным значением, входящие в состав канцелярского оборота или термина, конкретизируются: «чертил дорожную генеральную линию вперед» (153); «...надо бы установку на Козлова взять, он на саботаж линию берет» (113). Очевидно, что под «установкой» и «линией» подразумеваются конкретные понятия, которые без необходимых комментариев остаются абстрактными наименованиями.

Таким образом, трансформация терминологии, фразеологии, канцелярской лексики неразрывно связана с новыми реалиями, появившимися с приходом новой власти: новые термины выходят из разряда лексики ограниченного употребления – это приводит к тому, что, прибегая к ним, герои не всегда понимают их смысл и

сферу употребления. Новые слова, относящиеся к общественно-политической терминологии революционной эпохи, настолько прочно вошли в сознание людей, что даже о любви герой говорит, как о чем-то официальном, легализованном: «Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме» (132).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ² *Пролетарий* как класс и отдельный человек наделяется особыми качествами, например, «*мелкий пролетарий*» (168), и эти качества присущи не только человеку, но и животным: «*Медведь – правильный пролетарский старик*» (172); «*Уте-ряв затем свое утомленно пролетарское лицо, медведь плюнул в лапу и снова приступил к труду молотобойца*» (159).
- ³ Ср. еще одну конструкцию, в которой прослеживается отголосок религиозного представления о «*высшей жизни*», но с мирскими, обыденными желаниями: «*и не мог никак добиться высшей довольной жизни*» (153).
- ⁴ Нужно отметить, что в современном русском языке слово «*мелочь*» может употребляться по отношению к людям низкого общественного или служебного положения, но имеет характеризующее значение, а не собирательное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б о д и н П. А. Загробное царство и Вавилонская башня: О повести Платонова «Котлован» // Классицизм и модернизм: Сб. ст. Тарту, 1994. С. 168–183.
2. Б о р о в о й Л. Язык писателя: А. Фадеев, Вс. Иванов, М. Пришвин, А. Платонов. М.: Сов. писатель, 1966. 220 с.
3. Б у й л о в В. В. Андрей Платонов и язык его эпохи // Русская словесность. 1997. № 3. С. 30–34.
4. М а т в е в а И. И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова // Русская речь. 2001. № 4. С. 12–17.
5. М и х е е в М. Ю. Жизни мышь беготня или тоска тщетности? (метафорические конструкции с родительным падежом) // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 47–70.
6. М и х е е в М. Ю. Портрет человека у Андрея Платонова // Логический анализ языка. Образ человека в языке. М.: Индик, 1999. С. 356–366.

Semenova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OCCASIONAL USE OF TERMS, BUREAUCRATESE, AND PHRASEOLOGICAL LOCUTIONS IN A. PLATONOV'S STORY "KOTLOVAN"

Transformation of the terms and stock phrases is one of the key features of Andrey Platonov's individual style. Unique characteristics of the reformed and new terms' use as well as bureaucratise and phraseological locutions' employment in Andrey Platonov's story "Kotlován" are analyzed. The abundance of bureaucratise and cliché stands out from the first lines of the text. The goal of the article is to retrace how new terminology, bureaucratise, and phraseological locutions influence peoples' perception of the world and become one of the veins of language transformation. The used terms, bureaucratise, and phraseological locutions change their conventional meaning and reflect the authors' philosophy, his personal worldview. Transformation of terminology, phraseology, and bureaucratise is inseparably connected with new reality developing with the coming of the new regime: new terms evolve from vocabulary of limited use, as a result, the story characters do not understand the terms' meaning and have limited knowledge about the areas of their possible use.

Key words: occasional syntagmatics, violation of compatibility, transformation of persistent conjunctions, individual style by A. Platonov

REFERENCES

1. B o d i n P. A. The region beyond the grave and the tower of Babel: On the story by Platonov "Kotlován" [Zagrobnoe tsarstvo i Vavilonskaya bashnya: O povesti Platonova "Kotlován"]. *Klassitsizm i modernizm* [Classicism and modernism]. Tartu, 1994. P. 168–183.
2. Б о р о в о й Л. *Yazyk pisatelya: A. Fadeev, Vs. Ivanov, M. Prishvin, Andrey Platonov* [The language of writer: A. Fadeev, Vs. Ivanov, M. Prishvin, A. Platonov]. Moscow, 1966. 220 p.
3. Б у й л о в В. В. Andrey Platonov and the language of his epoch [Andrey Platonov i yazyk ego epokhi]. *Russkaya slovesnost'* [Russian philology]. 1997. № 3. P. 30–34.
4. М а т в е в а И. И. The comic of language of personages by Andrey Platonov [Komizm yazyka personazhey Andrey Platonova]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2001. № 4. P. 12–17.
5. М и х е е в М. Ю. Mouse bustle of life or melancholy of futility? (metaphoric conjunctions with genitive) [Zhizni mysh'ya begotnya ili toska tshchetnosti? (metaforicheskie konstruksii s roditel'nyim padezhom)]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of linguistics]. 2000. № 2. P. 47–70.
6. М и х е е в М. Ю. The portrait of man by Anrey Platonov [Portret cheloveka u Andrey Platonova]. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v yazyke* [Logical analysis of the language. Character of man in the language]. Moscow, 1999. P. 356–366.

Поступила в редакцию 12.03.2014

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КОЛЕСНИКОВА

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт русской литературы РАН (Пушкинский
Дом) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ekolesn@mail.ru

ВОЕННЫЕ ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЕЙ: ЖАНРОВО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ставится задача определения различительных жанровых признаков военных дневников и записных книжек писателей периода Великой Отечественной войны. Для уточнения жанра исследуется метод сопоставления субъектно-объектных планов повествования, определяется наличие или отсутствие косвенного адресата. Рассматриваются особенности эстетизации текстов из дневников и записных книжек В. Закруткина, А. Твардовского, В. Гроссмана, А. Платонова. Отмечается, что дневники и записные книжки военного времени играли роль исторического свидетельства и даже использовались в доказательной базе военными судами. Не всегда возможно провести грань между жанрами дневников и записных книжек, но неоспоримо то, что подобная литература должна печататься полностью, без цензурных изъятий и купюр.

Ключевые слова: дневник, записная книжка, жанр, автор, адресат, В. Закруткин, В. Гроссман, А. Платонов, А. Твардовский

Военные дневники и творческие записки являются тематической разновидностью общего дневникового гипержанра. Отсутствие четкого, общепризнанного понятийного аппарата позволяет как исследователям, так и самим авторам достаточно широко трактовать его границы [7; 320]. Так, не выработано единого подхода к четкому разграничению дневников и записных книжек, дневников и воспоминаний. Некоторые исследователи готовы объединить дневники с записными книжками [5]. Основания для этого есть – тот и другой текст может быть «заготовкой» для будущих произведений. Однако если записные книжки – это именно рабочие записи, сделанные только для себя, то дневники можно рассматривать и как художественные произведения, предполагающие читателя. Не случайно дневники часто печатаются с заглавиями. Другое повествовательное различие между дневниками и записными книжками – дневники имеют дискретную структуру повествования, разделенную датами, которые служат главным метатекстовым признаком, то есть дата хронологически комментирует и объединяет все, что случилось в этот день. Записи при этом могут быть тематически и стилистически разнородными. Записные книжки могут не иметь дат, делаться в разное время с сохранением тематического единства повествования, имея в основе единый замысел.

В период Великой Отечественной войны жанровая граница между дневниками и записными книжками была размыта еще больше, чем в мирное время. Во многом это обуславливалось появившимся в самом начале войны запретом на ведение дневников. Надо заметить, что в германской армии, напротив, подобное творчество не только не запрещалось, но и поощрялось.

Исключительное право на ведение черновых записей в советской армии было дано лишь военным корреспондентам. Этим они часто пользовались, ведя регулярные записи, которые не всегда четко укладывались в рамки черновиков будущих газетных публикаций. А. Т. Твардовский, например, 10 февраля 1942 года пишет жене: «Захватил пару тетрадок, буду стараться вести деловые записи, а то много пропадает бесценного, что не идет в газете... Захватил и тетрадку с финскими набросками “поэмы”. Может, кое-что из того вновь оживет» [9; 66]. В дневниковых записях находим подтверждение заявленной повествовательной стратегии.

Военные дневники, в силу своей тематической целостности и сюжетной завершенности, зачастую публикуют вместе с письмами или же записными книжками. Например, в 2005 году вышла процитированная выше книга «“Я в свою ходил атаку...” Дневники. Письма. 1941–1945», где были опубликованы дневники А. Т. Твардовского вместе с рабочими тетрадями, воспоминаниями жены, перепиской с женой военного периода, личными документами (наградными удостоверениями и пр.), а также вступительной статьей его дочерей Валентины и Ольги, носящей мемуарный характер. Конечно, подобная эдиционная практика не специфична исключительно для военных дневников, применялась она и к изданию других дневников и воспоминаний. Например, в подобной форме были изданы совместные мемуары «Мы с тобой. Дневник любви» М. М. Пришвина и В. Д. Пришвиной (1996 г.) и «Дневник Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова и Е. С. Булгаковой (2005 г.). Приведенный пример совместного авторства расширяет жанровые признаки, в него уже не укладывается, например, данное М. Ю. Михеевым определение дневников как эго-жанра.

Несмотря на эклектичность использованных источников, книга Твардовского имеет очень цельный характер, обусловленный завершенностью описываемого события. Это один из жанровых признаков военного дневника. Если в обычных дневниках отсутствует единый авторский замысел, не известен момент завершения, поскольку не просматривается общая перспектива событий, то военные дневники связаны с главным событием, тематически обозначенным началом и окончанием войны.

Главным коммуникативным признаком дневникового повествования, по мнению исследователей (А. Зализняк, М. Михеев, А. Никандрова и др.), является совпадение фигур автора и адресата. Если автор обращается прежде всего к себе самому, как, например, В. Гроссман, то в тексте не встречается поясняющих записей для чужих глаз. Фамилии и события, известные самому писателю, употребляются без дополнительных сведений. Все это при публикации делает комментатор. Жанр дневника здесь наиболее «чист». Однако чаще в дневниках присутствует косвенный адресат. Степень наложения автора и косвенного адресата определяет его повествовательные особенности. В дневниковой записи В. Закруткина от 26 декабря 1941 года читаем: «...Сумерками был с Зеленковским (художником) в ССП на Социалистической 101. Сожгли бумаги» [4; 149]. Пояснение в скобках делается для так называемого косвенного адресата, поскольку сам автор прекрасно знает, кто такой Зеленковский. Это уже не совсем личный дневник: он подразумевает других читателей.

У Закруткина, готовящего дневник и для других, присутствует эстетическая конвенциональность. Целевая установка его как автора существует в активном ценностном контексте: заведующий кафедрой литературы Ростовского педагогического института и автор почти завершенной докторской диссертации о Льве Толстом чувствует себя обязанным писать с оглядкой на наследие русской словесности. В его сознании присутствует жанровая модель, и пишущий эксплицирует ее признаки. Видя русскую литературу как адресата, он, сам того не зная, продолжает традиции военных дневников периода Первой мировой войны, например дневника Ф. Степуна, особенностью которого является его обращенность к русской литературе – Достоевскому, Тургеневу, Л. Толстому. Для Закруткина дневник стал инструментом жизнестроительства. Придя с фронта, он не смог вернуться к прежней деятельности и прежнему образу жизни, осознав, что «война его сделала писателем». Отказавшись от городских удобств и преподавательской деятельности, он поселяется в глухой станице. Помимо писательства, сам строит дом, сажает сад, как депутат активно участвует в жизни односельчан.

Записи В. Гроссмана имеют высокую степень самоадресации, то есть несут в себе дневниковый жанровый признак. В то же время они явно ориентированы на будущее художественное произведение и его читателя, и, следовательно, в тексте, кроме автора, появляется повествователь, а жанр дневника сближается с жанром записной книжки. Например, эпизод «Всю ночь лежал мертвый летчик на прекрасном снежном холме – был большой мороз, и звезды светили очень ярко. А на рассвете холм стал совершенно розовый, и летчик лежал на розовом холме» [3; 162]. Эпизод без изменений перекочевал из дневника в роман «Жизнь и судьба», то есть факт был зафиксирован практически как окончательный эпизод, по типу записи в творческой записке. Многие заметки Гроссмана имеют столь же высокую степень эстетизации. «Вторая ночевка недалеко от хутора Михайловского. Красивая очень деревня, на опушке дубового леса, – Подывотье. Женщины затопили печь. Милая девочка с умными темными глазами принесла маленькую скамеечку, радушно усадила меня и сказала: “Вы на папкином месте сидите”. Печально тепло чужого очага» [2; 23]. Беллетристический потенциал подобных записей позволяет их прочитывать как готовые новеллы.

В военных записях как никогда много зарисовок экзистенциального характера, когда хроника боевых действий сочетается на равных с историей накопления человеческого опыта в уникальных обстоятельствах войны. Например, в записях А. Платонова читаем: «Нет более сложного явления во всей вселенной действительности, чем бой... Нигде нет ничего таинственнее, чем самый простой бой, то есть сражение насмерть больших групп людей, вооруженных огнем и машинами. Пусть будет цветок, организм живого существа, частичка вещества, Млечный путь – все это проще, это доступнее пониманию, чем бой двух батальонов. На земле и на небе нет большей тайны, чем битва» [6; 518–519].

У Гроссмана этот уникальный опыт передается как устоявшийся: «На рассвете лучше всего воевать, как на работу, утрецом, еще темненько, он бьет, а ты его видишь, все его точки видать, к селу подходим, уже светло становится» [2; 24]. Война как повседневность, как работа – традиционная черта русской батальной литературы.

В военных дневниках система отражения действительности существует в двух повествовательных пластах. Обыденная миметическая информативность сочетается с мифологической повествовательной стихией.

Примечательно, что изначально образ врага заведомо не персонифицировался, а представлялся как некое абстрактное зло, чуждое и противостоящее всей привычной картине мира. Например, в «Дневниках...» А. Твардовского в обыденный информативный поток встраивается фраза: «Злодей уже успел на нашей земле воз-

вести укрепления, вцепился в избы, поселки, города, и выбивать его придется живосилом» [9; 68], то есть враг наделяется обобщенной номинацией «злодей», который, подобно сказочному чудовищу, способен укрепляться, «вцепляться» в то, что дорого всем остальным, и побеждать которого предстоит не просто оружием, а неким «живосилом». Такой былинно-эпический наречный неологизм использует писатель для обозначения силы, способной одолеть неправильное положение вещей в сегодняшнем мире. О подобной же силе читаем во фронтовых записях Гроссмана (впоследствии они вошли в очерк под названием «Направление главного удара»): «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?» Эта цитата как анонимная запечатлена на одном из 100-метровых памятников мемориального комплекса Мамаев курган в Волгограде. За время оформления архитектурного комплекса, сооружаемого с 1959 по 1967 год, имя Гроссмана исчезло из литературного процесса, но эту цитату никто тронуть не посмел, настолько символично узнаваемой она стала.

Общепринято, что мифологические архетипы со свойственными им стилем и образностью характерны для любой пропагандистской продукции: идеологии, массовой культуры, плакатов, рекламы и пр. Образы идеолого-психологического характера широко используются для поднятия национально-патриотического духа в любой войне. Но, думается, проблема несколько глубже, чем просто наличие в военных дневниках речевых клише и образных штампов в духе господствующей идеологии и общепринятой военной этики. Дневник – это событие речи, порождение ментального состояния личности, находящейся в определенных условиях. Встает психологическая и социокультурная проблема: насколько сконструирован образ врага пропагандой и насколько он существует независимо от внешних факторов в сознании человека в дни войны, то есть является ли в основе своей образ врага идеологемой или же это психологический архетип.

Уже на материале дневников Первой мировой войны исследователи выделяют противоположные тенденции – мифологическое миропредставление с жестким разделением на своих и чужих, когда противник не имел человеческого лица, а был лишь абстрактным врагом, и попытку взглянуть на события войны как на всеобщее бедствие с общечеловеческой точки зрения.

В дневниковых записях Гроссмана видим установку показать войну вне мифологем. Так, в записях 1941 года читаем: «Кутузовский миф в стратегии 1812 года. Кровавое тело войны обряжают в белоснежные одежды идеологической, стратегической и художественной условностей. Миф первой и второй Отечественной войны» [1].

В его записках, изданных на английском языке в 2005 году, описаны расстрелы дезертиров, самострелы на фронте наряду с рассказами о героизме русских солдат. Одна из его последних записей, сделанных 9 мая, содержит такую зарисовку. В день капитуляции на скамейке в зоологическом саду раненый немецкий солдат обнимает девушку – сестру милосердия: «Они ни на кого не глядят. Мир для них не существует. Когда спустя час я прохожу снова мимо них, они сидят в той же позе. Мир не существует, они счастливы» [1]. Эти записи оставляют впечатление подлинной правды, в них отсутствуют элементы пропаганды. Точность зафиксированных событий имела большую общественно-историческую значимость, чем в мирное время.

Содержащиеся в дневниках факты становились основой для определения степени воинских заслуг героев либо вины военных преступников. Так, например, составленная В. Гроссманом и И. Эренбургем «Черная книга» цитировалась советскими обвинителями на Нюрнбергском процессе. Военный дневник В. Закруткина «Кавказские записки» впоследствии использовался Чрезвычайной государственной комиссией СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края [8].

Содержание дневников могло свидетельствовать и против собственной армии, как это стало с дневниками В. Гроссмана, запечатлевшими недостойное поведение некоторых советских воинов на территории Германии. Здесь проявляется еще одно видовое свойство дневников – оценочность. При этом в военных записях сталкиваются две сильные позиции: выражение патриотических убеждений и нравственного императива общечеловеческих ценностей [7; 324].

Военные записи Гроссмана, опубликованные в России, содержат купюры, относящиеся к периоду пребывания советских войск на территории Германии. Эти записи публикуются в полном виде за рубежом. Например, дневники Гроссмана были изданы в Англии в составе книги «Писатель на войне» в 2005 году [10], и комментарии к ним обретали порой спекулятивный характер. Известный военный историк Э. Бивор в комментариях говорит о двух миллионах изнасилованных немецких женщин. Тогда как, по данным исследователей из других стран, в том числе немецких, их число не могло превысить ста тысяч. Его комментарии отмечают большую тематическую свободу Гроссмана в дневниках, чем в сделанных потом на их основе газетных публикациях в «Красной звезде».

Думается, комментатор не учитывает, что газетная публицистика, личный дневник и художественное произведение – это жанры, имеющие разные задачи и содержащие различные функциональные стили речи. И трансформация деталей дневника в газетную статью несет сле-

ды не столько цензурной правки, сколько признаки конвенциональности с принятой во всем мире этикой военной журналистики.

Надо различать базисные и прикладные идеи в период войны. Какой бы философской системы не придерживалось государство и воюющие армии, в период войны они руководствуются древними наработками военной науки. А искусство побеждать всегда включало в себя не только физическую, но и пропагандистскую мощь. Этика любой воюющей армии запрещает говорить о собственных потерях и проблемах и о враге как о личности с конкретными чертами и характером. Думается, что дневник, сам по себе являясь оце-

ночным жанром, не должен при издании страдать от исследовательской оценочности.

Таким образом, рассмотренные особенности военных записей свидетельствуют о том, что в силу сложившихся цензурных условий жанр дневника не проявлялся в чистом виде, тогда как «творческие записки» были легитимны. Но зачастую жанровые особенности дневника проступали среди фронтовых записей, а то и просто их подменяли. С точки зрения структуры повествования, коммуникативных стратегий, способа отражения действительности это специфическая жанровая разновидность, которая нуждается в дальнейшей исследовательской разработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроссман В. Годы войны // Гроссман [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.ru/book/grossman_vasilii/godi_voyni.html/
2. Гроссман В. Записки о войне // Огонек. 1946. № 16–17. Апрель. С. 23–24.
3. Гроссман В. Из записных книжек // Вопросы литературы. 1987. № 6. С. 157–177.
4. Закруткин В. А. «Дорогами большой войны» // Дон. 1988. № 3. С. 149–155.
5. Михеев М. Дневник как эго-текст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 264 с.
6. Платонов А. Сын народа (Офицер Простых) // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 3. СПб.: Наука, 2004. С. 518–519.
7. Спиридонова И. А. «Записные книжки» в структуре военной прозы А. Платонова // Пушкинские чтения – 2007: Материалы XII междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения» (6–7 июня 2007 г.). СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 320–326.
8. Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: Дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2010. 215 с.
9. Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945 гг. М.: Вагриус, 2005. 400 с.
10. A Writer at War: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Edited by Antony Beevor and Luba Vinogradova. London: Harvill Press, 2005. 400 p.

Kolesnikova E. I., Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of RAS
(St. Petersburg, Russian Federation)

WRITERS' NOTEBOOKS AND MILITARY DIARIES: GENRE'S CHARACTERISTICS

The purpose of the article is to identify distinctive features of the genre inherent to military diaries and notebooks written during the Great Patriotic War. To determine the genre's essence a method comparing subject-object narrative plans is analyzed. The presence or absence of an indirect addressee is identified. Common features of the texts' aestheticization in the works of V. Zakrutkin, A. Twardowski, V. Grossman, and A. Platonov are studied. The article draws special attention to the role played by the publisher in popularization of the studied genre. It was pointed out that military diaries and notebooks written during wartime period were used as sources of historical evidence and sometimes even as evidences in military court hearings. The author comes to a conclusion that it is not always possible to distinguish the genre of military diaries from the genre of notebooks, but it is undeniable that this kind of literature should be made public without censorship.

Key words: diary, notebook, genre, author, addressee, Zakrutkin B., Grossman, Platonov, A. Twardowski

REFERENCES

1. Grossman V. Years of the War [Gody voyny]. *Grossman* [Grossman]. Available at: http://royallib.ru/book/grossman_vasilii/godi_voyni.html/
2. Grossman V. Notes about the War [Zapiski o voyne]. *Ogonek*. 1946. № 16–17. April. P. 23–24.
3. Grossman V. From notebooks [Iz zapisnykh knizhek]. *Voprosy literatury*. 1987. № 6. P. 157–177.
4. Zakrutkin V. A. Roads of big war [Dorogami bol'shoy voyny]. *Don*. 1988. № 3. P. 149–155.
5. Mikheev M. *Dnevnik kak ego-tekst* [Diary as ego tex]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. 264 p.
6. Platonov A. Son of the people (Officer Prostych) [Syn naroda (Ofitser Prostych)]. *Tvorchestvo Andreya Platonova. Issledovaniya i materialy* [Andrey Platonov's Creativity. Recherche and materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. P. 518–519.
7. Spiridonova I. A. "Notebooks" in the structure of A. Platonov's military prose ["Zapisnye knizhki" v structure voyennoy prozy A. Platonova]. *Pushkinskie chteniya – 2007: materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Pushkinskie chteniya" (6–7 iyunya 2007 g.)* [Puskin's reading – 2007. Materials of the XII international scientific conference "Puskin's reading" (on June 6 to 7, 2007.)]. St. Petersburg, 2007. P. 320–326.
8. Stepanenko S. G. *Deyatel'nost' Chrezvychaynoy gos. komissii po vyyavleniyu voennykh prestupleniy fashistskoy Germanii na territorii Krasnodarskogo kraya: Diss. ... kand. ist. nauk* [Activity of the Extraordinary State Commission on identification of the war crimes committed by the fascist Germany in the territory of Krasnodar region]. Maykop, 2010. 215 p.
9. Tvardovskiy A. T. *"Ya v svoyu khodil ataku"*. *Dnevnik. Pis'ma. 1941–1945 gg.* ["I had my own battles"]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 400 p.
10. A Writer at War: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / Edited by Antony Beevor and Luba Vinogradova. London: Harvill Press, 2005. 400 p.

Поступила в редакцию 03.03.2014

ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА СИМОНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
mouette37@yandex.ru

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИЧНЫЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Рассматриваются жанровые особенности французского личного романа, представленного в творчестве Ф. Р. де Шатобриана, Ж. де Сталь, Б. Констан, Ж. Санд, А. де Мюссе, Ш. Сент-Бева, О. де Бальзака. В поле исследовательского внимания оказывается вопрос о преемственности романа XIX века относительно традиций сентименталистской литературы. Прослеживается связь жанра с мировоззрением романтической эпохи, его повествовательные принципы, разбирается проблема автора и героя в личном романе. Особое внимание уделяется вопросу о связи личного романа с другими автобиографическими жанрами.

Ключевые слова: роман, герой, романтизм, автор, культура

Личный роман как феномен французской литературы обязан своим появлением ситуации исторического и культурного разрыва, произошедшего в период революции и наполеоновских войн. Человек дорого расплачивается за свою принадлежность современности с ее изменчивым, ускользающим ликом. Необратимые общественно-исторические процессы приводят к нарушению связи с прошлым, личность больше не находит опоры в традиции, уходит в прошлое все, на чем держалось привычное мировидение. Все составляет проблему – закон, политическая власть, вера. Новое время не спешит дать ответы на волнующие человека вопросы. По мнению П. Барбери, после революции люди были обречены на существование «в мире без ориентира, кризис которого глубоко переживается одновременно как реальный и конститутивный, но безвыходный» [6; 93]. И. Ваде в книге «Очарование литературы. Письмо и магия от Шатобриана до Рембо» в главе «Разрывы истории и чары письма» пишет о том, что в XIX веке наряду с социополитическими разрывами имел место «целый ряд разрывов эпистемологических, культурных и даже онтологических, переворачивающих за короткий период обычаи, верования, ментальные построения, которые пришли из глубины веков» [16; 91]. Очень точно ситуацию, в которой после Великой французской революции оказался человек, очертил Ж. Гюсдорф: «“Я” не должно было искать себя в воспоминании прошлого или в измышлении возможного, но в утверждении идентичности, способной противостоять времени и организовать его в соответствии со своей волей» [11; 273]. Революция открывает безграничные возможности для самоопределения и самоосуществления личности, которая, не имея больше мировоззренческой опоры, оказалась в ситуации абсолютной свободы.

В литературу приходит новый герой, переживающий внутренний надлом, одержимый беспокойством, болезненным ощущением отсутствия, нехватки, тоской по утраченному смыслу. Молодой герой наделяется ищущим сознанием. По мнению А. Вине, у Рене, Вертера, Обермана, Адольфа «нет ни веры, которая связывает с Богом, ни долга, который связывает с людьми» [17; 307–308]. Герой личного романа переживает неблагополучие мира, неразрешимость в индивидуальном бытии противоречий миропорядка. Словами Ж. Мерлана, «всякое глубокое размышление приводит к горю», поэтому личный роман «всегда заканчивается страданием, открывая горизонт безграничной грусти» [13; 13]. Важную роль играет настоящее, конкретный момент, когда происходит духовное становление героя. Однако это настоящее разомкнуто в вечность, перед лицом которой герой проверяет свою состоятельность.

Безусловно, можно говорить о связи героя личного романа со своим временем: герой становится «сыном века», в его драматической судьбе находит отражение «зло века» и т. д. Однако сущность романтического героя не сводится к конкретно-историческому времени и им не определяется. Проблема должна быть поставлена гораздо шире, укажем хотя бы на образ Гамлета как метафору мыслящего человека, потерявшего опору в традиционных ценностно-мировоззренческих ориентирах, переживающего «распад времен». В поиске знания человек вынужден искать опору в самом себе, все выводить из собственного опыта. В центре письма стоит «я», все исходит из единичного сознания и к нему возвращается. Словами Ж. Оффенберга, «после революционного перелома изменилась сама сущность письма – она стала биографической, эрудиция и традиционность уступают место опыту» [12; 35]. В конечном итоге, личный

роман – это внеисторичное слово, замкнутое на экзистенциальном состоянии пишущего «я». Оно укоренено в длительности человеческой жизни, предполагает видение единой судьбы (это можно проследить, сравнивая роман Шатобриана «Рене» и его «Замогильные мемуары»). Определяя личный роман, можно вспомнить слова М. Эйгельдингера, сказанные им об «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо: «Исторические события и политико-социальная картина ступают перед историей “я”, его души, его характера и его действий; внешнее подчиняется требованиям внутреннего, служит для выражения нравственной и духовной истины» [9; 35]. Историческое воспринимается авторами личного романа как навязываемая необходимость, от которой нужно уйти, которую нужно преодолеть. В распавшемся времени нельзя помыслить целостную историю себя самого и мира, становится важен час предстояния, где сходятся и развитие, и итог. Необходимо заглядывание в себя, разворачивание себя теперешнего, когда весь опыт сходит в одну-единственную точку, свидетельствующую о личностной состоятельности, но именно эта точка и стремится расширяться до вечности.

В романтизме находит отражение кризис религиозного сознания: традиционное христианство перестает быть достаточным онтологическим и аксиологическим основанием. И это не исключает, но, напротив, усиливает желание найти Бога. М. Брикс обоснованно говорит о возрождении святости в XIX веке: «После времени потрясений, спровоцированных Революцией 1789 года, которая верила в возможность упразднить всякую религиозную веру, Франция пробудилась в XIX веке с сильной жадой духовного» [7; 85]. Подобную мысль высказывает П. Ван Тигем, говоря о неопределенном стремлении романтических душ к «идеальному добру», что получает религиозное направление: «...один Бог может дать им точку опоры, которой у них нет, может дать им ответ на загадку жизни, мир и надежду» [15; 271]. Личный роман, который становится поиском Бога, достаточно ярко отражает эту тенденцию. Герой личного романа всегда старается осознать свою связь с Богом, за которым не перестает закрепляться представление об Абсолюте, высшей истине. В герое личного романа присутствует напряженное вопрошание живого духа, который в каждом конкретном моменте стремится узреть вечность.

Романтическое «я» настолько велико, что среди людей не находит равного себе участника диалога, поэтому особое значение имеет обнаружение Бога, перед лицом которого и в диалоге с которым «я» могло бы осознать себя как личность. Однако романтический век отходит от ортодоксального христианства, стремится преодолеть консерватизм традиционной религии, XIX век отличается повышенным интересом к мис-

тическим учениям, провокативно обнаруживает и атеистические тенденции. В поиске веры человек романтизма полагается только на себя, отсюда склонность переоценивать свои возможности в предельно напряженном духовном испытании. Смысл этой веры-отрицания, притяжения-противоборства может быть понят через библейский миф о борьбе Иакова с Богом. Это борьба, в которой через противостояние достигается сближение, или, точнее говоря, это противостояние и сближение одновременно. Бог в этом поединке дает возможность человеку испытать свои духовные силы, твердую настойчивость своего вопрошания об истине (Иаков просит благословить его). Иаков не может одолеть Бога не только потому, что Его нельзя победить, но и потому, что Бог в нем самом пребывает (в мифе на это указывает повреждение бедра – знак, который оставляет Бог в теле Иакова).

Путем поиска идут сами художники. Лишившись твердой опоры в историческом и культурном мире, они воспринимают литературу как последнее прибежище от потрясений, живут надеждой на то, что личная истина может восполнить отсутствие истины социальной и исторической. По наблюдению Ж. Старобинского, литература есть «свидетельница “внутреннего опыта”, силы воображения и чувства, неподвластных объективному знанию; она – та ограниченная область, где по праву господствует очевидность чувства и восприятия, “личная” истина» [5; 295]. И. Ваде указывает на происшедший в обществе процесс исключения всякого монархического и христианского таинства, что стало одной из причин наделения сакральным смыслом литературы [16; 294]. Место религии начинает занимать литература, пошатнувшаяся вера замещается «религией самого письма» [6; 94]. Сакральное значение приобретает сам акт письма, которое становится богоискательством. Литература должна была восстановить связь человека с Богом, став новой верой.

Человек оказался перед жизненно важной необходимостью самоопределения в ситуации отсутствия ориентиров. Отсюда – те бытийные проблемы, которые имеют место уже в творчестве Шатобриана, Констан, Сталь. Авторы передают главным героям романов свои взгляды, делая литературу отправной точкой в самопознании. Литература видится последней опорой и последней ценностью. Жизнь сосредоточивается на литературе, которая и становится настоящей жизнью. Судьба же, в свою очередь, пишется как неоконченный роман. Писательство становится испытанием возможностей художественного слова в отражении экзистенциального опыта, в его способности заменить этот опыт или, вернее, стать самим этим опытом.

Почему именно романтизмом был порожден и востребован жанр личного романа? Долгое

время это объясняли субъективизмом романтизма, а также вниманием к неординарной, исключительной личности, некоей «героичностью». В частности, это представлено в книге А. Карельского «От героя к человеку» [3; 244]. При таком подходе не принимаются во внимание мемуары, письма, дневники – те автобиографические жанры, которые имеют своей целью изображать именно специфически личное (лишенное героики). В подходе к романтизму необходимо несколько сместить акценты с особенностей изображения личности на характер поисков автором языка для передачи «я». Здесь-то и возникает проблема *личного письма* как саморефлексии и самоидентификации в слове, что предполагает бесконечное экспериментирование, незавершенный поиск самовыражения, становление пишущего «я» в слове.

Личный роман сохраняет связь с судьбой автора, имеет в виду авторское самоосознание посредством литературы, прочтение своей судьбы как текста. По признанию Шатобриана, сделанному им в «Гении христианства», «хорошо можно изобразить только собственное сердце, приписывая его другому, и лучшая часть гения состоит из воспоминаний» [8; 84]. В личном романе находит отражение новое понимание слова и новое отношение между литературой и жизнью. По мнению М. Мамардашвили, «роман, текст есть нечто такое, в лоне чего впервые рождается и автор этого текста как личность», где он «стал впервые действительным “я”, в том числе от чего освободился и прошел какой-то путь» [4; 158]. До книги знание о себе автору не дано.

Личный роман есть запечатление и определение экзистенциального знания. Это движение к самим основам бытия, которое становится бытием-в-слове. В слове является герою-автору таинство жизни и смерти, мгновение и вечность, в слове запечатлевается само пограничное состояние, а также переход от одного к другому. Первый пример такого постижения бытия-в-слове представлен в творчестве Руссо: «...Чтобы управлять употреблением моей жизни, я часто и подолгу старался узнать ее настоящий конец» [14; 159]. «Управлять употреблением»: Руссо дважды утверждает себя как деятеля. Здесь не имеется в виду социальная активность, речь идет об отказе от мира и возвращении к самому себе, познании жизни в ее конечности и возможности перехода в вечность. «Я» направляет свою активность на себя самого, мыслящее «я» должно овладеть собой же посредством слова и с помощью слова совершить переход в вечность.

Французские романтики следовали за Руссо, который ставит своей целью проникнуть в глубинные пласты «я», представить внутреннюю жизнь, осознанную и неосознанную, во всей сложности. На прямую связь «Исповеди» Руссо и личного романа указывает Д. Мортье, замечая,

что начиная с Руссо исповедальный жанр получил большое распространение (при этом литературная исповедь для него есть, прежде всего, форма, пригодная для того, чтобы объединить элементы вымысла, что делает ее литературной игрой) [10; 76]. По наблюдению М. Эйгельдингера, Руссо «стремится овладеть подлинностью своего “я”, становясь над индивидуальными противоречиями и преградами реальности... Он старается уловить сложность своего “я”, углубить и высветить духовную сущность своего существа... Настоящий замысел “Исповеди” – завоевание прозрачности внутреннего “я”» [9; 71–73]. В большей степени, чем «Исповедь», личный роман объясняют «Прогулки одинокого мечтателя». «Исповедь» как автобиография есть повествование о жизни, постепенно разворачивающейся в последовательном, поступательном развитии. «Прогулки» являются последним произведением Руссо, свидетельствующего о своей жизни на пороге смерти. Все повествование стянуто к одному событию, а именно – к осмыслению себя в слове. В отличие от автобиографии личный роман не обращен в прошлое, но является предприятием, событием настоящего. Настоящее в его полноте обретается в исповедальном слове.

Для понимания жанровой специфики личного романа важность представляет определение автора. Личный роман принципиально незавершенным, автор здесь равен герою, видит и знает не больше, чем герой. Можно сказать, что и тот, и другой выступают носителями «открытого и изнутри себя незавершенного единства жизненного события» [2; 96]. В личном романе не может быть большой дистанции между автором и героем. Согласно М. Бахтину, обладающий автобиографической природой герой романтизма, «усвоив завершающий рефлекс автора, его тотальную формирующую реакцию», «делает ее моментом самопереживания и преодолевает ее» [2; 101]. Получается, что автор и герой в романтизме едины как в рефлексии, так и в переживании. Эта предельная близость, срастание героя и автора, объясняет незавершенность героя: «...такой герой не завершим, он внутренне перерастает завершенную целостность как ограничение и противопоставляет ей какую-то внутреннюю тайну, не могущую быть выраженной» [2; 101]. Словами М. Бахтина, «я» героя в романтизме не перестает быть духом – «совокупностью всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от Я)» [2; 184]. Важным моментом является мысль М. Бахтина о смысловой бесконечности такого героя, который «все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самознанием» [2; 101]. Каждое последующее сочинение *личного письма*, будь то дневник, переписка,

автобиография или роман, выступает как потенциально возможное завершение, которое никогда не реализуется, составляя продолжающееся, принципиально незавершенное письмо.

Личный роман связан с проблемой письма, самовыражения в слове. В нем момент письма автора совпадает с моментом исповеди героя. Автор и герой личного романа тождественны в самом акте письма / говорения. В момент письма автор находится в поиске своей идентичности, стараясь обрести смысл бытия, который оказывается заключен в самом акте самовысказывания. Эмоциональное и духовное напряжение (дух преодолевает свою телесную ограниченность) проявляется как напряжение языковое, стилистическое. Автор, как и герой, пытается разобраться в себе, найти объяснение своим поступкам, оправдать себя, свое присутствие в мире. С помощью письма автор, как и герой, обретает свое единство, находя истинную человеческую истину и представляя ее на суд Богу. Перед читательской аудиторией автор может скрывать себя за «он» персонажа, перед Богом он себя раскрывает в «я». С этим связана установка на искренность повествования. Автор, нарратор и персонаж объединяются в едином голосе, обращенном к Богу как к читателю.

Свобода сознания устанавливается в утверждении неподсудности земному суду. Герой личного романа позволяет судить себя только себе самому и Богу. Им руководит желание быть самим собой, что побуждает отстаивать право на субъективность, независимо ни от чьего постороннего вмешательства. Об этом точно выразился Руссо: «Нужно быть всецело другими или всецело самим собой» [14; 52]. Герой, настаивая на личной правде, стремится освободиться от лицемерного слова общества. В личном романе слово героя о себе противопоставлено слову о нем «другого». Например, слово Рене противопоставлено слову Шактаса и отца Суэля («Рене» Шатобриана), слово Адольфа противопоставлено слову его отца («Адольф» Констан), слово Дельфины противопоставлено слову света («Дельфина» Сталь). Кроме того, для героя личного

романа действует закон «“я” в себе» и «“я” для себя». Он почти бессознательно чувствует опасность «потеряться» в «“я” для другого», понимая, что «другой» оценивает его по-своему, хочет видеть в нем иного, того, кем «я» для себя самого не является.

Личный роман можно соотнести с жанрами предшествующей литературы: именно в литературе XVIII века начинает закрепляться то «цельное знание о мире, воплотившееся в органичной художественной целостности, духовно значимое в развитии нации, социума, отдельных личностей» [1; 42]. На первый взгляд, личный роман близок роману-воспитания. Однако в последнем автору было известно, к чему должен прийти герой, что отвергнуть и как исправиться. Автору XIX века это уже неизвестно: автор придет к некоему знанию вместе с героем, когда его размышления организуются как сюжет романа, отольются в стройную композиционную связь. Исповедальное произведение передает экзистенциальную напряженность, чем и объясняется его обрывочность, эссеистичность, фрагментарность. В конечном итоге, оно есть лишь эпизод, выхваченный из жизни, незаконченной, длящейся. Сентименталистский роман предлагает готовые формулы: сюжетные ситуации, композиционные ходы, образную систему. Однако стремление писателей-романтиков сказать о себе последнюю правду расшатывает традиционный повествовательный дискурс, разрушает привычные каноны. Личный роман отражает то, как романтическая эстетика рождается в тесной взаимосвязи и одновременно отрицании риторической традиции. Писатели-романтики видели свою цель в том, чтобы присвоить посредством языка свое «я», утвердить в слове свою человеческую суть. Задача, которая стояла перед авторами личного романа, — через использование отработанных дискурсивных практик выразить уникальность «я». Они приближались к единственно возможной истинности «я» через преодоление отчуждающего слова и противоречий, возникающих на стыке двух культурных эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов Т. А. История литературоведения и проблемы изучения личности писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2012. № 6. С. 39–44.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. 307 с.
3. Карельский А. От героя к человеку. М.: Сов. писатель, 1990. 397 с.
4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 365 с.
5. Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2002. 599 с.
6. Barbéris P. Rêne de Chateaubriand. Un nouveau roman. P.: Librairie Larousse, 1973. 255 p.
7. Brix M. Les sources mystique de *Corinne*: la femme, l'amour et le sacré // Madame de Staël. Actes du colloque de la Sorbonne du 20 novembre 1999. P.: PU Paris-Sorbonne, 2000. P. 85–98.
8. Chateaubriand F.-R. de. Génie du Christianisme. P.: Firmin-Didot, 1865. 399 p.
9. Eigeltinger M. Jean-Jaques Rousseau. Univers mythique et cohérence. Neuchâtel: Baconniere, 1978. 324 p.
10. Les grands genres littéraires. Études recueillies et présentées par D. Mortier. P.: Champion, 2001. 176 p.
11. Gusdorf G. Auto-bio-graphie. P.: Jacob, 1991. 504 p.
12. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: L'Harmattan, 1998. 202 p.

13. Merlant J. Le roman personnel de Rousseau à Fromentin. P.: Hachette, 1905. 424 p.
14. Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Gallimard, 1972. 277 p.
15. Tieghem Van P. Le Romantisme dans la littérature européenne. P.: Machel, 1963. 298 p.
16. Vadé I. L'enchantement littéraire. Écriture et magie de Chateaubriand à Rimbeau. P.: Gallimard, 1990. 489 p.
17. Vinet A. Études sur la littérature française au XIX siècle. P.: Bridel, 1848. 462 p.

Simonova L. A., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

FRENCH PERSONAL NOVEL: GENRE PROBLEMS

The article examines characteristic genre features of the French personal novel represented in the works of R. F. de Chateaubriand, J. de Stael, B. Constant, George Sand, Alfred de Musset, Charles Sainte-Beuve, O. de Balzac. The issues of continuity of the XIXth century novel genre with traditions of sentimental literature are studied. The author of the article revealed correlations between characteristic features of the novel genre and the worldview of Romantic era. Narrative principles of the genre as well as the problem of the author and protagonists of the novel are described. Particular attention is paid to the ties and links of personal autobiographical novel genre with other genres.

Key words: the novel, the hero, romance, author, and culture

REFERENCES

1. Alpatova T. A. The history of literary criticism and the problems of analyzing writer's personality [Istoriya literaturovedeniya i problemy izucheniya lichnosti pisatelya]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaya filologiya"* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. "Russian philology"]. 2012. № 6. P. 39–44.
2. Bakhtin M. M. Author and hero in aesthetic activity [Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy: V 6 t. T. 1.* [Collection of Works: In 6 vol. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2003. 307 p.
3. Karel'skiy A. *Ot geroya k cheloveku* [From hero to human]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 397 p.
4. Mamardashvili M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 365 p.
5. Starobinskiy Zh. *Poeziya i znaniye. Istoriya literatury i kul'tury.* [Poetry and knowledge. History of literature and culture]. Vol. 2. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. 599 p.
6. Barbéris P. René de Chateaubriand. Un nouveau roman. P.: Librairie Larousse, 1973. 255 p.
7. Brix M. Les sources mystique de *Corinne*: la femme, l'amour et le sacré // Madame de Staël. Actes du colloque de la Sorbonne du 20 novembre 1999. P.: PU Paris-Sorbonne, 2000. P. 85–98.
8. Chateaubriand F.-R. de. Génie du Christianisme. P.: Firmin-Didot, 1865. 399 p.
9. Eigeldinger M. Jean-Jaques Rousseau. Univers mythique et cohérence. Neuchâtel: Baconniere, 1978. 324 p.
10. Les grands genres littéraires. Études recueillies et présentées par D. Mortier. P.: Champion, 2001. 176 p.
11. Gusdorf G. Auto-bio-graphie. P.: Jacob, 1991. 504 p.
12. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: L'Harmattan, 1998. 202 p.
13. Merlant J. Le roman personnel de Rousseau à Fromentin. P.: Hachette, 1905. 424 p.
14. Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Gallimard, 1972. 277 p.
15. Tieghem Van P. Le Romantisme dans la littérature européenne. P.: Machel, 1963. 298 p.
16. Vadé I. L'enchantement littéraire. Écriture et magie de Chateaubriand à Rimbeau. P.: Gallimard, 1990. 489 p.
17. Vinet A. Études sur la littérature française au XIX siècle. P.: Bridel, 1848. 462 p.

Поступила в редакцию 19.11.2013

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
romanovskaia.irina@gmail.com

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ШВЕЦИИ*

Рассматривается актуальная проблема рецепции творчества А. Платонова в Швеции. Объектом исследования стала антология «14 советских писателей», вышедшая в Швеции в 1929 году. Эта книга впервые познакомила шведских читателей с творчеством А. Платонова: в нее была включена повесть «Происхождение мастера» в переводе Й. Ривкина и Д. Брикка. Этот источник впервые вводится в научный оборот. Пристальное внимание уделено историко-литературной ситуации на рубеже 1920–1930-х годов в Советском Союзе и Швеции, раскрыто восприятие шведами советской литературы (А. Платонов, И. Бабель, В. Инбер, Вяч. Иванов и др.), обоснованы причины колоссального интереса к русской литературе данного периода, в том числе к прозе Платонова. Освещены вопросы состава, тематики и поэтики антологии «14 советских писателей», в частности места повести «Происхождение мастера» в проблемно-тематическом и композиционном оформлении сборника, проанализирован перевод названия повести на шведский язык и его адекватность.

Ключевые слова: повесть «Происхождение мастера» А. Платонова, рецепция, перевод на шведский язык, первая публикация

До сих пор считалось, что первые наиболее важные переводы на иностранные языки произведений А. Платонова были выполнены в конце 30-х годов XX века. Так, рассказ «Третий сын» был переведен на английский и французский языки в 1937 году¹. Изучение рецепции новейшей русской литературы в Швеции позволяет сдвинуть эту границу на десять лет.

Первое знакомство шведских читателей с А. Платоновым состоялось еще в 1929 году. Это была повесть «Происхождение мастера» («En mästares tillkomst»). Она была опубликована в первой антологии советской литературы – сборнике «14 советских писателей» («14 sovjetryska berättare»).

В начале XX века в Швеции можно было говорить о русском литературном буме: шведской читательской аудитории были доступны переводы произведений не только русской классической литературы, но и молодых советских писателей. Ощущение причастности к русской революционной истории и советской жизни притягательно для шведов и в XXI веке.

Антология «14 советских писателей» была издана в так называемой желтой серии («Gula serie») издательства Бонниер. В ней печатались новинки иностранной литературы: французской (М. Пруст), австрийской (Г. Брехт), немецкой (Г. Гессе) [10]. Сборник 1929 года был посвящен советской прозе. Авторами, подготовившими сборник, стали Й. Ривкин (J. Riwkin) и Д. Брикк (D. Brick) [10]. Произведения антологии принадлежали молодым талантливым советским писателям, которые находились в центре читательского внимания в Стране Советов и одновременно попали под прицел рапповской критики в условиях создания новой политической и идеологической системы. Их отличал свежий

взгляд на жизнь, разносторонний и богатый образный язык.

В антологию вошли «Нет пути назад» («Ingen återvändo») Г. Алексеева, «Гедали» («Gedalje»), «Письмо» («Ett brev») И. Бабеля, «Старый скорняк» («Den gamle buntmakaren») И. Эренбурга, рассказ «Майя» («Maja») В. Инбер, «Дитё» («Barnet») Вяч. Иванова, «В четыре часа ночи» («Klockan fyra på natten») А. Яковлева, «Про руку в окне» («Handen i fönstret») Л. Леонова, «Сын человека» («En människoson») В. Лидина, «Имение Белоконское» («Godset Belokonsk») Б. Пильняка, «Происхождение мастера» («En mästares tillkomst») А. Платонова, «Голубое платье» («Den blåa klänningen») П. Романова, «Агитвагон» («Agitationsvagnen») М. Шагинян, «Последний барин» («Den siste herren») М. Зощенко, «Чудо» («Undret») М. Волкова.

Переводы Й. Ривкина и Д. Брикк были настолько удачными, что спустя много лет шведский литературный критик Ф. Бёек (Fredrik Bööck) напишет: «...чрезвычайно разнообразная книга, в высшей мере заслуживает того, чтобы ее прочитали и популяризировали. Никто не пожалеет, что познакомился с ней. Ее можно изучать с разных точек зрения, и все они дают богатейший опыт» [8]. В библиотечном указателе за 1929 год, описывающем новинки художественной и научной литературы, представлен комментарий переводчицы Р. Ротштейн к антологии: «Данная книга содержит целый калейдоскоп описаний из Советских республик и дает полное представление о состоянии молодой России и менталитете граждан. Единственное, что можно сказать о выборе писателей и произведений, – возможно, было бы лучше, если бы вместо М. Шагинян была представлена Л. Сейфуллина и К. Федин вместо М. Волкова, но сейчас и так

изобилие молодых русских писателей и сложно найти того, кто будет по душе. В любом случае книга ценная и может быть рекомендована к прочтению» [7].

Закономерно, что А. Платонов вошел в число авторов, чья повесть была переведена на шведский язык и вошла в состав сборника «14 советских писателей» фактически сразу после ее публикации на родине. В конце 1920-х годов А. Платонов находился на пике своей популярности в советской литературе [4].

Для шведского перевода была отобрана повесть «Происхождение мастера», в тематическом отношении представляющая описание дореволюционной жизни русской провинции. Эта повесть имела две публикации на родине: в журнале «Красная Новь» и авторском сборнике «Происхождение мастера». Таким образом, название повести прозвучало как минимум трижды.

Начиная с 1930-х годов популярность А. Платонова резко снижается. Причиной полузабвения автора стали «репрессии» произведений Платонова: «Чевенгура», «Котлована» и др.

Повесть «Происхождение мастера», опубликованная в 1927 году как самостоятельное произведение, является частью социально-философского романа «Чевенгур», работа над которым продолжалась с 1926 по 1928 год, в сюжетном отношении она является прологом, где повествуется о детстве главного героя Дванова.

В тематическом отношении в «Происхождении мастера» заявлены и реализованы темы сиротства и бесприютности, смерти и конечности жизни, тщеты истории. «Нового человека соберись и сделай...» (418)², – говорит машинист-наставник в повести.

Согласно А. Н. Варламову, первоначально повесть имела название «Преходящие годы» [1]. По мнению Е. А. Яблокова, «наброском повести нужно считать план-проспект романа “Зреющая звезда”» [6; 22]. Символически расширенная и затемненная семантика итогового названия «Происхождение мастера» включает оба смысла. Название повести имеет проекцию на главного героя Александра Дванова, мастера Захара Павловича, а также «нарративного героя» вводного фрагмента текста – «человека» вообще [5; 543], «который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно» (375).

Шведский перевод названия повести («En mästares tillkomst») сохраняет социальную и философскую проблематику произведения. Семантически вариативное значение слова «мастер» может быть передано на шведский язык 5 способами: 1) «hantverkare» (ремесленник), «fackman» (специалист, эксперт), 2) «mästare» (мастер); 3) «förförman» (бригадир, мастер, начальник), «verkmästare» (мастер, например, на заводе, в мастерской); 4) «reparatör» (мастер по ремонту ч.-л.); 5) «idrottsmästare» (чемпион) [8]. Перевод-

чики отобрали лексему «mästare», которая имеет самый большой спектр смысловых вариаций.

Лексема «tillkomst» («происхождение») также не является единственной для передачи значения данного слова. Кроме «tillkomst» в словарном составе шведского языка есть лексемы «ursprung», «uppkomst» («возникновение»); «härkomst», «börd» (принадлежность по рождению); но только данная лексема «tillkomst» имеет более широкое семантическое поле и включает в свой состав значения: 1) происхождение, 2) становление; 3) создание; 4) рождение; 5) начало [9].

Использование семантически неоднозначных единиц языка позволило шведскому переводу сохранить заявленный в названии социально-философский смысл.

Герои повести негативно относятся к старой дореволюционной жизни, однако скептическое отношение распространяется и на новую революционную власть, «хоть они и большевики и великомученики своей идеи» (427).

Изображение Платоновым в повести «Происхождение мастера» новейшей истории, чреватой революцией, в «убогом виде, в раздробленности и без общего ясного смысла», где «человек, народ, время, природа, культура – все порознь» [2; 115], получило высокую оценку в Швеции.

Советская критика 1920–30-х годов упрекала Платонова «в апологетике нищеты и страдания, обвиняла его героев в пассивности и бесхребетности, в невежестве, косности и контрреволюционности» [2; 122]. В 1930 году Л. Левин поставил вопрос: «Каковы связи писателя с революционной эпохой, как он подходит к творческому воспроизведению революции и движущих ее людей?» [3]. Ответ на этот вопрос раскрывает драму отношений советских идеологов к Платонову и Платонова к «генеральной линии» и является ключевым в рассмотрении статуса автора в историко-литературном контексте того времени.

После перевода и публикации в 1929 году «Происхождения мастера» наступает долгая пауза и в Швеции. Немилость Сталина, волна критики, невозможность публиковать произведения в СССР привели к тому, что не только шведский читатель, но и советский успел позабыть автора.

Оттепель 1950–60-х годов возвращает имя А. Платонова в советскую литературу. В СССР начинают переиздавать его произведения 1920-х и 1940-х годов. За рубежом, в Париже, в 1970 году был издан роман «Чевенгур» (в СССР впервые опубликован только в 1988-м), и уже в 1973 году перевод «Чевенгура» был сделан в Швеции, правда, к шведскому читателю роман пришел под другим названием – «Дон Кихот в революции» («Don Quijote i revolutionen»). Шведский перевод, осуществленный переводчиком и журналистом С. Вальмарком, – фрагментарное изложение романа А. Платонова о безуспешной попытке строительства коммунизма в СССР.

В XXI веке в Швеции благодаря усилиям переводчицы К. Э. Линдстен (К. Ц. Lindsten) и издательства «Эрзатц» («Ersatz») активно издаются произведения Андрея Платонова: в 2007 году – «Котлован» («Grundgropen»), в 2008 году – «Счастливая Москва» («Lyckliga

Moskva»), в 2009 году – «Джан» («Djan»). В настоящее время К. Линдстен ведет работу над переводом полного текста романа «Чевенгур» («Tjevengur») и все чаще в Швеции говорится о подготовке собрания сочинений А. Платонова на шведском языке.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Опубликован в антологии рассказа на французском языке, затем – в журнале «Интернациональная литература» и переведен в американской антологии короткого рассказа [1].
- ² Платонов А. П. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Рассказы 1921–1934. Повести. М.: Худ. лит., 1978. С. 75–428. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варламов А. Н. Андрей Платонов (Жизнь замечательных людей) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/392294>
2. Васильев В. В. Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1990. 288 с.
3. Книги Андрея Платонова в критике 1927–1930 гг. Публикация Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6. М., 2004. С. 527–546.
4. Палиевский П. В. Движение русской литературы. М.: Плейда, 1998. 10 с.
5. Спиридонова И. А. Эпитет «ветхий» в художественном мире А. Платонова (на материале «Чевенгура» и военных рассказов) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 5. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 538–571.
6. Яблоков Е. А. На берегу неба: (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб: Дмитрий Буланин, 2001, 376 с.
7. Biblioteksbladet. Stockholm, 1930. 352 s. Available at: <http://runeberg.org/biblblad/1929/0366.html>
8. Biblioteksbladet. Stockholm, 1930. 352 s. Available at: <http://runeberg.org/biblblad/1930/0015.html>
9. Svenska Akademiens Ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/>
10. Svenskt översättarlexikon. Available at: http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Josef_Riwkin

Romanovskaya I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORY OF ANDREY PLATONOV'S FIRST PUBLICATION IN SWEDEN

The problem of perception of A. Platonov's works by Swedish readers is considered. The anthology "14 Soviet Writers", published in Sweden in 1929, was the subject of our research. This publication became the first acquaintance of the Swedish readers with the A. Platonov's works. The book included the story "Origin of the Master" in translation by Y. Rivkin and D. Brikk. This source is introduced into scientific circulation for the first time. Close attention is paid to the historical and literary situation in the Soviet Union and Sweden in 1920–1930. Perception of the Soviet literature (A. Platonov, I. Babel, V. Inber, V. Ivanova etc.) by the Swedes is revealed. The reasons of enormous interest to the Russian literature of this period, inclusive of Platonov's prose, are provided. The author identified the structure, the subject, and anthology of the "14 Soviet writers" poetics. The role that the story "Origins of the Master" plays in the problem-thematic composition of the novel is identified. Analysis of the title translation into Swedish is provided.

Key words: A. Platonov's story "Origin of the Master", perception, translation into Swedish, first publication

REFERENCES

1. Varlamov A. N. *Andrey Platonov (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey)* [Andrei Platonov (Lives of Remarkable People)]. Available at: <http://lib.rus.ec/b/392294>
2. Vasili'ev V. V. *Andrey Platonov. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Andrei Platonov. Life and creativity sketch]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 288 p.
3. Andrei Platonov's books in criticism. Publication of E. Antonova [Knigi Andrey Platonova v kritike 1927–1930 gg. Publikatsiya E. Antonovoy]. "Strana filosofov" *Andrey Platonova: Problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" by Andrei Platonov: The problem of creativity]. Issue 6. Moscow, 2004. P. 527–546.
4. Palievskiy P. V. *Dvizhenie russkoy literatury* [Movement of the Russian literature]. Moscow, Pleyada Publ., 1998. 10 p.
5. Spiridonova I. A. The epithet of "the decayed" in A. Platonov's artistic world (based on "Chevengur" and war-time short stories) [Epitet "vetkhiy" v khudozhestvennom mire A. Platonova (na materiale "Chevengura" i voennykh rasskazov)]. *Evangelskiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Issue 5. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008. P. 538–571.
6. Yablokov E. A. *Na beregu neba: (Roman Andrey Platonova "Chevengur")* [On the bank of the sky: (Novel of Andrei Platonov "Tchevengur")]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2001. 376 c.
7. Biblioteksbladet. Stockholm, 1930. 352 s. Available at: <http://runeberg.org/biblblad/1929/0366.html>
8. Biblioteksbladet. Stockholm, 1930. 352 s. Available at: <http://runeberg.org/biblblad/1930/0015.html>
9. Svenska Akademiens Ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/>
10. Svenskt översättarlexikon. Available at: http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Josef_Riwkin

Поступила в редакцию 18.03.2014

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА МАРТИШИНА

доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Российская Федерация)

*nmartishina@yandex.ru***ФЕМИНИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ:
ГРАНИЦЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Дана характеристика феминистской философии науки как развивающегося течения в современной эпистемологии. Выделены тематические направления исследований феминистской философии науки в социально-философском, методологическом и гносеологическом аспектах. Обоснована оценка феминистской философии науки как актуальной исследовательской программы в рамках социальной эпистемологии.

Ключевые слова: феминизм, философия науки, социальная эпистемология, социальные основания научного познания

Феминистская философия науки – философское течение, относительно недавно заявившее о себе как о самостоятельном направлении среди многообразных разработок в составе современного науковедения. Вопросы о месте, которое данное течение займет в общем спектре способов философской рефлексии над наукой, о возможностях и границах его исследовательской программы для отечественной философии пока остаются открытыми. Между тем это одно из самых интенсивно развивающихся направлений в сегодняшней философии науки, и в силу этого оно требует методологического осмысления.

Представляется, что вхождение феминистской философии науки в концептуальное поле российского науковедения сталкивается с одним дополнительным затруднением, характерным для распространения феминистской позиции в целом. Основанием и развертывания, и представления этого течения является определенная идеология, очень активная, зачастую навязчиво пропагандируемая и по определению спорная. В российском обществе в силу понятных причин она изначально вызывает достаточно высокий уровень неприятия, причем не только из-за способа трансляции, но и по существу. Проблема в том, что за этой идеологией иногда сложно разглядеть теоретическое содержание концепции, в случае феминистской философии науки отнюдь не примитивное и достаточно интересное. В данной статье мы постараемся представить рассматриваемое философское направление как раз за пределами «первого слоя» его идеологической презентации, в более широком плане – как теоретическую концепцию, имеющую ряд направлений разработки, и предложить его первичную методологическую оценку.

Наиболее известна и популярна историко-научная и социально-философская составляющая тематического пространства феминистской философии науки. По мнению Э. Поттер, вы-

сказанному в обзорной работе, феминистский подход в философии науки призван изучать, во-первых, социальные причины подчиненного положения женщин, выявляемые наукой; во-вторых, вклад науки в женское неравенство; в-третьих, вклад философии науки в обоснование этого неравенства, и лишь в-четвертых – более глубокий слой концептуальных оснований, обеспечивающих первые три позиции [12; 3]. Социально-критическая тематика феминистской философии науки включает активный поиск случаев успешного женского участия в развитии науки в истории и современном мире с обязательным выявлением и преданием гласности ситуаций недооценки этого участия. Основным периодом, на который направлены исторические исследования феминистской философии науки (учитывая, что женские фигуры Античности уже достаточно известны), выступает наука Нового времени, вклад в развитие которой женщин, работавших в качестве сотрудниц вместе с отцами, братьями, мужьями и остававшихся в тени славы последних, по мнению феминистских авторов, еще подлежит выявлению.

Представляется возможным выделить ряд ключевых для социального направления феминистской философии науки тематик. Прежде всего, логика подхода требует объяснения очевидной неравнозначности вклада мужчин и женщин в познание, несмотря на все возможные исторические корректировки. Феминистская философия науки постоянно возобновляет такие объяснения, концентрируясь прежде всего на проблеме доступности образования для женщин в разные эпохи, вплоть до XX века, а также указывая на сохраняющуюся традицию профессионального выбора в соответствии с социальными ожиданиями и соответствующую профилизацию уже на уровне среднего образования. Далее, представители феминистской философии науки рассматривают и оценивают – теоретиче-

ски и практически – неявные способы дискриминации женщин в научной работе. Например, М. Росситер [13] выделила в качестве таковых специализацию женщин в научных коллективах на вспомогательных видах деятельности (вычисление, каталогизация, ведение документации и т. п.) и недооценку женского участия в коллективных разработках – взаимосвязанные феномены, поскольку женское участие в результате принятого разделения обязанностей действительно становится менее значимым. В. Мор [7] указала на скрытое отношение к женщинам как «второму полу» на всех ступенях академической подготовки: преподаватели реже работают с ними индивидуально и реже предлагают им поисковые работы, они реже (в процентном отношении) получают гранты, чаще при трудоустройстве подвергаются расспросам относительно личной жизни и т. д. Именно с позиций феминистского подхода были описаны «феномен стеклянного потолка» (невозможность для человека с определенными характеристиками занять желаемую позицию при внешней ее доступности), «феномен перевернутой пирамиды» (обратное соотношение между престижностью социального уровня и представленностью на нем женщин), «символическая десеграция» (формальный допуск без обеспечения реального включения) и т. д.

Кроме того, феминистская философия науки выявляет научные исследования, которые выступают (или могут быть интерпретированы) как «сексистские», и дает им соответствующую оценку. На практике к «сексистским» относятся все исследования, так или иначе направленные на установление изначальных, природных различий между мужским и женским интеллектом, способностями и т. д. В частности, активной критике с позиций феминизма подвергалась гипотеза М. Лайона: он использовал соображение о том, что, поскольку мужская клетка обладает X- и Y-хромосомами, а женская – двумя X-хромосомами, экстремальное проявление любого гена у женщин менее вероятно, для объяснения того, почему при равенстве средних значений разброс показателей уровня интеллекта у мужчин выше (соответственно самыми одаренными являются все-таки мужчины). Феминистская платформа инспирировала проведение независимых исследований, обнаруживших минимальные гендерные различия по четырем группам способностей (вербальные, математические, пространственное мышление и воображение), и интерпретировала эти исследования всегда как свидетельство того, что гендерные различия намного уступают в своей выраженности индивидуальным.

Таким образом, социальная проблематика феминистской философии науки вполне ожидаемо центрирована тематикой гендерного рав-

ноправия (хотя, обратим внимание, не является чистой идеологией, а включает в себя достаточно развернутые теоретические разработки). Но социальная проблематика далеко не исчерпывает тематическое пространство феминистской философии науки.

Непосредственным продолжением критической линии является феминистское обоснование необходимости женского присутствия в науке, что переводит рассмотрение в методологический план исследования гендерных особенностей стиля познавательной деятельности. Мужской стиль в данном контексте описывается как проявление общей маскулинной стратегии, связанной с установлением доминантных отношений. Из этого вытекают субъект-объектная парадигма взаимодействия с изучаемым материалом (стремление подчинить природу и вырвать у нее ответ), использование активных методов исследования, что на уровне взаимодействия в научном коллективе дополняется стремлением к утверждению собственной позиции. Соответственно женский стиль предполагает ориентацию на субъект-субъектное взаимодействие (стремление «позволить материалу говорить с тобой»), приоритет берегающих (неразрушающих) методов, а с точки зрения отношений в исследовательском коллективе – готовность учитывать различные точки зрения, стремиться к их гармоничному сочетанию, признавать чужие достижения и искать компромисс. Адекватность этой позиции будет оценена выше, если мы вспомним, что с точки зрения гендерного подхода маскулинность и феминность (и соответственно мужской и женский стили) не вытекают автоматически из биологической принадлежности к определенному полу, а являются результатом личностного формирования. Таким образом, «мужской» и «женский» стили поведения в науке, описанные в феминистской философии науки, могут с ее точки зрения демонстрироваться как мужчинами, так и женщинами (хотя следует отметить часто прорывающуюся у феминистских авторов убежденность в том, что по-настоящему женским стилем могут обладать только женщины). «Хорошая наука требует демократичных познавательных процедур» [12; 141].

Таким образом, в методологическом направлении феминистской философии науки можно отметить один не вполне тривиальный момент. Ориентируясь на современную науку и соответственно рассматривая научную деятельность как форму коллективного труда, феминистские авторы позиционируют в качестве неотъемлемой части методологии стратегию внутригруппового взаимодействия, позицию в коммуникации каждого члена группы. При этом речь идет не только о социально-психологических аспектах общения, но и о принципах построения отношений в системе индивид – знание – коллективный

субъект познания. Представляется, что в связи с коллективным характером современной науки эта тема в ближайшей перспективе займет свое место в методологических разработках науковедческой проблематики.

Кроме того, в феминистской философии науки происходит характерное расширение методологической тематики еще в одном направлении. Э. Келлер отметила, что для традиционной эпистемологии было типичным выносить за пределы науки то, что принято относить к проявлениям женского начала (например, чувства или субъективный взгляд), и, напротив, объявлять женским то, чему в науке не находится места; соответственно методологическая задача состоит в возвращении в поле науки и науковедения объявленных «женскими» феноменов [4; 205]. Темы, возникающие в связи с этим в феминистской философии науки последних десятилетий, могут быть обозначены как «реабилитация ценностей», «реабилитация эмоций» и «реабилитация субъективной точки зрения».

Классическая гносеология чаще всего выводила ценности за пределы научного познания. По формулировке М. Вебера: «Там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов» [1; 723]. Соответствующее отношение ценностного взгляда к женскому способу понимания мира, в противоположность объективному мужскому взгляду, о чем говорила Э. Келлер, также присутствовало в этой парадигме. Неклассическая эпистемология склонялась к включению ценностей в контекст познания, оценивая их влияние чаще всего амбивалентно. Феминистская философия науки направленно тематизирует проблему соотношения научного взгляда и ценностного мышления, и ее позиция в данном вопросе может быть выражена в следующих тезисах:

– Познание, свободное от ценностей, невозможно, поскольку любое познание отбирает значимые факты, отделяя их от незначимых, а такое разделение задается ценностями. Данное определение полностью подходит к научному познанию, поскольку наука существует по большей части для того, чтобы служить человеческим интересам. Даже если научное исследование не инспирировано непосредственно социальным заказом, почти всегда в его основе лежит глубинная убежденность в ценности определенных вещей (например, в основе медицинских исследований – ценность здоровья и необходимость борьбы с болезнями).

– Ценности не обязательно вступают в противоречие с объективным подходом; в реальных научных исследованиях они переплетены. Например, в биологических классификациях микроорганизмов ценностно окрашенное разделение на патогенные и непатогенные формы

используется вместе с анализом их морфологических признаков. «Ко-оперативная модель обоснования теории», предложенная Э. Андерсон [10], утверждает, что ценности задают стандарты значимости и адекватности теории, а опытная проверка определяет, соответствует ли знание этим стандартам.

– Ценности не являются автоматическим препятствием к достижению истины, а напротив, могут способствовать ее достижению: а) в контексте открытия; б) в контексте обоснования, например, важности объекта исследования; в) в контексте использования результатов познания; г) в выборе способов практической деятельности.

– Ценности, как и факты, могут подвергаться проверке и корректироваться опытом (например, человек, стремящийся к политической карьере, может на собственном опыте разочароваться в грязных политических технологиях).

Точка зрения феминистской философии науки на ценности парадоксальным образом близка к марксистской оценке идеологии: любое познание ангажировано ею, но идеология восходящего класса, более заинтересованного в преодолении односторонности существующей картины мира, обеспечивает адекватное познание. С точки зрения феминистской философии науки восходящим классом в науке являются, конечно, женщины, чья позиция «внутренних аутсайдеров» позволяет добавить к односторонности сложившихся в «мужской науке» стереотипов «свежий взгляд» (см.: [11]).

Похожую трансформацию претерпевает и поднятая в феминистской философии науки тема эмоционального познания. Отправной точкой ее разработки является тезис о том, что эмоциональное отношение к предмету исследования не обязательно несовместимо с научным подходом. Прежде всего, эмоции не противоположны разуму, поскольку мы можем осознавать свои эмоции (в частности, вербально их обозначая). Эмоции осваиваются в культуре, в том числе посредством научения (например, детей учат бояться незнакомцев или любить купание), и формируются ею (например, романтическая любовь была социокультурным конструктом определенной эпохи). Эмоции имеют «эпистемный потенциал» [3; 174]: например, успешному осуществлению полевого исследования Дж. Гудолл немало способствовала любовь к животным – без этого трудно представить, как ученый проводит день за днем, в течение нескольких месяцев, в непосредственной близости от стада шимпанзе; и для биологии это скорее правило, чем исключение. Некоторые феминистские авторы выдвигают даже предположение, что сама наука – это выражение определенных типичных эмоций: стремления чувствовать себя в мире как в освоенном, знакомом месте, тяги к упоря-

доченности, гипертрофированной конкурентности [3; 166–167]. При всей спорности подобной позиции заметим, что в данном случае они не одиноки: подобную позицию в русской философии обосновывал, в частности, И. И. Лапшин [5], рассматривавший в качестве движущих сил научного открытия любопытство, коллекционерскую наклонность, самозащиту, архитектурно-наклонность и т. п.

Наконец, стремление к выработке методологии, обеспечивающей учет различных аспектов предмета исследования, привело феминистскую философию науки к теме обоснования познавательной ценности субъективного опыта – в форме персонального свидетельства – в науке. Конечно, личные истории должны определенным образом обрабатываться, но часто они являются единственным способом видеть стороны проблемы, не запрограммированные первоначальной исследовательской установкой. Как показала Андерсон в методологическом разборе истории исследования разводов группой Стюарта, только обращение к персональным свидетельствам позволило обнаружить такие неявные последствия разводов, как шаги сторон к получению дополнительного образования и другие попытки личностного роста: в первоначальную установку «Развод – негативная форма развития семейных отношений» это предположение не входило.

Таким образом, методологическое направление феминистской философии науки разрабатывает интересное расширение тематического пространства методологии. Очевидным образом основываясь на концепции познания как деятельности, она считает необходимым рассматривать человека, совершающего эту деятельность, не только как носителя разума, а во всей полноте качеств, составляющих его сущность, полагая, что все они включаются в познание. Важнейший для философской антропологии тезис М. Шелера: «Сущность человека и то, что можно назвать его особым положением, возвышается над тем, что называют интеллект... Мы хотели бы употребить для обозначения этого X более широкое по смыслу слово, слово, которое заключает в себе и понятие разума, но наряду с мышлением в идеях охватывает и определенный род созерцания... далее определенный класс эмоциональных и волевых актов, например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т. д., – слово дух» [9; 52] – в данном случае получает фундаментальное эпистемологическое значение: в познании человек действует на основе *духа*. На наш взгляд, феминистская философия науки в данном тематическом срезе может рассматриваться как перспективный вариант синтеза философии науки и философской антропологии, отнюдь не сводимый лишь к выявлению гендерного аспекта познания.

И наконец, в гносеологическом поле, обусловленном данной методологией, также выделяется достаточно разработанное тематическое направление феминистской философии науки.

Базовой идеей течения можно считать идею предпосылочности научного познания, включая теоретическую нагруженность опыта. Изначально в основе этого принципа лежал поиск гендерных оснований в конкретных научных исследованиях – прежде всего проявлений скрытого андроцентризма в работах, посвященных изучению гамет, микроорганизмов или, например, отношений в обезьяньем стаде. Но достаточно быстро произошел переход к более общему тезису об обязательности и значимости в контексте познания исходных установлений любого рода.

С точки зрения феминистской философии науки субъект познания – всегда человек во всей полноте своего бытия. Он телесен, имеет пол, расу, класс, историческую и культурную принадлежность – и определенную степень самодентификации во всех этих отношениях. Социальная структура включает гендерную, расовую, этническую и другие дифференциации; при этом она иерархична, то есть социальные группы являются доминантными, подчиненными, маргинальными и др. Каждая группа имеет характерные, вытекающие из ее социальной позиции дискурсивные рамки, концептуальные схемы, эпистемы, через которые рассматриваются природа и социальные отношения. Личность программируется, во многом неявно, опытом и установками, транслируемыми в группах, и существует на перекрестке своей принадлежности к различным группам. И проявления того, что познание осуществляет не анонимный гомогенный субъект, а «автор с отчетливо выраженной социальной идентичностью» [8; 220] (скажем, афроамериканка из среднего класса), возникают на всех этапах научного познания, от локализации предмета исследования до выводов из полученного материала.

Для разработки этой темы в феминистской философии науки введен очень интересный термин *standpoint*. Его автор, С. Хардинг, определила данное понятие как «объективную позицию в социальных отношениях, выраженную через определенную теорию или дискурс» [11; 150]. *Standpoint* – это точка зрения (*viewpoint*) с позиции, определенной социальным положением. Выявление *standpoints* в конкретно научных исследованиях является одной из ведущих программ феминистских *case studies* (правда, не всегда свободных от педальирования преимуществ именно женских *standpoints*).

Кроме соотнесения знания с социальными макрогруппами, феминистская философия науки исследует его связь с более локальными группами – научными сообществами. Она поддерживает представление о знании как социаль-

ном и коммуникативном (а не индивидуальном) феномене, указывая, в частности, что результат, полученный отдельным ученым, становится знанием в момент его восприятия научным сообществом. На ключевой вопрос гносеологии «Кто знает?» правильным ответом будет «Мы знаем» [12; 48]: для существования знания в качестве такового необходима intersubjective передача и поддержка. Это вполне согласуется с идеей взаимосвязи знания с природой человека, поскольку природа человека предполагает вхождение в сообщество; с другой стороны, она не противоречит идее объективности знания, поскольку принятие или непринятие сообществом знания происходит на основе сопоставления с объектом. Здесь также можно выделить термин, удачно центрирующий данную тематику, – это введенное Х. Лонгино понятие *conformation*. *Conformation* – это знание, которое согласуется с опытом и является предметом согласия научного сообщества (что рассматривается как два взаимосвязанных и дополняющих друг друга процесса). Опять-таки предметом феминистских *case studies* довольно часто становится исследование соотношения объективного и конвенционального компонентов в локальных разработках, но ими сделано и достаточно много выводов о характере некоторых предметных областей в целом. Так, вполне обоснованно утверждение, что газовые законы, содержащие сильные идеализации, или – пример несколько иного рода – географические карты отражают объективную реальность, но истинны еще и потому, что научное сообщество умеет корректно работать с данным способом отображения. Тезис «Научное знание производится научными сообществами, а не изолированными индивидами» [12; 127] получает в таких исследованиях конкретную содержательную проработку.

Феминистская философия традиционно проявляла большое внимание к языку, считая форму выражения мысли той средой, в которой прежде всего обнаруживают себя неявные социальные установки и предубеждения. Гносеологическое направление в феминистской философии науки также акцентирует связь знания и языка, устанавливая проявления описанных феноменов – *standpoints* и *conformations* – часто именно посредством лингвистического анализа. Тема языка науки, таким образом, занимает свое место в ее круге исследований.

В целом гносеологическое направление в феминистской философии науки может быть оценено как актуальный вариант одной из наи-

более эффективных в настоящее время исследовательских программ – социальной эпистемологии. Все основные идеи социальной эпистемологии – представление о знании как объекте конструирования (в дополнение к отражению), утверждение о социокультурных основаниях такого конструирования, об обязательной достройке эмпирических данных на основе определенных концептуальных предпосылок, а также когнитивных и некогнитивных ценностей, принятие вариативности знания как следствия его несводимости к эмпирическому базису, трактовка индивидуального как, с одной стороны, детерминированного социальным, а с другой – всегда более разнообразного и богатого по сравнению с общим и построение образа познающего субъекта на данной основе – высказаны в теоретических построениях и эмпирических исследованиях на основе феминистской концепции (о связи социальной эпистемологии и феминистской философии науки подробнее см. [6]). Возможно, феминистская эпистемология не выдвинула принципиально новых положений по сравнению с общей программой социальной эпистемологии, но она провела качественное развертывание этих идей и активно работает с фактическим материалом, на основе которого данные положения могут быть подтверждены. При этом ее рефлексия обращена на новые, актуальные научные разработки, а также на исследование в таких научных областях, как биология, медицина, социология, археология, этнография (в противоположность традиционной физикалистской ориентации философии науки).

На наш взгляд, это и есть перспективная линия в развитии философии науки сегодня. Когда определенная исследовательская программа сформулирована, для ее разработки требуется поиск нового эмпирического материала, который позволил бы и верифицировать ее, и двигаться на ее основе дальше. В более общем плане мы уверены, что следующий существенный шаг в развитии философии науки возможен только при условии обогащения ее антропологическим содержанием, «выведения из тени главного участника познавательного процесса – человека, причем не в его абстрактно-логических, но вполне реальных, живых характеристиках» [2; 33]. Феминистская философия науки интересна в этом плане не только как способ обнаружить один из аспектов бытия человека в науке – его гендерную размерность, но и как более широкий опыт попытки реализации именно такого взгляда на научное познание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Волков А. В. Человеческое измерение научного познания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 276 с.
3. Джэггер Э. Любовь и знание: эмоции в феминистской эпистемологии // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 152–179.

4. Келлер Э. Ф. Феминизм и наука // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 200–213.
5. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
6. Мартишина Н. И. Феминистская философия науки: к оценке теоретического статуса // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 24. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. С. 98–107.
7. Мор В. Женщины в науке // Женщины в науке: Наукovedение за рубежом. М.: ИНИОН, 1989. С. 49–65.
8. Хардинг С. Доказательная стратегия феминизма // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М.: Росспэн, 2005. С. 215–231.
9. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
10. Anderson E. Knowledge, human interests and objectivity in feminist epistemology // Philosophical Topics: The journal of the University of Arkansas. 1995. № 23 (2). P. 27–58.
11. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 240 p.
12. Potter E. Feminism and Philosophy of science: An Introduction. London and New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. 192 p.
13. Rossiter M. Women scientists in Amerika: Struggles and Strategies to 1940. Baltimor: John Hopkins University Press, 1982. 412 p.

Martishina N. I., Siberian Transport University (Novosibirsk, Russian Federation)

FEMINIST PHILOSOPHY OF SCIENCE: BORDERS OF THEMATIC SPACE

The paper provides characteristics of the feminist philosophy of science, which is one of the trends in contemporary epistemology. The author describes the thematic space of the feminist philosophy of science (the main area of the research) and divides it into the social, methodological, and epistemological spheres. A conclusion that the feminist philosophy of science is an actual version of the social epistemology is substantiated.

Key words: feminism, philosophy of science, social epistemology, social background of scientific knowledge

REFERENCES

1. Weber M. Wissenschaft als Beruf // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1952. S. 572–597.
2. Volkov A. V. *Chelovecheskoe izmerenie nauchnogo poznaniya* [Human aspect of scientific knowledge]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2012. 276 p.
3. Jaggard A. M. Love and Knowledge: Emotions in Feminist Epistemology // Inquiry: An Interdisciplinary journal of Philosophy. 1989. June.
4. Keller E. F. Feminism and science // Journal of Women in Culture and Society. 1987. Vol. 2. № 3. P. 489–502.
5. Lapshin I. I. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii* [Philosophy of invention and invention in the philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 399 p.
6. Martishina N. I. Feminist philosophy of science: evaluation of theoretical status [Feministskaya filosofiya nauki: k otsenke teoreticheskogo statusa]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya* [Bulletin of Siberian Transport University]. Issue 24. Novosibirsk, SGUPS Publ., 2010. P. 98–107.
7. Mor V. Women in Science [Zhenshchiny v nauke] // *Zhenshchiny v nauke: Naukovedenie za rubezhom* [Women in Science: Studies of Science abroad]. Moscow, INION Publ., 1989. P. 49–65.
8. Harding S. Feminism and Methodology: Social Science Issues. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. 240 p.
9. Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. München, 1928.
10. Anderson E. Knowledge, human interests and objectivity in feminist epistemology // Philosophical Topics: The journal of the University of Arkansas. 1995. № 23 (2). P. 27–58.
11. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 240 p.
12. Potter E. Feminism and Philosophy of science: An Introduction. London and New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2006. 192 p.
13. Rossiter M. Women scientists in Amerika: Struggles and Strategies to 1940. Baltimor: John Hopkins University Press, 1982. 416 p.

Поступила в редакцию 10.02.2014

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГРЯКАЛОВ

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники философского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
korsbai@mail.ru

ШАБЛОНЫ И ВАРИАЦИИ (К ФИЛОГЕНИИ СОЗНАНИЯ)

Анализируется возникновение человеческих «экслюзивов» (как морфологических, так и экзистенциальных). Проясняется понятие «человек-убиквист», то есть существо, приспособленное к расселению в различных биотопах, рассматривается принципиальная пластичность человеческого тела как основание творческого люфта. Высшие животные одновременно с подъемом своего психизма стали пленниками орудий бега и добычи, в которые превратились их члены. Чем специализированнее орган, тем более замкнуто дополнительное к нему «окружение». Благодаря отказу от предзаданности становятся возможными инновации, которые никогда прежде не встречались. Парадигматикой исследования является отношение шаблон/вариация в поведении человека и животного.

Ключевые слова: филогенез, антропология, этология, рефлекс, ауторитмия, пластичность тела, трансгрессия шаблона

Психофизиологическое описание сознания редуцирует его к сугубо биологическим закономерностям: есть, во-первых, внешний стимул и, во-вторых, психическая приспособительная реакция. Правомерность этого хода, задающего переживание через инородные ему термины, сама по себе проблематична: с одной стороны – собака, реагирующая отделением желудочного сока на звонок; с другой – человек, реагирующий определенным образом на слово «обед». Смысл в том, что для животного нет разницы между реальным и идеальным – семиотически удержанной «формой и сущностью»; оно реагирует на смысл, как на вещь: крик предостережения у бабуина не указывает на приближение леопарда – он и есть леопард. В свое время Ж. Пиаже вполне корректно указывал, что возможно мыслить усложнение рефлекторных приспособительных структур вообще без апелляции к такому странному «довеску», как психика. Животное «работает» так же, как кибернетическая машина, и ни в животном, ни в машине это не сопровождается никакими образами, никакими идеальными «пристройками». Более того, для животного психика, несомненно, является «опасной прибавкой», дезадаптивным включением. В этом случае приходится констатировать факт, что внутри теории естественного отбора появление психики попросту непонятно: вредные признаки закрыты для трансляции на частотах природы. Когда и, главное, как эта «вредная привычка» однажды была приобретена? Функционирование рефлекса предполагает наличие пускового устройства (среды), на которое организм реагирует необходимым или приобретенным образом. Центральный момент – реактивность: среда запрашивает организм – он реагирует. Но чтобы объяснить психизм, нужно предположить нечто прямо обратное – спонтанность, реакцию организма без запроса со стороны окружающей

среды. Другими словами, нужно предположить наличие некоего «сумасшедшего рефлекса» или «реакции на отсутствие» [1; 52].

Человек, в отличие от животного, способен отреагировать на непредопределенную ситуацию, не впадая при этом в состояния, аналогичные экспериментальному неврозу. Для этого требуется активировать спонтанность, запустить ее вновь. И если эта психичность вообще возможна, то к условиям ее возможности принадлежат такие ситуации, в которых оттормаживание спонтанности не вымарывается тут же. Сновидение и галлюциноз – едва ли не единственные точки, когда подобное оттормаживание ауторитмии может быть до поры до времени безнаказанным. Оформление человеческого мира начинается в радикально чуждых для всякого животного ландшафтах. Фантазийный режим – это и есть «ничто реальности», и именно здесь – точка растормаживания человеческого произвола, корень способности сказать «нет» всякой «только лишь действительности» [11; 164]. Задолго до того, как субъект попытается смирить свою грезу путем ее заключения в семиотических системах, задолго до того, как он попытается поставить ее себе на службу, сама эта способность, сам навык грезовидения должен быть освобожден.

Томинид начал реагировать примерно так, как реагируют простейшие, на закате становления живых форм повторяя то, что началось вместе с их восходом. Высвобождая фантазийность, антропоид разрывает континуум рефлекса, связку «мир меня запрашивает – я отвечаю миру»: именно здесь «момент истины» любой теории генезиса сознания – точка поломки природы с ее бессмысленным «и так далее». Точка, где замкнутые на органику поведенческие шаблоны приходят к своему нулевому штриху – и качество переходит в количество. Вне и по ту сто-

рону внутренней спонтанности, прерывающей равномерные колебания рефлекторного маятника, животное поведение заливает в стереотипности. К. Лоренц описывает свои опыты с куторой (водной землеройкой): осваивая свой охотничий участок, зверьки медленно движутся по самым извилистым и непредсказуемым траекториям, тщательно обнюхивая и ощупывая вибриссами свой путь, – зато потом, когда маршрут изучен, землеройка стремительно проносится по нему на предельной скорости, ни на сантиметр не отклоняясь от однажды проложенного пути. Если положить на такой тропе камень, зверек несколько раз с разбегу врежется в него носом, прежде чем заметит. Еще более забавная картина получится, если убрать камень: кутора снова и снова будет пытаться запрыгнуть на несуществующий предмет [5]. И даже если признать, что с биологически адаптивной точки зрения поведение куторы вполне целесообразно, эта целесообразность может быть реализована только в стабильных кругах природного «окружения» – иксюльевского Umwelt'a (прошедшего через сенсуальный фильтр небольшого фрагмента явлений как подлежащего операциональности), под который она намертво заточена.

Этот фрагмент действительности предопределяет ритуально оформленные значимые формы поведения: охота, соревнование самцов, определение вожака, брачные игры и т. д. оформляются как сложная система «правильных», то есть имеющих значение и понятных, поз и жестов. Эта совокупность значимых форм жестко противостоит незначимым – их, по большому счету, даже и «нет». Животные быстро вырабатывают привычки и ритуалы, которые становятся существенным элементом их жизни, и с трудом меняют их. Случай куторы сродни увеличительному стеклу – тяга к выработке шаблонной последовательности действий в животном мире есть скорее правило, чем исключение. В этом горизонте трансгрессия животности есть, прежде всего, трансгрессия шаблона, проявляющаяся в отказе, во-первых, от определенной среды обитания, к которой можно приспособиться раз и навсегда в плане видовой определенности, и, во-вторых, в отказе от специализации. Человек – это эврибионт, и даже убиквист, то есть существо, приспособленное к расселению в принципиально различных биотопах. Потому что оказалось возможным так называемое взрывное расселение, а его скорость поражает: «...сам факт распространения вида “человек разумный” на всех четырех пригодных к жизни континентах, на архипелагах и изолированных островах в течение каких-нибудь 10–15 тысяч лет говорит не столько о плодовитости этого вида, сколько о действии какой-то внутренней пружины, разбрасывавшей людей по лицу планеты» [9; 96–97].

В антропогенезе магистральной оказалась тенденция к отбору по принципу автономиза-

ции и большей независимости от среды, причем инициаторами цепи ароморфозов выступили наименее специализированные формы [4].

В этой ситуации гоминиды явили эволюционно непредсказуемый ответ, совершенно не укладывающийся в логику традиционной адаптивности через специализацию: снижение мутабельности и замедление эволюционных реакций. Только существа с минимальной морфофизиологической и психической специализацией были способны на такой эволюционный кульбит. Так, аутсайдеры специализации приступили к синтезу новой конфигурации жизни, причем процесс этого синтеза с биологической точки зрения представлял собой тяжелейшую эволюционную патологию [7]. «Совершенство» специализированной формы есть совершенство послания, записанного на магнитную пленку, склеенную в кольцо. И вот в какой-то момент (не важно, что его инициирует: непредвиденный средовой запрос, рост ультрапарадоксальных состояний внутри популяции или что-то еще) происходит обрыв этой цикличности и выхватывается некий фрагмент, звуковая последовательность, мелодический рисунок которой недорисован, и эта его недорисованность открывает будущее, которое неизвестно чем грозит. Именно в этих филогенетических регионах сущего была заложена основа той экзистенциальной «беспочвенности», от которой философская антропология отправляется как от феноменологически ближайшего. Человек является животным, способным к идеации и аскезе [11] и эксцентрически организованным – в противоположность животному синкретизму [8], принципиально неспециализированным и постольку обреченным на социальное протезирование этой полиморфности [3]. По-видимому, эта морфологическая неспециализированность, в имманентном строе жизни выглядящая как эволюционная рецессия, действительно складывалась либо в уникальных природных ландшафтах, либо в ситуациях ослабленного эволюционного прессинга. Возможность семиосферы – возможность экспериментировать с текстом, не вовлекая тут же в этот эксперимент органику, – изначально допущена на уровне самой органики. Форма и строение человеческого тела были предрасположены к органопроекции как развертыванию частичных специализированных машин из изначально полиморфного «тела без органов»: «...техника есть сколок с живого тела или, точнее, с *жизненного телобразующего начала* (курсив мой. – Н. Г.)» [10; 43]. По сравнению с человеческим телом тело животного (совокупность органов) механизм куда более успешный, но однообразный.

В противоположность этим слабовариабельным устройствам человеческое тело изначально устанавливалось как непредопределенное к какому-либо одному типу деятельности, и именно благодаря этой необычайной лабильности было эффективно использовано в деле расшире-

ния внешнего окружения посредством разного рода экстернатий. Принципиальная открытость в алеаторику, в измерение чистого случая будет, конечно, порождать специфические адапторы: ситуации радикальной неопределенности, разрешающиеся у животного в неадекватных рефлексках, в человеческом мире порождают институт магии, символически компенсирующей конечность субъекта, то есть необоснованность его желаний [2; 253].

Б. Малиновским отмечено весьма специфическое распределение магических практик в жизни тробрианов. Таковыми сопровождаются преимущественно те сферы жизни, где отсутствует гарантия будущего результата, где человек не уверен в успехе своих действий, где он в значительной степени зависит от случая,

от игры природных сил, где его подстерегает опасность – причем как в плане природных стихий, так и в плане социальных рисков: «Так, например, опасная ловля акулы... прямо-таки окутана магическими ритуалами. Столь же жизненно важный, но легкий и надежный способ ловли рыбы при помощи яда вообще не влечет никаких магических действий» [6; 325]. Практиковать магию – все равно, что пить за успех абсолютно безнадежного дела: контракция с духами отсутствует всюду, где предприятие характеризуется определенностью, надежностью и полностью поставлено под контроль рациональных методов и технологических процессов, и, напротив, господствует повсюду, где под знаком страха и надежды достигают широких масштабов элементы удачи и случайности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородай Ю. М. Эротика. Смерть. Табу. Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, 1995. 416 с.
2. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрезера // Историко-философский ежегодник' 1989. М.: Наука, 1989. С. 251–268.
3. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988. С. 151–201.
4. Зубов А. А. Общие предпосылки гоминизации // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. С. 29–41.
5. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М.: Римис, 2011. 240 с.
6. Малиновский Б. Миф в первобытной психологии // Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 285–334.
7. Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: Изд-во МГУКИ, 2007. 436 с.
8. Плеснер Г. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
9. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.
10. Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. 1969. № 12. С. 37–52.
11. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 133–193.

Gryakalov N. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

PATTERNS AND VARIATIONS (ON PHYLOGENY OF CONSCIOUSNESS)

The article is concerned with the fundamental phenomenon of human presence and its phylogenic prerequisites. The genesis of human “exclusives” (both morphological and existential) is studied. The concept of a “man-ubikvist”, who easily adapts to various habitats, is clarified. The concept of the human body plasticity as a basis of the human social mobility is considered. Higher animals with strongly developed psyche became prisoners of procurement instruments’ production. Due to conscious rejection of the predetermined outcome, innovative introductions have become possible, the ones that have never been encountered before. The paradigmatic approach of the research is based on the correlation patterns/variations in behavior of a human beings and an animal.

Key words: philogenesis, consciousness, anthropology, ethology, reflex, autoritmic, plasticity of the body, transgression patterns

REFERENCES

1. Boroday Ju. M. *Erotika. Smert'. Tabu. Tragediya chelovecheskogo soznaniya* [Erotica. Death. Taboo. The Tragedy of Human Consciousness]. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 416 p.
2. V it g e n s h t e y n L. Notes on D. Fraser's The Golden Branch [Zametki o “Zolotoy vetvi” Dzh. Frezera]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik' 1989* [Historical and Philosophical Yearbook' 1989]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 251–268.
3. G e l e n A. About Taxonomy in Anthropology [O sistematike antropologii]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevody* [Problem of Human in Western Philosophy: Translations]. Moscow, Progress Publ., 1988. P. 151–201.
4. Z u b o v A. A. General Background of Gominizacion [Obshchie predposylki gominizatsii]. *Voprosy antropologii* [Questions of anthropology]. 1983. Issue 71. P. 29–41.
5. L o r e n t s K. *Kol'tso tsarya Solomona* [King Solomon's Ring]. Moscow, Rimis Publ., 2011. 240 p.
6. M a l i n o v s k i y B. Myth in Primitive Psychology [Mif v pervobytnoy psikhologii]. *Malinovskiy B. Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Favorites: The Dynamics of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. P. 285–334.
7. P e l i p e n k o A. A. *Dualisticheskaya revolyutsiya i smyslogenez v istorii* [Dualistic Revolution and the Genesis of Meaning in History]. Moscow, MGUKI Publ., 2007. 436 p.
8. P l e s n e r G. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Stages of Organic and the People. Introduction into Philosophical Anthropology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 368 p.
9. P o r s h n e v B. F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 235 p.
10. F l o r e n s k i y P. A. Organic Proection [Organoproektsiya]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative Art of the USSR]. 1969. № 12. P. 37–52.
11. S h e l e r M. Man in the Space [Polozhenie cheloveka v kosmose]. *Sheler M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. P. 98–128.

Поступила в редакцию 20.03.2014

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КУКСО

кандидат философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории и теории дизайна и медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
k_kukso@mail.ru

ПРИНЦИП ФРАГМЕНТАЦИИ ТЕЛА: ГЕНЕАЛОГИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ*

Прослеживается генезис крайне влиятельного для новоевропейского самосознания способа постижения телесного устройства. Демонстрируется, что модель дифференцированного на мельчайшие фрагменты тела возникает в серии анатомических практик XVI–XVIII столетий. Анализируя центральную теоретическую установку «новой науки» анатомии – подход к телу как фрагментированному объекту, автор показывает, что в наследии Леонардо да Винчи содержалась альтернативная анатомическая интуиция, которая оказала слабое влияние на новое научное поле и практически не была востребована новоевропейской культурой. Представления о природе тела, распространенные в данной культурной рамке, были предопределены константными для анатомических разработок А. Везалия приемами, что отождествили телесное существование с совокупностью его отдельных морфологических структур. Автор заключает, что за подобным культурным выбором стоят метафизические установки эпохи: модель фрагментированного тела, разработанная в контексте научной анатомии, органично встраивалась в порядок очевидностей механистических трактовок природы, что во многом способствовало ее легитимации в качестве единственно истинной.

Ключевые слова: научная анатомия, репрезентации тела, принцип фрагментации, парциальная медицина

Представления о болезни, легализованные в культуре, во многом зависят от социальной и культурной обстановки, в условиях которой они возникают и традируются. Для понимания генезиса последних реконструкций исторических перипетий научной физиологии оказывается недостаточно. Аккумуляция результатов физиологического знания выступает бесспорным основанием медицины. Но не следует забывать при этом, что научная физиология со своей догматикой позитивных исследований тела, пафосом лабораторных дешифровок нормы и патологии протекающих в нем процессов – традиция исторически недавняя, окончательно сложившаяся только к середине XIX века. Отсюда незаконность ее тотализации на длительный опыт медицинской истории, в результате которой сама фактичность последней искривляется до неполноценных («донаучных») врачебных традиций.

Для пересмотра данного заблуждения достаточно принять во внимание, что сами физиологические концепты возникают в определенной констелляции социальных обстоятельств и коллективных норм. Так, за генеративным для античной медицины понятием о здоровье как *κράσις* просматривается политическая почва. Данное понятие, заимствованное Гиппократом у Алкмеона Кротонского и унаследованное в качестве основополагающего галенистской традицией, конкретизировалось в момент своего возникновения политическими реалиями: здоровью соответствовало «демократическое равенство» телесных элементов, тогда как болезни – «монархия» отдельной силы [4; 272–

273]. В свою очередь, сформированное в данной культурной рамке представление о врачевании как катартической процедуре невозможно уяснить без религиозных коннотаций последнего. В медицинском употреблении понятия *κάθαρσις* входили в неразрывную взаимосвязь физиологические и религиозные значения. В Гиппократовском корпусе содержатся свидетельства, что *κάθαρσις* как искусство очищения организма от сбивающих его равновесие элементов эмпирически замеримо выведением организмом излишних веществ. Но одновременно очистительный процесс оздоровления трактуется здесь и как восстановление в рамках отдельного тела равновесности космических элементов, что сближает врачебные предприятия с религиозным очищением [5; 83], [6; 72].

Зависимость физиологических понятий от тенденций социальной истории можно проследить и на материале средневековой и новоевропейской медицины. В рамках данной статьи мы обратимся к генеалогии ключевой для новоевропейских подходов к здоровью анатомической модели тела. Данный исследовательский интерес имеет не только историческую ценность. Легализованные в новоевропейский период представления о болезни, берущие исток из серии аутопсий XVI–XVIII столетий, играют весомую роль и в современных стратегиях обращения с физическим страданием. Постольку генеалогическое исследование научно-анатомического постижения тела – это во многом и отчет о рождении современной чувственности страдания, феноменального опыта болезни и культуры проживания телесных расстройств.

Хорошо известно, что систематизация результатов научной анатомии кардинально повлияла на статус медицины, открыв для нее болезнь как биологический феномен и тем самым придав поиску эмпирически наблюдаемой универсальной причины телесной патологии значение ключевого акта врачебной практики. Позднейшие технологические расширения арсенала медицинских средств лишь закрепляли эту позитивно-научную максиму медицины, погружая внимание медиков в «объективность» болезни и легитимируя второстепенность их отношения к дискурсу пациентов. Так на волне распространения метода стетоскопической аускультации Р. Леннека «у врача появился такой критерий, по которому он мог суждение о болезни независимо от дискурса пациента» [3; 131]. Анатомически просвещенная медицина вытеснила интерес к феноменологическому опыту пациентов и их оценочным суждениям в отношении своих телесных расстройств. С ее развитием единственным экспертом по преодолению телесных патологий становится вооруженный анатомическими познаниями медик. Реализуемые в этих тенденциях постулаты поиска физиологической основы симптома и точечного вмешательства в пораженную телесную структуру указывают на присутствующее здесь устойчивое понятие физиологической нормы. В данной перспективе здоровое состояние тела оценивается как эффект исправности его отдельных систем, а патологии телесных процессов отсылают к некоторым неполадкам в анатомическом измерении соматики. Эта определенность физиологической нормы возникла в череде прозекторских практик основателей и адептов научной анатомии (В. Койтера, И. Фабриция, Б. Эустахио, Г. Фаллопия, А. Везалия, Т. Т. Керкинга, Г. Бидлоо, Ф. Рюйша, В. Гиса и др.).

С этого времени научная медицина сконцентрировалась на анатомическом измерении недугов, а заявленный здесь принцип фрагментации создал эпистемологическую почву для преимущественных в границах новоевропейской медицины стратегий обращения с телесным страданием. Анатомическая ангажированность врачебных практик этого периода придала фармацевтическим и физикалистским воздействиям на патогенные телесные структуры ключевую оздоровительную роль. Рассмотрим генеалогию идентификации тела, предопределившей данную медицинскую парадигму.

Возвышение телесных сегментов мотивировали анатомические разработки А. Везалия. Общеизвестно, что, выступив основателем традиции последовательной критики галенизма, Везалий разработал принципиально новую научную область – область основанной на наблюдении анатомии, тем самым полностью обновив форму и способ синтеза медицинского знания. Но не следует забывать при этом, что до Веза-

лия анатомические изыскания, ведомые силой личного видения, проводит Леонардо да Винчи. Именно Леонардо удалось изобрести машину зрения соматической организации, свободную от позиционируемых галенизмом взаимообменов жидкостей и газов. Но сквозная интуиция анатомических разработок Леонардо представляла альтернативу магистральной линии развития научной анатомии, восходящей к фигуре Везалия. Это крайне существенное обстоятельство для понимания представлений, настраивающих целую эпоху новоевропейской медицинской науки.

Соматическая организация выступала предметом постоянных исследований Леонардо, основанием которых служил опыт живого видения. Ясно, что непосредственность акта видения – это теоретическая абстракция, он предопределен способом зрения, который необходимо изобрести или усвоить. Анатомические наблюдения Леонардо были проникнуты особой теоретической установкой, которая воплотилась в изобретенном им роде зрения – *dimonatracioni*. Его специфика заключается в том, что последнее порождало «образы целостного знания». Этот зрительный эксклюзив определялся стремлением свести в единстве образа многочисленные наблюдения за телом [1; 51] и тем самым создать иконологическое выражение многообразия телесных возможностей. Так на кончике грифеля Леонардо рождаются симультанные образы телесных структур, которые мгновенно раскрывают многообразие своих потенций.

Тем не менее основополагающей идеей научной анатомии, в формировании которой ключевую роль сыграл А. Везалий, становится фрагментированное тело.

В трактате «О строении человеческого тела» (1543) Везалий определяет свои достижения как начала «новой науки», и данная позиция полностью обоснованна. Будучи изобретателем европейской морфологической номенклатуры и виртуозом терминологической проработки органики, он заложил фундамент функциональной модели тела. Всем способам заключения о телесной организации предпочел специализированный научный язык, подходя к телу с детализированной терминологией. Терминологический язык устанавливает неподвижные перегородки в целостности телесного существования. Так, описание тела посредством проработанной терминологии уточняет картины устройства его составных частей, но тем самым и фрагментирует его. Для осмысления тела с помощью анатомической терминологии детализированное знание о составляющих его элементах становится самодостаточным. Представление о телесной целостности в данной перспективе вытесняется.

Значимо, что сопровождающие работы Везалия иллюстрации Я. С. ван Калькара не меняют положения дел. В этой образности органы начинают жить собственной жизнью: явно задумав-

шийся скелет придерживает размещенный пред ним на кафедре мозг; ряд внутренних органов располагаются на траве близ ног анатомических моделей, как если бы фиксируемая здесь самостоятельность была для них естественна. Этот изобразительный прием невозможно объяснить исключительно желанием популяризации новой науки. Его эффект куда глубинней: данные репрезентации тела решают проблему отношения к живому телу анатомической модели; собственным драматизмом они убеждают, что безжизненное разъятое на части тело воплощает в себе истину телесного существования, а не является безразличным к жизни научным объектом.

Именно эта модель разбитого на части тела стала ключевой в новоевропейских стратегиях объяснения телесной организации. И дело не только в ее позитивно-научной ценности – влиянии на расширение горизонтов хирургии. Решающую роль в ее научной легитимации сыграла тенденция механицизма XVI–XVII столетий. Модель сегментированного тела органично вписалась в метафизический облик эпохи с присутствием ей выбором идеи механизма как принципа

достижения природы. Именно поэтому технические расширения механицизма воодушевляли грандиозные анатомические открытия. Так, за теорией кровотока У. Гарвея проглядывают достижения инженерной мысли. Окруженный механическими насосами [2; 107], Гарвей обнаруживает ритмические сокращения сердца и движение крови по артериям «как по трубам». Фундирующая эту аналогию механика дает ему метафорический арсенал и словарь, необходимый для формулировки новой кардиологии и теории кровообращения. Механика, которая для Античности вообще не наука, становится в Новое время образцом описания природы. Отныне воображение Запада предметно явлено в виде труб, водопроводных клапанов, канализаций, насосов. Концепция непрерывной циркуляции крови по общему и легочному кругам Гарвея как первопричины здоровья мгновенно воплощает в себе данное понимание природы. Это рельефно показывает, как действительность анатомической науки, характер ее тенденций конкретизировался в горизонте культурной физиогномики. И пример Гарвея здесь далеко не единственный.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-33-01251.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Да Винчи Л. Тетради по анатомии (Т. 1) // Да Винчи Л. Анатомия: записи и рисунки. М.: Наука, 1965. С. 9–52.
2. Епифанов Н. С. Уильям Гарвей. Киров: Вятка, 2002. 288 с.
3. Лакмунд Й. Изобретение слушающей медицины. К исторической социологии стетоскопии // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2008. С. 104–136.
4. Мнения философов // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
5. Наставления // Гиппократ. Этика и общая медицина. СПб.: Азбука, 2001. С. 79–88.
6. О благоприличии // Гиппократ. Этика и общая медицина. СПб.: Азбука, 2001. С. 69–78.

Kukso K. A., Saint Petersburg State University of Technology and Design (St. Petersburg, Russian Federation).

PRINCIPLES OF SOMATIC FRAGMENTATION: GENEALOGY AND ALTERNATIVES

The origin of the human body self-cognition procedure widely practiced in the early European period is described in the article. The author demonstrates that a model of the fragmented human body appears in anatomical theatres of the XVI–XVIII centuries. Analyzing the central theoretical principles of the “new science”, the author demonstrates that Da Vinci’s heritage is characterized by alternative anatomic intuition, which had a rather slight effect on the new science development and was neither appreciated nor recognized by the emerging European culture. Vesalius’ understanding of the human body was conditioned by the existing constants. This cultural choice was determined by a set of metaphysical ideas characteristic of the epoch. A model of the fragmented body in the scientific anatomy of the time was intrinsic to the mechanistic understanding of nature that, in many respects, contributed to its legitimization.

Key words: scientific anatomy, representation of the body, principles of fragmentation, partial medicine

REFERENCES

1. Da Vinci L. Anatomical Notes. V. 1 [Tetradi po anatomii (T. 1)]. *Da Vinci L. Anatomiya: zapisi i risunki* [Anatomy: Notes and Pictures]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 9–52.
2. Epifanov N. S. *Uil'jam Garvey* [William Harvey]. Kirov, Vyatka Publ., 2002. 288 p.
3. Lakmund Y. The Invention of Listening Medicine. About Historical Sociology Stethoscopy [Izobretenie slushayushchey meditsiny. K istoricheskoy sotsiologii stetoskopii]. *Bolezn' i zdorov'e: novye podkhody k istorii meditsiny* [Disease and Health: New Approach to the History of Medicine]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2008. P. 104–136.
4. Opinions of Philosophers [Mneniya filosofov]. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I* [The Fragments of the Earliest Greek Philosophers. P. I]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.
5. Admonition [Nastavleniya]. *Gippokrat. Etika i obshchaya meditsina* [Ethics and General Medicine]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. P. 79–88.
6. About Respectability [O blagoprilichii]. *Gippokrat. Etika i obshchaya meditsina* [Ethics and General Medicine]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001. P. 69–78.

Поступила в редакцию 20.03.2014

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СКРИПЧЕНКО
аспирант кафедры социальной философии философского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
descrip@mail.ru

ПРОСТРАНСТВА МАССМЕДИА: ПОДХОДЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Сопоставляются два противоположных взгляда на СМИ. С одной стороны, это классическая теория франкфуртской школы эпохи модерна («Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера), изучающая воздействия медиасредств на сознание и поведение индивида. С другой стороны – работа итальянского теоретика постмодерна Д. Ваттимо «Прозрачное общество». Второй, более поздний, подход (эпохи постмодерна) смотрит на медиа как на средство репрезентации не только хаотичной информации и развлечения, но также современных идеологических клише. В итоге делается вывод о непротиворечивости изложенных подходов на уровне метанарратива и применимости их совокупности для более объемного анализа такого сложного и неоднозначного явления, как массмедиа.

Ключевые слова: массмедиа, медиареальность, виртуальная реальность, метанарратив

В статье предлагается исследовать роль массмедиа и особенностей их функционирования в современном обществе, уточнить аспекты организации Интернета, а также рассмотреть новые медийные практики пересечения реальной и виртуальной реальностей.

Ж. Деррида в работе «Echographies of Television» [7] полагает, что в современную эпоху так называемых телетехнологий с их немислимими скоростями у нас есть возможность наблюдать весь мир «сейчас», в прямом эфире, но мы при этом не должны забывать, что возможности эти являются лишь производными артефактами. Мысли на телеэкране облекаются в образное тело, но они лишь «эхо», оторванное от своего носителя. Эти знаки или образы, как говорит Б. Гройс, не имеют собственного времени, а получают его взаимы извне в виде той субстанции, которую Н. Луман называл инореференцией.

Пользуясь методологией вышеупомянутых авторов, рассмотрим два противоположных взгляда на теорию массмедиа. С одной стороны, это классическое понимание медиа как агентов-«вредителей» эпохи массового общества модерна, создателей усредненного стереотипизированного сознания. В данном случае мы обратимся к фрагментам «Диалектики просвещения» (1945) Т. Адорно и М. Хоркхаймера. С другой стороны, существует взгляд на общество постмодерна как на прозрачный паноптикум, наглядно выражаемый именно современным медиaprостранством. Данную точку зрения мы позаимствуем у итальянского теоретика постмодерна Д. Ваттимо.

Двадцатый век, развившись в машину идеологии, поставил эксперимент с последними макронарративами тоталитарных режимов. Детали машины работали на сокрушительную идеологическую пропаганду, создавая мифопоэтическую картину мира. Подъем и «восстание»

масс, получение обществом демократических прав и развитие технического потенциала дало возможность создать индустрию культуры или «культур-индустрию», как ее называет Адорно. Потребовались столетия, чтобы превратить Европу в гомогенное пространство с общими ценностями и взглядом на вещи, что стало впоследствии предтечей глобализации. Глобализация же взяла в свои руки право на монополию массового искусства. Адорно и Хоркхаймер подметили это еще в 1940-х годах: «Та истина, что они (кино и радио. – Д. С.) являются не чем иным, как бизнесом, используется ими в качестве идеологии, долженствующей легитимировать тот хлам, который они умышленно производят» [1; 151]. Происходит новое со времен Декарта удвоение мира, создается параллельный квазимир, который называют продуктом «фабрики грез». Игра со смыслами становится «манипуляцией сознанием». Внешние, стереотипизирующие сознание образы не могут не отпечатываться на должном быть прозрачным и свободным от идеологий субъекте, который наконец-то разрушил просвещенческую модель гуманизма.

Другая важнейшая категория мира-иллюзии у Адорно и Хоркхаймера – пролонгация своего жизненного ареала в мир несуществующих образов. Граница двух миров затягивается пленкой, которую как бы не видно, и есть шанс взять на себя что-то из мира параллельного или, напротив, закинуть частицу из мира Я-здесь в мир грез. Живость, естественность мимесиса культурного производства достигается новыми средствами фиксации. Это и изощренная игра актеров, и работа всей съемочной группы, и интеллект сценариста и режиссера, а также новейшие спецэффекты. Все вкупе позволяет проникать даже в тонкие материи психики и «ассимилировать» искусственное как свое.

Адорно и Хоркхаймер называют сферу современного развлечения «продолжением труда», что есть воспроизведение уже знакомого и предсказуемого сюжета: «...запоминающейся же оказывается автоматизированная последовательность нормированных операций. Отвлечься от трудового процесса на фабрике и в бюро можно, только уподобившись ему на досуге» [1; 172]. Таким образом, кино занимает время досуга, а досуг ассоциативно воспроизводит рабочий день. Другой вопрос – о жанре кино. И если говорить об ассоциации кино с трудом, то минимум отвлеченности и рефлексии, на наш взгляд, должны предполагать, в частности, фильмы ужасов. Ужасы на экране – вербализованная невозможность встречи несовместимых миров. Встреча с невозможным и несовместимым миром, подобно чуду, привлекает к себе внимание. В то же время панический страх способен солидаризировать между собой разобщенные группы индивидов, подобно тому, как это случалось с греками при встрече с ужасным богом Паном, от которого смертные *в панике* разбежались. Здесь нельзя не отметить, что игра культуриндустрии во многом выстраивается на игре двумя эмоциями – страхом и смехом. Фильм ужасов – это еще и способ лишний раз утвердить себя: «Миг, когда ты пережил других, – это миг власти. Ужас перед лицом смерти переходит в удовлетворение от того, что сам ты не мертвец» [4; 138]. Здесь осуществляется пролонгация через образ смерти, через утверждение себя реального, через буквальное отрицание виртуального Другого на экране.

Джанни Ваттимо предлагает концепцию прозрачного, сложного и неоднородного по своей структуре социума, представляя его как общество *массмедиа*. Именно средства массовой коммуникации, по его мнению, способствовали разрушению эпохи макронарративов и политического и духовного колониализма западного мира. Вместе с тем разрыв с метанарративом предполагает отрыв от конкретной реальности. Реальность больше не самодостаточна и самоочевидна, она больше не успокаивает человека рационально, чем занималась все предшествующие эпохи. Ваттимо видит в утрате реальности эмансипирующее значение: «Здесь эмансипация состоит скорее в потерянности, отрыве от почвы, которые в наше время являются высвобождением различий, локальных элементов, всего того, что мы можем обобщенно назвать диалектом» [2; 16]. Освобождение позволяет встретиться с чем-то отличным от моего существования и разглядеть это что-то в моем собственном эстетическом опыте. Такое сосуществование миров позволяет «диалог и интерпретацию». Эра коммуникации также дает толчок в развитии и эмансипации гуманитарных наук, что, в свою очередь, по мнению Ваттимо, ведет к эмансипации субъекта.

Гуманитарный позитивизм, по Ваттимо, есть в некотором роде «реализация абсолютного духа» в обществе, духа, который только лишь призраком ходил при жизни Гегеля. Здесь же одной из основных проблем прозрачного общества является попытка найти этим обществом способ не-отчужденного познания самого себя.

Идеал массмедиа – быть своим этимологически точным значением: выступать посредником между обществом и миром, независимо от идеологий. Однако посредник не пассивен и в эпоху информационного потребления способен вызывать «старые новые» болезни. Так, например, проблема преодоления отчуждения не решена и в Сети. Заставляя Интернет работать как омут памяти, в который сливаются все нужные и ненужные мысли, мы рассчитываем не просто сделать запись в дневнике, но оставить след, зафиксировать событие. Событие остается чем-то вроде информации о появившейся радуге и, скорее всего, не сможет представлять собой эксклюзив. Эта самодельная проложенная тропинка часто остается непротеренной для другого и нуждается в «сталкерстве» своего хозяина – создателя радуги. На пути в сетевом лесу мы можем замечать другую тропинку рядом со своей, но вряд ли мы пойдем по ней. Соседствующая с нашей тропой чужая информация о личном переживании другого, пусть даже самого глубокого экзистенциального характера, скорее всего, не привлечет наше внимание. Общаясь с человеком в онлайн-реальности, мы невольно опираемся на существующие тропы. Используя их вместо виртуального сталкера, мы приписываем онлайн-человеку собственные офлайн-стереотипические представления и характеристики. Тропы выступают для нас подсказками-медиаторами в сетевом общении.

Выделяя достоинства Интернета, мы приписываем ему неограниченные возможности. Пройти на нужный уровень информации можно, не обязательно вводя каждый раз новые данные в поисковую строку, но используя гиперссылки в имеющемся тексте. Это принимает способность изотропии [5; 193] – способность начинать путь с середины или конца, не понимая, что есть середина, а что конец. Но отсутствие жесткой линейности зачастую приводит к приумножению сущностей в виде отсылки на несуществующие, спамовые, повторяющие друг друга страницы. При этом «основной характеристикой грязи является недостаток дифференцированности: смешение всех красок подряд дает “грязный цвет”, неограниченное измельчение любого материала дает пыль, повсеместно воспринимаемую как загрязнение, подлежащее постоянному удалению, и так далее» [3; 186].

В сетевой реальности происходит упрощение истины. Упрощается и путь к ней: если раньше он был сопряжен с измененным сознанием че-

рез усилие-трансгрессию, то сейчас его заменила «софт-версия», уводящая в Сеть. Вместе с ней иллюзия проникает в повседневность. Адорно и Хоркхаймер отмечали более привычное сращивание культур-индустрии и идеологии в XX веке: «Чем более плотным и сплошным оказывается осущестляемое его техниками удвоение эмпирической предметности, тем легче удастся сегодня утвердиться иллюзии, что внешний мир является всего лишь непосредственным продолжением того, с которым сводят знакомство в кинотеатре» [1; 175].

Прозрачное общество встраивается в сетку идеала коммуникации, которое Ваттимо называет «сообществом» – чистым актом естественной коммуникации: «Общество неограниченной коммуникации, общество, в котором реализуется сообщество логического социализма, – это и есть то прозрачное общество, которое именно на пути уничтожения препятствий и непрозрачности при помощи взятых за образец определенных идей психоанализа может повлиять на радикальное ослабление конфликтных мотивов» [2; 28]. Между тем самим Ваттимо признается, что вопрос о массмедиа и конструировании ими «объективной» реальности носит не обязательно объективный характер. Подобно дильтейевскому различению объяснения и понимания, в информационном поле массмедиа следует различать *факт* и его *интерпретацию*. Интерпретативный характер информации, по Ваттимо, предоставляет возможность *диалога*. Объективная истина в ситуации диалога оказывается лишенной смысла, важным здесь будет лишь «само отношение партнеров к высказываемому» [2; 90]. Объективная истина остается идеалом «прозрачного субъекта» Адорно, претендующего на метафизическую «реальность».

Но и «медийный оптимизм семидесятых» не есть в корне то, что видит Ваттимо в качестве главного плюса современной системы. Он вводит понятие *дереализации*, дающее понимание эстетическому взгляду на преодоление метафизики, «эстетизации экзистенции», положенное Хайдеггером. Фактически понятие дереализации близко к положению Ж. Бодрийера о том, что предметами потребления в современном обществе являются не сами материальные вещи, а знаки, их символизирующие. Точно так же происходит с информацией, которая становится товаром потребления. Но конфликт в дереализации, характеризующийся банальным «огламуриванием» и «одомашниванием» реальности, «будет состоять в том, что она имеет тенденцию свести эстетический опыт к его классическому и “метафизическому” значению, к той идеальной завершенности, которая превращает его в мир “чистой фантазии”, существующей лишь в оппозиции к реальности» [2; 94]. Пределом де-

реализации, а вернее ее незавершенности, оказывается пресловутый меркантильный рынок, являющийся естественным препятствием ее развития.

Еще один момент, на который обращает внимание Ваттимо, это обретение медиастатуса разношерстной и нестабильной (в разных смыслах) системой. Множество фактов и множество способов их интерпретации нестабильно заполняют современного индивида: «Если субъект эпохи постмодерна заглянет в себя, стремясь обнаружить былую ясность, он не найдет гарантированности картезианского *cogito*, но только прустовскую прерывистость биения сердца, рассказы масс-медиа и мифологемы, которые извлекают психоанализ» [2; 51]. Система медиа, говорит Ваттимо, теряет радиоуправляемый центр. Критика Франкфуртской школы апеллировала к медиа как к оружию в руках Йозефа Геббельса. Где-то с конца семидесятых годов «произошла трансформация технологии из фазы механической в фазу электронную, или информационную» [2; 87]. Еще до появления Всемирной паутины появляется Сеть информационная.

Новые коммуникативные возможности Интернета перенимают эстафету традиционных медиумов. Неявное поле, аура доинтернетовской эпохи обретает свое *виртуальное* пространство в Сети. Здесь можно быть творцом, но невозможно быть субъектом; можно быть интересным, но совершенно неинформативным. Это пространство преодолевания метафизики и макронарративов. И хотя преодолевать их приходится через шумы и толки, современные медиативные средства, и в первую очередь Интернет, представляют собой живую иллюстрацию теоретически положений философии постмодерна, как то: «интертекстуальность, плюрализм, горизонтальность, децентрализованность» [6; 198]. Одновременно с этим современному индивиду (а может быть, *дивиду*) приходится мириться с брошенными ему, говоря словами Вальтера Беньямина, «оптическими вызовами» визуальной культуры: она (культура) растворяется в мировосприятии человека, всецело им поглощаясь.

Суммируя наблюдения над современным медиапространством и опираясь на исследования ученых разных эпох, можно сделать вывод о непротиворечивости изложенных подходов к проблемам функционирования СМИ. Обе методологии (Т. Адорно, М. Хоркхаймера и Д. Ваттимо) применимы в совокупности. Первая позволяет выявлять стереотипизирующие, а вторая – коммуникативные возможности массмедиа. Но, несмотря на их взаимодополняемость, нужно проявлять исторический подход. Если инструментарий Франкфуртской школы более применим для анализа СМИ первой половины XX века, то методы Ваттимо более успешно работают при анализе современного медиапространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Ваттимо Д. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. 128 с.
3. Гурко С. Л. Об иллюзии свободы в Интернете // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 182–189.
4. Канетти Э., Московичи С. Монстр власти / Пер. с нем. Р. Каралашвили, пер. с франц. Т. Емельяновой, Г. Дилегентского. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
5. Кузнецов М. М. Интернет как провокатор и инициатор сетевого подхода // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 190–194.
6. Новоженина О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 195–215.
7. Derrida J. Echographies of Television. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.

Skripchenko D. V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SPACES OF MASS MEDIA: “MODERN” AND “POSTMODERN” APPROACHES

The paper proposes a comparison of two opposing views on the mass media. One of them is a classical theory of the Frankfurt School of the “modern” era (“Dialectic of Enlightenment” M. Horkheimer and T. Adorno), which researches the impact of mass media on the consciousness and behavior of an individual. The other one is based on the work “Transparent Society” written by an Italian theorist of postmodernism D. Vattimo. The second approach views mass media as a tool facilitative in representing chaotic information and entertainment, as well as modern ideological clichés. A conclusion on the consistency of the chosen approaches described on the metanarrative level as well as their applicability for a volumetric analysis of such complex and ambiguous phenomenon as mass media is drawn.

Key words: mass media, media reality, virtual reality, metanarrative

REFERENCES

1. Adorno T., Horkkheimer M. *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow, St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 312 p.
2. Vattimo D. *Prozrachnoe obshchestvo* [The Transparent Society]. Moscow, Logos Publ., 2002. 128 p.
3. Gurko S. L. About the illusion of freedom in the Internet [Ob illyuzii svobody v Internete]. *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya* [Influence of the Internet on consciousness and structure of knowledge] Moscow, IF RAN Publ., 2004. P. 182–189.
4. Kanetti E., Moskovichi S. *Monstr vlasti* / Per. s nem. R. Karalashvili; per. s frants. T. Emel'yanovoy, G. Dilegentskogo [Power's Monster]. Moscow, Algoritm Publ., 2009. 240 p.
5. Kuznetsov M. M. Internet as provocateur and initiator of the network approach [Internet kak provokator i initsiator setevogo podkhoda]. *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya* [Influence of the Internet on consciousness and structure of knowledge], Moscow, IF RAN Publ., 2004. P. 190–194.
6. Novozhenina O. V. Internet as a new reality and a phenomenon of modern civilization [Internet kak novaya real'nost' i fenomen sovremennoy tsivilizatsii]. *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya* [Influence of the Internet on consciousness and structure of knowledge]. Moscow, IF RAN Publ., 2004. P. 195–215.
7. Derrida J. Echographies of Television. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.

Поступила в редакцию 11.03.2014

ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА СТРЕЛЬЦОВА

доктор экономических наук, профессор кафедры электронных вычислительных машин, Южно-Российский государственный технический университет (НПИ) (Новочеркасск, Российская Федерация)
El_strel@mail.ru

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БОРОДИН

доктор экономических наук, профессор кафедры теории финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)
aib-2004@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАТКОВ

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры управления, Институт управления и информатики (Москва, Российская Федерация)
e.katkov@mail.ru

ИНСТРУМЕНТАРИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Рассмотрена концепция стратегии управления устойчивым развитием промышленных предприятий, отличающаяся от сформулированных в работах отечественных авторов концепций «Стратегия», «Управление», «Устойчивость», «Развитие»; преимущество концепции состоит в том, что она нацелена на вложение капитала в новацию, обеспечивающую, наряду с конкурентным превосходством организации в бизнес-среде, поддержание равновесия между такими взаимосвязанными составляющими результатов деятельности промышленных предприятий, как экономический, социальный и экологический. Разработан новый подход к выбору стратегических ориентиров функционирования промышленных предприятий, отличающийся от существующих применением системы оценок, характеризующих эволюционные и революционные изменения развития; преимущество подхода состоит в возможности применения как детерминированных показателей оценки стратегий устойчивого развития, так и слабоструктурированных качественных показателей для принятия решений в условиях неопределенности. Поставлена и формально описана задача управления устойчивым развитием промышленных предприятий, отличающаяся от существующих наличием векторной целевой функции, содержащей как количественно определяемые показатели, так и характеристики, выраженные в качественном виде; преимущество постановки задачи заключается в возможности использования нечетко выраженных знаний специалистов в заданной предметной области. Построена экономико-математическая модель оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов, отличающаяся от существующих (В. С. Бялковская, В. З. Беленький, Г. Б. Клейнер, Н. А. Розенберг) применением механизма нечеткого вывода на основе алгоритма Мамдани и реализованная с помощью специализированного пакета Fuzzy Logic Toolbox в системе MATLAB; преимущество модели заключается в использовании качественно выраженных показателей в условиях лингвистической неопределенности для выбора стратегических ориентиров экономико-производственных структур, оценивающих наряду с экономической выгодой от реализации проекта слабоструктурированные оценки социальной полезности и экологической безопасности.

Ключевые слова: промышленное предприятие, стратегическое управление, устойчивое развитие, инвестиционная привлекательность, инновационные проекты, экономико-математическое моделирование

В настоящее время в мировой экономике повостепенное значение приобретает проблема устойчивого развития организаций в сфере бизнеса, позволяющего разрешить обостряющиеся противоречия между расширением производства, созданием условий для удовлетворения материальных потребностей настоящих и будущих поколений, повышением их качества жизни, с одной стороны, и возможностями окружающей среды, обеспечением экологической безопасности – с другой. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию ориентирует на сбалансированное решение

задач управления ее основные элементы – промышленные предприятия, формирующие эффективные предпосылки устойчивого развития экономики как всей страны, так и ее территорий. Промышленные предприятия рассматриваются в статье как элементы, в которых согласуются интересы процессов создания новой стоимости товаров и услуг и их потребителей с учетом показателей высокотехнологичности и экологической безопасности [2], [3]. Базисным фактором устойчивого развития предприятий является инновационность, проявляющаяся в интеграции научно-технических, организационных, управ-

ленческих новаций в процессы функционирования и обеспечивающих текущие и перспективные конкурентные преимущества продукции по интегральным показателям, содержащим экономические, эксплуатационные, эстетические, экологические и другие характеристики [4]. Эти обстоятельства переводят задачу управления устойчивым развитием промышленных предприятий в класс слабоструктурированных задач, оперирующих слабоформализуемыми параметрами в условиях многокритериальности и неопределенности [5].

Концепция стратегии управления устойчивым развитием промышленных предприятий рассмотрена в статье на основе интеграции следующих понятий: «стратегия», «управление», «устойчивость», «развитие». При этом составляющие интегрального понятия «Стратегия управления устойчивым развитием» трактуются в общепринятом понимании этих лексем. На базе указанных понятий сформулирована концепция стратегии управления устойчивым развитием промышленного предприятия как долгосрочное, качественно определенное направление развития промышленного предприятия, выбранное посредством целенаправленного изменения входных управляющих параметров и оценки при этом значений показателей, в результате которого возникает качественно новое состояние. Эта концепция выбора стратегических ориентиров обусловила необходимость постановки и решения задачи управления устойчивым развитием промышленного предприятия, заключающейся в определении таких входных управляющих параметров, определяющих выбор вариантов инвестиционных проектов, которые обеспечивают сочетание процессов создания новой стоимости и инновационного воспроизводства капитала с поддержанием равновесия между тремя тесно взаимосвязанными компонентами эффективности инновационных преобразований: экономическим, социальным и экологическим. Концептуальная модель управления результатом вложения капитала в инновацию при устойчивом развитии представлена на рисунке.

Постановка задачи управления устойчивым развитием

В качестве управляющих переменных рассматривается множество вариантов $In = \{In_1, In_2, \dots, In_k\}$ инновационных проектов. В роли входных переменных выступает векторный показате

ль $F = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}$ инвестиционной привлекательности инновационного проекта.

Задача управления результатом вложения капитала в инвестиционный проект ставится таким образом, чтобы выбрать вариант инвестиционного проекта I^* , для которого векторная целевая функция $F = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}$ принимала бы оптимальное значение. Формально задача управления описывается следующим образом:

$$\forall In_i, i = \overline{1, k}, \exists I^* / F(I^*) = \text{opt}(F(In_i)).$$

Среди компонентов вектора $F = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}$ могут встречаться как качественно определяемые показатели, так и характеристики, выраженные в качественном виде.

Среди проблем управления устойчивым развитием промышленных предприятий одно из центральных мест занимает проблема формирования портфеля инновационных проектов и оценки их инвестиционной привлекательности. В связи с тем что инновационные преобразования представляют собой новое направление в деятельности организаций, оценка их результатов происходит в условиях неопределенности, при которых влияющие на результат исхода факторы носят качественный характер и оцениваются экспертами. В связи с этим в статье предложен новый подход к оценке инвестиционной привлекательности инновационных проектов посредством применения экономико-математических моделей, использующих нечеткую логику. Задача построения модели ставится следующим образом.

Допустим, что рассматривается множество инвестиционных проектов $In = \{In_1, In_2, \dots, In_\delta\}$, оцениваемых системой показателей $F = \{F_1, F_2, \dots, F_n\}$, некоторые компоненты которой $F_i \in F$, а может, и все, носят качественный характер из-за недостаточности знаний. Нечеткие знания о таких показателях описываются с помощью лингвистических переменных $\langle F_i, T(F_i), U_i, \mu_{F_i} \rangle$, где F_i – наименование лингвистической переменной, $T(F_i) = \{A_1^i, A_2^i, \dots, A_\alpha^i\}$ – терм-множество переменной F_i , представленное набором нечетких переменных в форме слов $A_j^i, i = \overline{1, \alpha}$, описывающих качественные характеристики в составе лингвистической переменной и представляющие собой нечеткие множества; U_i – универсум, содержащий все возможные значения нечеткой переменной A_j^i ; $\mu_{F_i} = \{\mu_{A_j^i}^{F_i}\}_{j=1}^\alpha$ – набор функций принадлежности $\mu_{A_j^i}^{F_i} : U_i \rightarrow [0, 1]$, ставящих в соответствие каждому элементу $u \in U_i$ некоторое действительное число $\mu_{A_j^i}^{F_i}(u) \in [0, 1]$ и представляющих собой семантику нечетких множеств [1]. Термы $A_\varepsilon^i \in T(F_i), i = \overline{1, k}, \varepsilon = \overline{1, \alpha}$, играющие роль качественных характеристик инвестиционной привлекательности проектов,

представляют собой нечеткие множества. При задании терм-множества $T(F_i) = \{A_j^i\}_{j=1}^3$ могут быть использованы следующие атомарные термы: $T(F_i) = \{\text{Низкий, Средний, Высокий}\}$, где $A_1^i = \text{«Низкий»}$, $A_2^i = \text{«Средний»}$, $A_3^i = \text{«Высокий»}$ или $T(F_j) = \{\text{«Не соответствует», «не полностью соответствует», «полностью соответствует»}\}$, где $A_1^i = \text{«Не соответствует»}$, $A_2^i = \text{«Не полностью соответствует»}$, $A_3^i = \text{«Полностью соответствует»}$ и т. п.

Функции принадлежности $\mu_{A_j^i}: U_i \rightarrow [0,1]$ предполагается задавать явным образом в виде функциональных зависимостей. Аналитическое представление функций $\mu_{A_j^i}$ обосновывается тем, что, во-первых, это значительно упрощает расчеты при реализации алгоритма нечеткого вывода и, во-вторых, эти функции реализованы во многих известных инструментальных средствах.

Оценка инвестиционной привлекательности инновационного проекта на основе качественного характера показателей $F = \{F_1, F_2, \dots, F_k\}$, описываемых нечеткими множествами $T(F_i) = \{A_1^i, A_2^i, \dots, A_n^i\}$, осуществляется посредством применения математического аппарата нечеткой логики, предполагающей составление набора продукционных правил нечеткого вывода следующего вида [4]:

$$P_\Omega: \text{if } F_\varepsilon \text{ is } A_i^\varepsilon \text{ and } F_\varphi \text{ is } A_j^\varphi \text{ then } F_\beta \text{ is } A_r^\beta.$$

Количество правил $\Omega = \overline{1, z}$ определяется решаемой задачей. Результатом нечеткого вывода является четкое значение переменной F_β^ω на основе заданных четких значений переменных $F_\varepsilon, F_\varphi, F_\lambda$. Механизм логического вывода состоит из трех этапов: фаззификация (задание нечеткости), осуществление нечеткого вывода по продукционным правилам, дефаззификация (приведение к четкости).

В качестве механизма нечеткого вывода в статье используется алгоритм Мамдани, реализованный специализированным пакетом Fuzzy Logic Toolbox в системе MATLAB [4].

Множество показателей $\{F_i\}_{i=1}^k$ декомпозировано на подмножества социально-экологических, экономических, социальных показателей. В первое подмножество включен показатель F_1 , оценивающий степень соответствия цели проекта целям функционирования экономико-производственной структуры и целям его применения в обществе, во второе подмножество – показатель F_2 , оценивающий уровень экологической безопасности проекта, в третье подмножество – показатель F_3 , характеризующий степень полезности инноваци-

онного проекта для общества. Очевидно, что компоненты множества показателей $\{F_i\}_{i=1}^3$ являются слабоструктурированными, вследствие чего они описываются лингвистическими переменными. Так, F_1 формально описывается лингвистической переменной $\langle F_1, T(F_1), U_1, \mu_{F_1} \rangle$, $\mu_{F_1} = \{\mu_{A_i^1}\}_{i=1}^3$, $T(F_1) = \{A_1^1, A_2^1, \dots, A_3^1\}$, где A_i^1 , $i = \overline{1,3}$ представляют собой терминальные значения. При этом атомарный терм A_1^1 означает «не соответствует», A_2^1 – «не достаточно соответствует», A_3^1 – «полностью соответствует».

Показатель F_2 представлен лингвистической переменной $\langle F_2, T(F_2), U_2, \mu_{F_2} \rangle$, $\mu_{F_2} = \{\mu_{A_i^2}\}_{i=1}^3$, где терм-множество $T(F_2) = (A_1^2, A_2^2, A_3^2)$ включает в себя атомарные термы, следующим образом оценивающие уровень экологической безопасности инновационного проекта: $A_1^2 = \text{«Низкий»}$, $A_2^2 = \text{«Средний»}$, $A_3^2 = \text{«Высокий»}$.

Показатель F_3 описан формально-лингвистической переменной $\langle F_3, T(F_3), U_3, \mu_{F_3} \rangle$, $\mu_{F_3} = \{\mu_{A_i^3}\}_{i=1}^3$. Его терминальное множество атомарных термов $T(F_3) = (A_1^3, A_2^3, A_3^3)$ состоит из качественных характеристик, следующим образом оценивающих степень полезности инновационного проекта для общества: $A_1^3 = \text{«Низкая»}$, $A_2^3 = \text{«Средняя»}$, $A_3^3 = \text{«Высокая»}$.

При этом уровень инвестиционной привлекательности инновационного проекта $In_\delta \in In$ также формально описывается лингвистической переменной $\langle priv, T(priv), U_{priv}, \mu_{priv} \rangle$, $\mu_{priv} = \{\mu_{A_i^{priv}}\}_{i=1}^3$, где $T(priv) = \{A_1^{priv}, A_2^{priv}, A_3^{priv}\}$. В терминальном множестве $T(priv)$ атомарные термы A_1^{priv} , A_2^{priv} , A_3^{priv} задают следующие уровни привлекательности: $A_1^{priv} = \text{«Низкий»}$, $A_2^{priv} = \text{«Средний»}$, $A_3^{priv} = \text{«Высокий»}$.

Основываясь на знаниях специалистов-экспертов, задача оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов описана высказываниями.

Каждой входной F_1, F_2, F_3 и выходной $priv$ переменным поставлена в соответствие функция принадлежности. При этом нечетким множествам A_1^1, A_2^1, A_3^1 входной нечеткой переменной F_1 соответствуют треугольные функции принадлежности $\mu_{A_1^1}(u, 0, 0, 4)$, $\mu_{A_2^1}(u, 0, 5, 10)$, $\mu_{A_3^1}(u, 6, 10, 10)$.

$$\mu_{A_1^1}(u, 0, 0, 4) = \begin{cases} 0, & u \leq 0; \\ \frac{4-u}{4}, & 0 < u < 4; \\ 0, & u \geq 4; \end{cases}$$

$$\mu_{A_1^2}(u,0,5,10) = \begin{cases} 0, u \leq 0; \\ \frac{u}{5}, 0 < u < 5; \\ \frac{10-u}{5}, 5 \leq u < 10; \\ 0, u \geq 10; \end{cases}$$

$$\mu_{A_3^1}(u,6,10,10) = \begin{cases} 0, u \leq 6; \\ \frac{u-6}{4}, 6 < u < 10; \\ 0, u \geq 10. \end{cases}$$

Нечеткие множества A_1^2 , A_2^2 , A_3^2 входной нечеткой переменной F_2 описаны трапецеидальными функциями принадлежности $\mu_{A_1^2}(u,0,0,2,5)$, $\mu_{A_2^2}(u,0,4,6,10)$, $\mu_{A_3^2}(u,5,8,10,10)$.

$$\mu_{A_1^2}(u,0,0,2,5) = \begin{cases} 0, u \leq 0; \\ 1, 0 < u < 2; \\ \frac{5-u}{3}, 2 \leq u < 5; \\ 0, u \geq 5; \end{cases}$$

$$\mu_{A_2^2}(u,0,4,6,10) = \begin{cases} 0, u \leq 0; \\ \frac{u}{4}, 0 < u < 4; \\ 1, 4 \leq u < 6; \\ \frac{10-u}{4}, 6 \leq u < 10; \\ 0, u \geq 10; \end{cases}$$

$$\mu_{A_3^2}(u,5,8,10,10) = \begin{cases} 0, u \leq 5; \\ \frac{u-5}{3}, 5 < u < 8; \\ 1, 8 \leq u < 10; \\ 0, u \geq 10. \end{cases}$$

Нечетким множествам A_1^3 , A_2^3 , A_3^3 входной нечеткой переменной F_3 поставлены в соответствие треугольные функции принадлежности $\mu_{A_1^3}(u,0,0,5)$, $\mu_{A_2^3}(u,0,5,10)$, $\mu_{A_3^3}(u,5,10,10)$.

$$\mu_{A_1^3}(u,0,0,5) = \begin{cases} 0, u \leq 0; \\ \frac{5-u}{5}, 0 < u < 5; \\ 0, u \geq 5; \end{cases}$$

$$\mu_{A_2^3}(u,0,5,10) = \begin{cases} 0, u \leq 0; \\ \frac{u}{5}, 0 < u < 5; \\ \frac{10-u}{5}, 5 \leq u < 10; \\ 0, u \geq 10; \end{cases}$$

$$\mu_{A_3^3}(u,5,10,10) = \begin{cases} 0, u \leq 5; \\ \frac{u-5}{5}, 5 < u < 10; \\ 0, u \geq 10. \end{cases}$$

Выходная лингвистическая переменная *priv* описывается треугольными функциями принадлежности $\mu_{A_1^{priv}}(u,0,0,1,5)$, $\mu_{A_2^{priv}}(u,0,1,5,3)$, $\mu_{A_3^{priv}}(u,1,5,3,3)$, формализующими семантику нечетких множеств A_1^{priv} , A_2^{priv} , A_3^{priv} на универсуме, заданном отрезком $[0,3]$.

В статье построена модель оценки инвестиционной привлекательности *Privlec* инновационных проектов в системе MATLAB. Модель осуществляет отображение $Privlec: F_1 \times F_2 \times F_3 \rightarrow Priv$.

Система правил вывода в вербальной (verbose) форме имеет вид:

if (F₁ is H) or (F₂ is H) then (Priv is H);

if (F₁ is H) or (F₃ is H) then (Priv is H);

if (F₁ is HD) and (F₂ is C) then (Priv is C);

if (F₁ is HD) and (F₃ is C) then (Priv is C);

if (F₁ is HD) and (F₂ is B) then (Priv is C);

if (F₁ is HD) and (F₃ is B) then (Priv is C);

if (F₁ is P) and (F₂ is H) then (Priv is C).

Модель *Privlec* позволяет варьировать количественными значениями входных переменных F_1, F_2, F_3 качественного характера из их диапазона и получать при этом количественные значения выходной переменной *Priv*.

Заложенные в модель *Privlec* знания экспертов в виде продукционных правил позволяют проводить на ней оценку *Privlec* инвестиционной привлекательности инновационных проектов исходя из полученных в результате опроса экспертов значений показателей F_1, F_2, F_3 .

Проведенные исследования позволили получить следующие научные результаты.

1. Предложен новый подход к формированию портфеля инновационных проектов на основе оценки их инвестиционной привлекательности в условиях неопределенности, обеспечивающий устойчивое развитие экономико-производственных структур.

2. Поставлена задача экономико-математического моделирования процессов оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов при качественном характере значений входных и выходных параметров.

3. Построена экономико-математическая модель оценки инвестиционной привлекательности инновационных проектов в классе примене-

ния аналитического аппарата нечеткой логики, позволяющая формализовать нечеткие знания экспертов-профессионалов при использовании характеристик качественного характера.

4. Осуществлена программная реализация построенной экономико-математической модели на базе применения пакета Fuzzy Logic Toolbox системы MATLAB.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомягова И. В. Модель долевого распределения налогов в системе поддержки принятия решений по управлению межбюджетным регулированием // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Информатика». 2010. Вып. 13/1. С. 112–117.
2. Бородин А. И., Кулакова И. С. Математическое моделирование процессов финансовой устойчивости предприятия в условиях рисков // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. «Математическое моделирование и информационные технологии». 2012. № 5. С. 4–8.
3. Катков Е. В., Сорочайкин А. Н. Моделирование процессов инновационного развития предприятий // Вестник Самарского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 10 (101). С. 33–39.
4. Стрельцова Е. Д., Богомягова И. В., Стрельцов В. С. Лингвистический подход к моделированию бюджетных потоков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 1(120). Вып. 21/1. С. 156–161.
5. Дьяконов В. П., Круглов В. В. MATLAB 6.5 SPI/7/7 SPI/7 SP2 +Simulink 5/6. Инструменты искусственного интеллекта и биоинформатики. Сер. «Библиотека профессионала». М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2006. 456 с.

Strel'tsova E. D., South Russian State Technical University (NPI) (Novocherkassk, Russian Federation)
Borodin A. I., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Katkov E. V., Management and Informatics Institute (Moscow, Russian Federation)

TOOLS OF STRATEGIC MANAGEMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISE SUSTAINABLE DEVELOPMENT

This article is considering the concept regarding management strategy of sustainable development of industrial enterprises that differs from the ones represented in the works of national authors sharing such concepts as “Strategy”, “Management”, “Stability”, and “Development”. The advantage of this concept is in the fact that it aims at capital investments into innovations that provide balance maintenance between such interconnected components of the results of the industrial enterprises’ activity as economical, social, and ecological ones along with competitive superiority of the business environment organization. A new approach to selection of strategic objectives of industrial enterprises functioning that differs from the existing ones by applying the system of estimates characterizing evolutionary and revolutionary changes in development is worked out. The advantage of this approach provides possibility of applying determined indicators of assessment of sustainable development strategy, as well as semi-structured quality indicators for decision-making in conditions of uncertainty. The management task for industrial enterprises’ sustainable development is set and formally described. It differs from the existing ones by availability of the vector target function containing both the indicators quantitatively defined and characteristics expressed in qualitative aspect. The advantage of the task definition provides possibility of using the experts’ knowledge indistinctly expressed in the indicated subject field. The economic and mathematical model of investment prospects’ assessment for innovative projects is developed. It differs from the existing ones (Byalkovsky B. C., Belenky V. Z., Kleyner G. B, Rosenberg N. A.) by applying the mechanism of indistinct conclusions on the basis of Mamdani’s algorithm and is realized by means of the Fuzzy Logic Toolbox specialized package in the MATLAB system. The advantage of this model allows to use indicators qualitatively expressed in conditions of linguistic uncertainty for choosing strategic objectives of economical and industrial outcomes and to assess social usefulness and ecological safety along with economic benefits from the project implementation.

Key words: industrial enterprise, strategic management, sustainable development, investment prospects, innovative projects, economic and mathematical modeling

REFERENCES

1. Богомягова И. В. Model of share distribution of taxes in system of support of decision-making on management of the interbudgetary regulation [Model' delovogo raspredeleniya nalogov v sisteme podderzhki prinyatiya resheniy po upravleniyu mezhbyudzhetsnym regulirovaniem]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Informatika"* [Scientific sheets of the Belgorod state university (Informatics series)]. 2010. Issue 13/1. P. 112–117.
2. Бородин А. И., Кулакова И. С. Mathematical modeling of processes of financial stability of the enterprise in the conditions of risks [Matematicheskoe modelirovanie protsessov finansovoy ustoychivosti predpriyatiya v usloviyakh riska]. *Tudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Works of the Karelian Russian Academy of Sciences scientific center. “Mathematical Modelling and Information Technologies”]. 2012. № 5. P. 4–8.
3. Катков Е. В., Сорочайкин А. Н. Modeling of processes of innovative development of the enterprises [Modelirovanie protsessov innovatsionnogo razvitiya predpriyatiy]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Messenger of the Samara state university. The Humanities series]. 2012. № 10 (101). P. 33–39.
4. Strel'tsova E. D., Bogomyagkova I. V., Strel'tsov V. S. Linguistic approach to modeling of the budgetary streams [Lingvisticheskiy podkhod k modelirovaniyu byudzhetykh potokov]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific sheets of the Belgorod state university, It is gray. History. Political science. Economy. Informatics]. 2012. № 1(120). Issue 21/1. P. 156–161.
5. Дьяконов В. П., Круглов В. В. MATLAB 6.5 SPI/7/7 SPI/7 SP2 +Simulink 5/6. *Instrumenty iskusstvennogo intellekta i bioinformatiki. Seriya "Biblioteka professionala"* [MATLAB 6.5 SPI/7/7 SPI/7 SP2 + Simulink 5/6. Instruments of artificial intelligence and bioinformatics. Series “Library of the Professional”]. Moscow, SOLON-PRESS Publ., 2006. 456 p.

Поступила в редакцию 02.07.2013

ЛЕСЯ МИХАЙЛОВНА БОЖКО

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга факультета экономики и социального управления, Петербургский государственный университет путей сообщения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

lemib@rambler.ru

МОДЕЛЬ МАРКЕТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

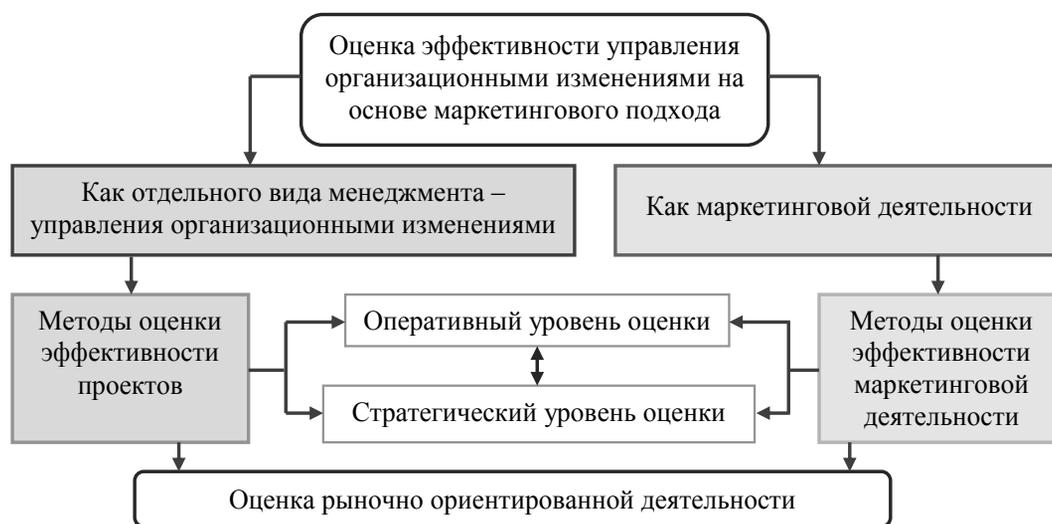
Управление организационными изменениями на основе маркетингового подхода предполагает проведение маркетинговой оценки эффективности изменений. Такая оценка может проводиться на оперативном и на стратегическом уровнях. Для стратегического уровня оценки предлагается использовать показатель стратегической эффективности организационных изменений SEOC. В результате применения такого показателя оценка эффективности будет иметь комплексный характер и учитывать особенности стратегического управления.

Ключевые слова: организационные изменения, маркетинговый подход, оценка эффективности изменений, показатель SEOC

Организационные изменения, особенно специально проводимые для какой-либо маркетинговой цели, влияют на маркетинговую эффективность и определяют ее. Причиной тому являются цели организационных изменений: зачастую они связаны с повышением конкурентоспособности организации. Организационные изменения являются средством обеспечения устойчивости организации на рынке, поэтому эффективность организационных изменений важна не сама по себе, а как фактор маркетинговой эффективности.

Управление организационными изменениями на основе маркетингового подхода предполагает рыночную ориентацию изменений. Мар-

кетинговая деятельность в области проведения изменений означает направленные на адаптацию к внешней среде, на достижение соответствия внешним требованиям действия. И то и другое предполагают стратегическую ориентацию деятельности. Оценивать эффективность организационных изменений, проводимых на основе маркетингового подхода, можно по двум направлениям: как эффективность отдельного вида менеджмента (собственно управления организационными изменениями) и как эффективность маркетинговой деятельности. Но независимо от того, какое направление выбрано, это всегда будет оценка рыночно ориентированной деятельности предприятия (см. рисунок).

Направления оценки эффективности организационных изменений, проводимых на основе маркетингового подхода

На оперативном уровне оценки эффективности организационных изменений могут использоваться известные методы оценки эффективности хозяйственной деятельности. Особенность такой оценки заключается в том, что сначала организационные изменения формируют маркетинговые результаты, а уже впоследствии те сказываются на финансовых показателях деятельности.

Стратегический уровень оценки эффективности организационных изменений связывает маркетинговую деятельность с развитием стратегических проектов, повышением стоимости бизнеса, поэтому она не привязана к конкретным продажам. Маркетинговые расходы здесь называются вложениями, или инвестициями, а главным критерием оценки выступает положение предприятия на рынке вследствие организационных изменений.

В современной литературе все еще недостаточно раскрыты вопросы оценки маркетинговой деятельности на стратегическом уровне. Так, А. А. Бесходарный предлагает проанализировать известные показатели эффективности маркетинговой (подразумевается – оперативной) деятельности на предмет их соответствия текущей стратегии организации, предлагая в качестве критериев оценки положение компании на рынке, среднюю отраслевую норму рентабельности, уровень конкуренции [1].

Однако при проведении стратегических организационных изменений, где предметом изменений является сама текущая стратегия, таким образом оценку провести невозможно. Средняя отраслевая норма рентабельности и уровень конкуренции – это внешняя данность, предпосылки для стратегии предприятия, а не критерий оценки ее эффективности. С. П. Казаков [3] отмечает ограниченное число методик, с помощью которых можно оценить эффективность инвестиций в маркетинг. Так, измерить эффективность действий в рамках реализуемых стратегий (для разработки эффективных стратегий инновационного маркетинга) можно с помощью набора следующих метрик: ценность клиента в течение срока его лояльности фирме (CLV), коэффициент удержания клиента или его лояльности фирме (CRR), маркетинг-ROI, или уровень возврата инвестиций в маркетинг (MROI) [2; 61].

Перечисленные количественные модели позволяют провести первичную диагностику предприятия на предмет соответствия уровня его маркетинга требованиям рынка, отследить состояние названных ключевых показателей при переходе на более высокий уровень использования маркетингового подхода к управлению и по завершении такого перехода. В рассмотренных моделях, на наш взгляд, удачно сочетаются маркетинговые и финансовые результаты, благодаря чему можно получить взаимосвязанную

оценку эффективности маркетинговой деятельности и интегрировать расчеты в систему управления предприятием. Но оценка результативности маркетинга по таким показателям основана, опять же, только на финансовых измерениях и потому является скорее инвестиционным анализом маркетинговой деятельности, нежели интегрированной стратегической оценкой маркетинговой деятельности (в том числе по проведению организационных изменений). Безусловно, стратегические планы развития подразумевают инвестиционную оценку проектов, но оценка на стратегическом уровне не сводится только лишь к расчету финансовых показателей. Следовательно, комплексный подход к оценке результативности рассмотренные модели не обеспечивают. Показатели CLV, CRR, MROI, хотя и содержат стратегический подтекст, прямо не оперируют категориями «стоимость бизнеса», но связаны с определяющими стоимость бизнеса критериями (число клиентов, объемы продаж, прибыль).

Кроме того, есть исследования, которые также подтверждают наше сомнение о необходимости и достаточности расчета уровня возврата инвестиций в маркетинг (MROI) при стратегической оценке. Так, в рамках исследовательского проекта Zyman Institute of Brand Science Р. Стриваслава совместно с другими учеными приходит к выводу, что стоимость фирмы в долгосрочном периоде не связана с непосредственным влиянием таких финансовых показателей, как ROI; маркетинг влияет на нематериальные активы в направлении, которое не обязывает включать ROI в цепочку продуктивности [4]. Несмотря на то что Р. Стриваслава и соавторы говорят об ROI, а не MROI, природа этих показателей одна, поэтому результаты исследователей в области маркетинговой результативности подтверждают нашу гипотезу о необходимости использования многокритериальных (а не только финансовых) моделей эффективности.

Для оценки эффективности организационных изменений на стратегическом уровне мы предлагаем использовать *показатель стратегической эффективности организационных изменений SEOC* (аббревиатура от strategic efficiency of organizational changes):

$$SEOC = P(t_p, t_2, \dots, t_n) \times \alpha \times f(O; I; L),$$

где $P(t_p, t_2, \dots, t_n)$ – стратегический потенциал, α – коэффициент наращивания, O – совокупный показатель влияния внешней (outside) среды, I – совокупный показатель влияния внутренней (inside) среды, L – показатель лидерского участия.

Стратегический потенциал $P(t_p, t_2, \dots, t_n)$ определяется набором целевых (target) характеристик (параметров) t_i , для обеспечения которых проводятся организационные изменения. Перечень целевых характеристик t_i формируется по конкретным стратегическим намерениям и за-

дается в виде отдельных целей изменений. Степень их достижения синергически влияет на общий результат – стратегический потенциал $P(t_1, t_2, \dots, t_n)$, то есть данный потенциал – некоторая функция от достигнутых в той или иной мере целевых характеристик.

Для обеспечения высокого стратегического потенциала необходимо стремиться к тому, чтобы значения целевых характеристик в результате изменений t_i были приближены к тем значениям, которые были заданы изначально в виде целевых t'_i . Кроме того, необходимо стремиться максимизировать синергический эффект от достижения всех целевых параметров:

$$\begin{cases} t_i \rightarrow t'_i \\ P(t_i) \rightarrow \max, i=1, \dots, n. \end{cases}$$

Коэффициент наращивания (капитализированной стоимости) α используется в инвестиционном анализе для расчета суммы денежных средств, которую получит инвестор по истечении определенного количества лет. Коэффициент наращивания определяется по заданной ставке процента и количеству лет, для чего при оценке инвестиций используют специальную таблицу с рассчитанными значениями α . Формула расчета коэффициента наращивания известна и выглядит так:

$$\alpha = (1 + j)^m,$$

где j – заданная процентная ставка в виде десятичной дроби (например, 10% = 0,1), m – время (год), для которого рассчитывается эффект.

Целесообразность применения коэффициента наращивания при оценке эффективности организационных изменений обоснована двумя важными моментами. Во-первых, в упрощенном виде организационные изменения можно рассматривать как инвестиционный проект, где с финансовой точки зрения инвестора будет интересовать капитализация вложений. Во-вторых, в стратегическом управлении потенциал – это то, что воплотится в виде конкретных финансовых результатов в перспективе. Потенциал превращается в осязаемый эффект постепенно, со временем становясь базой для формирования уже другого потенциала (тем самым проецируясь в другие, последующие эффекты). Таким образом, с годами стратегический потенциал «капитализируется» и обретает уже другую ценность. Собственно, в этом стратегическом смысле и заключается отличие организационных изменений от простого инвестиционного проекта, имеющего срок действия (использования).

Чтобы понять, какой должен быть стратегический потенциал $P(t_1, t_2, \dots, t_n)$ для обеспечения в будущем заданной стратегической эффективности SEOC, надо использовать коэффициент дисконтирования β :

$$\beta = \frac{1}{(1 + j)^m}.$$

Совокупный показатель влияния внешней среды O сказывается на актуальности достижения стратегического потенциала, увеличивая его или, наоборот, уменьшая. Показатель может быть рассчитан по формуле:

$$\begin{cases} O = q \sum_{i=1}^n S_i \times Fext_i \\ \sum_{i=1}^n S_i = 1 \end{cases},$$

где q – функция, отражающая взаимозависимость факторов внешней среды (как свойство внешней среды), S_i – индекс влияния (удельный вес) фактора внешней среды на процесс и результаты организационных изменений, может быть определен с помощью экспертных оценок, $Fext$ – значение i -го фактора внешней среды (external factor) на организационные изменения и их результат.

Совокупный показатель влияния внутренней среды I определяется по формуле:

$$\begin{cases} I = u \sum_{i=1}^n S_i \times Fint_i \\ \sum_{i=1}^n S_i = 1 \end{cases},$$

где u – функция, отражающая взаимообусловленность факторов внутренней среды, S_i – индекс влияния (удельный вес) фактора внутренней среды на процесс и результаты организационных изменений, определяется с помощью экспертных оценок, $Fint$ – значение i -го фактора внутренней среды (internal factor) на организационные изменения и их результат.

Показатель лидерского участия L мы выделили отдельно от остальных факторов внутренней среды на том основании, что лидер организационных изменений способен использовать, нивелировать или усиливать, комбинировать, увязывать все аргументы (внутренние и внешние факторы) организационных изменений и тем самым определять уникальное развитие организационных, обеспечивать уникальный стратегический результат. От лидера зависит использование (отдача) стратегического потенциала в перспективе. Успешные организационные изменения невозможны без сильного лидера. Обычно он сам выступает инициатором перемен. Залогом успеха будут являться такие качества менеджера, как опыт, знания, энергия, способность вести за собой людей и брать ответственность, точный расчет, предусмотрительность, осторожность. Коэффициент лидерского участия L определяется набором характеристик лидера:

$$L = v(e, m, c, ps, ph),$$

где v – функция, выражающая комбинацию в лидере отдельных его характеристик, e, m, c, ps, ph – соответственно образовательная (educational), духовно-нравственная (moral), творческая,

или генеративная (creative), эмоционально-психологическая (psychological) и физическая (physical) характеристики лидера.

Таким образом, показатель стратегической эффективности организационных изменений SEOC всегда будет иметь уникальное значение, зависящее от стратегического потенциала организационных изменений, специфики влияния факторов внешней среды, уникального расклада факторов внутренней среды, личности лидера изменений – и все это с поправкой на конкрет-

ный момент оценки эффективности в перспективе. Предложенная формула расчета данного показателя разработана с учетом особенностей стратегического управления.

Итоговый результат оценки эффективности организационных изменений – комплексная оценка различных направлений маркетинговой и других видов деятельности с точки зрения их оперативной и стратегической эффективности, скорректированной с учетом стратегического положения предприятия на рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е с х о д а р н ы й А. А. Подходы к оценке маркетинговой деятельности организации // Российское предпринимательство. 2011. № 3. Вып. 1 (179). С. 55–60 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/11457/>
2. Б о ж к о Л. М. Оценка эффективности организационных изменений через систему взаимосвязанных показателей: маркетинговый подход // Вестник ИНЖЭКОНа. Сер. «Экономика». 2013. Вып. 5 (64). С. 56–65.
3. К а з а к о в С. П. Проблемы измерения эффективности мероприятий маркетинга // Российское предпринимательство. 2011. № 8. Вып. 1 (189). С. 94–100 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/13074/>
4. S t r i v a s l a v a R. J., R e i b s t e i n J., J o s h i Y. Linking Marketing Metrics to Financial Performance // ZIBS Technical Report. Zuman: Zuman Institute of Brand Science, 2007.

Bozhko L. M., Petersburg State Transport University (St. Petersburg, Russian Federation)

MODEL OF MARKETING ASSESSMENT OF STRATEGIC EFFICENCY IN CASE OF ORGANIZATIONAL CHANGES

Changes in management on the basis of marketing approach assumes employment of marketing assessment aimed at evaluation of changes' efficiency. The assessment can be carried out on the operative and strategic levels. For the strategic level of assessment it is offered to use an indicator of strategic efficiency of organizational changes SEOC. As a result of such application the indicator of the efficiency assessment will have complex character and will consider characteristic features of strategic management.

Key words: organizational changes, marketing approach, assessment of efficiency of changes, indicator SEOC

REFERENCES

1. B e s k h o d a r n y u A. A. Approaches to the Assessment of Marketing Activity of the Organization [Podkhody k otsenke marketingovoy deyatel'nosti organizatsii]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 2011. № 3. Vol. 1 (179). P. 55–60. Available at: <http://www.creativeconomy.ru/articles/11457/>
2. B o z h k o L. M. Assessment of the Efficiency of Organizational Changes through the System of the Interrelated Indicators: the Marketing Approach [Otsenka effektivnosti organizatsionnykh izmeneniy cherez sistemu vzaimosvyazannykh pokazateley: marketingovyy podkhod]. *Vestnik INZHEKONa*. Ser. "Ekonomika". 2013. Vol. 5 (64). P. 56–65.
3. K a z a k o v S. P. Problems of measurement of efficiency of actions of marketing [Problemy izmereniya effektivnosti meropriyatiy marketinga]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 2011. № 8. Vol. 1 (189). P. 94–100. Available at: <http://www.creativeconomy.ru/articles/13074/>
4. S t r i v a s l a v a R., R e i b s t e i n J., J o s h i Y. Linking Marketing Metrics to Financial Performance // *ZIBS Technical Report*. Zuman: Zuman Institute of Brand Science, 2007.

Поступила в редакцию 01.11.2013

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
julli@psu.karelia.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК ПРИ ПОСТРОЕНИИ ТРЕХЭЛЕМЕНТНОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Рассмотрен подход к структуре человеческого капитала (ЧК) как трехэлементной модели. Представленный подход базируется на взглядах зарубежных и отечественных экономистов-институционалистов. Целью работы является обоснование выделения уровней специфичности активов применительно к теории человеческого капитала, что и стало основой представления трех уровней человеческого капитала вместо устоявшегося двухуровневого подхода. Характеризуются выделенные уровни предложенной модели человеческого капитала, для доказательства и обоснования которых приводятся данные социологических исследований. Показан авторский взгляд на роль и развитие специфического человеческого капитала во взаимоотношениях работника и работодателя. Интересным является оригинальное объяснение перехода индивида с уровня малоспецифического человеческого капитала на более высокий уровень – идиосинкратический (фирменно-специфический капитал). В результате показана зависимость количества лет накопления специфического человеческого капитала (стаж работы на одном месте) от выбора формы контракта, что особенно значимо для работника как носителя этого вида человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, специфический человеческий капитал, институционализм, транзакционные издержки

Сторонники теории человеческого капитала считают устоявшимся подход к нему как к совокупности общего и специфического капитала, исходя из особенностей его подготовки и формирования. Г. Беккером выделены особенности общей и специальной подготовки: «Подготовку, которая в фирмах, предоставляющих ее, повышает производительность в большей мере, можно назвать специальной. Полностью специальной можно считать подготовку, никак не отражающуюся на тех производственных характеристиках работников, которые могли иметь ценность для других фирм. Основную часть подготовки на рабочем месте нельзя считать ни полностью общей, ни полностью специальной, но если она больше повышает производительность в предоставляющих ее фирмах, то такая подготовка подпадает под определение специальной. Остальная часть связана с повышением производительности и в других фирмах и потому подпадает под определение общей подготовки» [1; 65]. Иными словами, ЧК общего назначения распространен и имеет место в более чем одной ситуации.

Деление ЧК на общий и специфический соответствует дихотомической модели (сопоставленность двух частей целого). Вместе с дихотомической моделью применяется и трихотомическое деление признаков (единичные, особенные и всеобщие). В трихотомической модели особенное – это то, что отличается от признаков одних предметов группы и сходно с признаками

других. Можно сказать, что в трихотомической модели особенный признак будет общим, но не всеобщим.

С нашей точки зрения, структуру ЧК можно представить в виде трех составляющих, то есть как трихотомическую модель (рис. 1).

Рис. 1. Человеческий капитал как трехэлементная модель

В основе представленной модели лежит идея выделения уровней специфичности ресурсов, которая впервые была высказана в трудах экономистов-институционалистов. Сторонники новой экономической институциональной теории большое значение придают роли транзакционных издержек. При этом анализ институциональных альтернатив рассматривают через теорию транзакционных издержек, так как «многое в вопросах об эффективности альтернативных способов организации работы можно прояснить путем абстрактной оценки их транзакционных характеристик» [8; 341]. Кроме того, «транзакционные издержки являются вездесущими, связанными со всеми типами поведения, предполагающего взаимодействие между экономическими агентами» [9; 270]. Можно сказать,

что институты – это способы приспособления к сложившимся условиям реальности.

Параметры специфичности активов как один из факторов, влияющих на размер транзакционных издержек, выделял лауреат Нобелевской премии 2009 года О. Уильямсон, его теория основана на работах основоположника институционального подхода Р. Коуза, также Нобелевского лауреата 1991 года.

В основу предложенной модели (см. рис. 1) положен подход к разделению уровней специфичности ресурсов А. Е. Шаститко, который предполагает выделение этих уровней в зависимости от величины альтернативных издержек или издержек, вызванных оппортунистическим поведением. Сам А. Е. Шаститко говорит об этом так: «Если специфичность равна нулю, то данный ресурс будет считаться ресурсом общего назначения. Следующая степень – малоспецифические ресурсы, и, наконец, самая сильная форма специфичности – идиосинкратический ресурс. Если доход от использования ресурса не превышает величины альтернативных издержек (в условиях равновесия), то этот ресурс может рассматриваться как ресурс общего назначения. Если альтернативные издержки использования ресурса меньше извлекаемого из него дохода, но больше нуля, то это малоспецифический ресурс. Наконец, если альтернативные издержки пренебрежимо малы или равны нулю, то ресурс становится идиосинкратическим» [9; 430]. Под идиосинкратическим ресурсом понимается тот, который уникален и при альтернативном использовании становится малоценным или совсем теряет свою ценность в случае его изъятия из этой транзакции.

Указанный подход к выделению ресурса общего назначения согласуется с одной из формулировок теоремы Р. Коуза: при нулевых транзакционных издержках первоначальное распределение прав собственности не влияет на эффективность размещения ресурсов. Другими словами, носителей ЧК общего назначения очень много, следовательно, работодателю, заключая контракт с ними, не придется нести больших транзакционных издержек по их поиску и привлечению к работе, а также не потребуются больших усилий для замены одного работника другим с аналогичными характеристиками.

В реальной жизни транзакционные издержки положительны, они складываются из взаимодействия формальных и неформальных институтов, чье влияние практически невозможно устранить. Действие теоремы Р. Коуза можно рассмотреть на представленной ниже схеме (рис. 2).

В случае нулевых транзакционных издержек наблюдается максимальная институциональная эффективность ($T_I = 0$), что изображено на схеме кривой 2, которая отображает выполнение теоремы Коуза. Реальное положение демонстрирует кривая 1, где транзакционные издержки поло-

жительны при максимальной институциональной эффективности ($E_I > 0, \max$), хотя транзакционные издержки формальных институтов могут быть в идеальной ситуации нулевыми в этой точке.

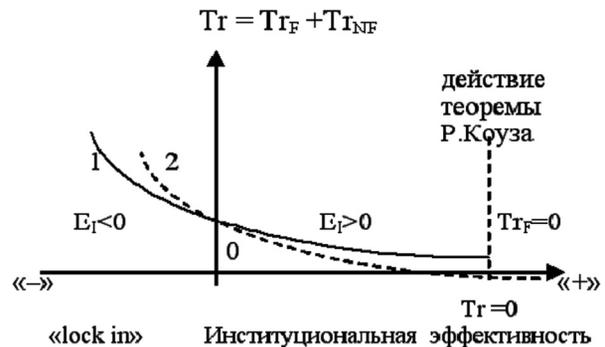

Рис. 2. Институциональная эффективность и транзакционные издержки [7]

Далее характеризуем предлагаемую нами трихотомическую модель ЧК, где основополагающее место занимает ЧК общего назначения, который является общим в дихотомической модели. К нему относятся ЧК, обеспечивающий рост эффективности деятельности работника при его занятости и функционировании на любом рабочем месте. Можно сказать, что общий ЧК служит основой для накопления остальных видов ЧК, так как имеет общее для всех субъектов значение. К нему относим разносторонние знания, умения и навыки с разнообразным назначением.

Следующим звеном в нашей схеме является малоспецифический ЧК, под которым понимаем знания, умения и навыки, повышающие эффективность деятельности работников, занятых в определенной отрасли. Понятно, что отраслевая принадлежность накладывает определенный отпечаток в виде профессионально-квалификационных приобретений, востребованных в конкретной отрасли. Этот вид ЧК не теряется полностью индивидом при переходе, например, в другую организацию из этой же отрасли. Как и при общем ЧК, инвестирование в него проводится в основном со стороны индивида – работника отрасли или ее потенциального работника. В случае перемены рабочего места в рамках одной отрасли, или в связи с переходом в другую организацию, или из-за перехода на новую должность в рамках старой организации, знания, умения и навыки, освоенные для работы в данной отрасли, остаются востребованными. Ценность владения малоспецифическим ЧК осознается его обладателем после смены отрасли как места занятости, особенно если это сопровождается значительными издержками для его владельца. Это уровень «специалистов».

Специфический ЧК как идиосинкратический ресурс указывает уже на уровень «профессио-

налов». К такому специфическому ЧК относят знания, умения и навыки, повышающие ответственность работника только на рабочем месте в рамках той организации, в которой он занят. Специфический ЧК теряет свою ценность при уходе работника из этой организации и с данного рабочего места. Ценность владения им и его уровень осознаются и работником, и работодателем при его эксплуатации.

При таком подходе к специфическому ЧК исследователи отмечают, что трудовая мобильность может привести к его утрате. В свою очередь рост степени специфичности приведет к снижению мотивации трудовой мобильности, так как в новой организации может не быть «премии за специфичность». Вложения в специфический ЧК производятся совместно и сотрудником, и работодателем. Целиком инвестирование работником своего специфического капитала не выгодно предприятию, так как работник не будет мотивирован для наращивания этого капитала на данном предприятии в дальнейшем, что может сказаться и на чувстве приверженности данной организации. Косвенно о количестве специфического ЧК, накопленного на одном предприятии, принято судить по количеству лет стажа на нем.

Для подтверждения представленного подхода к структуре ЧК приведем мнение специалиста в области психологии труда и становления профессионализма С. А. Дружилова: «...существуют причины недостижения частью специалистов вершин профессионализма (мастерства, “акме”). Следует признать, что не бывает “средних” профессионалов, средним может быть только специалист (как носитель нормативно заданных “операционально-функциональных свойств”, обеспечивающих более или менее успешное выполнение профессиональных задач). Профессионал, являющийся Мастером своего дела, – это выраженная индивидуальность, которая характеризует становление особой, субъективной реальности (по В. И. Слободчикову), олицетворение творческого саморазвития личности» [3; 176].

Далее целесообразно рассмотреть траекторию развития специфического ЧК. Считаем интересным место перехода с уровня малоспецифического ЧК на более высокий уровень развития – идиосинкратический, то есть это точка перехода с уровня инвестиций в рабочую силу на уровень, когда уже само «имя» этой рабочей силы начинает давать отдачу. Другими словами: сначала ты работаешь на свое имя, потом имя начинает работать на тебя, то есть неформальные институты начинают играть все большую роль. На наш взгляд, момент этот наступает через несколько лет работы, когда темпы прироста заработной платы начинают увеличиваться по сравнению с темпами прироста количества лет профессиональной деятельности.

Предполагаем, что не каждый индивид в течение трудового периода жизни может перейти этот рубеж, что, однако, не зависит от рода деятельности индивида. Но возможна ситуация и обратного перехода с более развитого уровня на более низкий в случае антиразвития, при деквалификации, обесценивании профессиональных знаний, то есть профессиональное развитие часто не монотонно восходящее.

У малоспецифического и идиосинкратического ЧК, на наш взгляд, имеются и свои отличительные черты. У носителей малоспецифического ЧК движущей силой активности является стремление «прокормить себя», а при достижении следующего уровня развития своего ЧК первоочередное значение уже будут иметь: креативность (как возможность самореализации), связанное с ней стремление к минимальной зависимости от формальных и неформальных институтов, следствие этого – высокая ответственность за выбор действий и результат, а потом уже получение большего дохода. Представленные черты владельцев ЧК идиосинкратического уровня указаны именно в порядке убывания своей значимости, так как к этому моменту минимально желаемый уровень благосостояния ими уже достигнут и далее их развитие идет в другом направлении. Отличительной чертой носителей идиосинкратического ЧК будет еще и неформальное признание профсообщества.

Опираясь на данные социологов, к носителям идиосинкратического ЧК отнесем, в первую очередь, отдельных представителей среднего класса и предпринимателей: «... работа для предпринимателей и представителей среднего класса оказывается и терминальной ценностью (самореализация), и инструментальной (источник средств). ... Именно в профессионально-трудовой сфере наблюдаются самые существенные отличия предпринимателей и представителей среднего класса от других групп населения. ... Для российского среднего класса в целом и для предпринимателей как его составной части характерна более высокая трудовая мотивация, а также осознание более высокой ценности труда и собственного трудового вклада» [4; 70]. По данным этого же исследования, 44,2 % предпринимателей считают работу средством реализации способностей и условием достижения успехов в будущем, а также оценивают ее как творческую и интересную, среди других групп населения таких 22 %. Кроме того, 46 % хорошо обеспеченных россиян достижение личного успеха связывают со своим трудолюбием, квалификацией и способностями, против 30 % плохо обеспеченных россиян. 40 % плохо обеспеченных россиян связывают успех с помощью от третьих лиц, а средний класс более ориентирован на самостоятельное достижение успеха (29 % хорошо обеспеченных).

Согласно мнению некоторых ученых [6], ценность специфического ЧК стала снижаться. В разных странах отмечается снижение спроса на специфический капитал, что связывают с техническим прогрессом и возросшими требованиями к быстрой адаптации работника. Кроме того, в России отмечают усиление гибкости рынка труда, сокращение числа уникальных технологий, распространение аутсорсинга, расширение сектора услуг, где фирмы во многом воспроизводят аналогичную бизнес-структуру, неэффективное соединение работника с занимаемым рабочим местом. Иначе говоря, специфический ЧК становится все более общим. «Однако и продолжительный специфический стаж по-прежнему достаточно распространен в России. В 2005 г. около 23 % занятых работали на своих предприятиях более 10 лет. Однако распространенность подобных длительных отношений с одним работодателем значительно снизилась, ведь еще 11 лет назад более чем 10-летний специфический трудовой стаж встречался в 32 % случаев» [5; 8–9].

Считаем, что наш подход к уточнению сути понятия специфического ЧК имеет право на существование, так как «в 2000–2005 гг. работники российских предприятий сталкивались со своего рода “штрафом” за специфичность, который снижал их заработки, поскольку отдача от специфического стажа была отрицательной. Размер “штрафа” составлял от 0,7 до 1,6 % за каждый год работы на данном предприятии» [5; 26]. Данные приводятся, исходя из устоявшейся точки зрения на специфический ЧК. При рассмотрении специфического капитала можно говорить только о «премии за специфичность», которую заинтересованный работодатель будет выплачивать работнику с уникальными свойствами.

Во-первых, говорить о наличии специфического ЧК можно при двух условиях, а именно растущей производительности работника, которая, достигнув максимума, не снижается, и при вероятности появления высоких издержек

в случае прекращения отношений работодателя с этим работником. Из этого предполагаем, что более ценен для работодателя, чем для работника, специфический (идиосинкратический) ЧК.

Во-вторых, о сокращающемся специфическом ЧК можно говорить, если он малоспецифический. Но можно предположить, что востребованность специфического ЧК (идиосинкратического) сохраняется, только меняется форма контракта между носителями ЧК и работодателем. Вместе с распространенным заключением трудового договора на неопределенный срок большее распространение стали получать сделки по устной договоренности, договоры подряда и срочные договоры, притом что работодатель больше склонен к заключению контракта на определенный срок.

Доказана зависимость между стажем работы на одном месте (показателем, отражающим степень специфичности) и выбором формы договора работодателя и работника, подтвержденная на российском материале: «...чем больше стаж работы на данном предприятии, тем большая доля работников трудится по трудовому договору со стажем менее года по такому договору занято 68,3 %, среди работающих от трех до пяти лет – 89,8 %, то среди тех, чей стаж превышает десять лет, постоянно занятыми являются 97,4 %» [2; 64]. Согласно этим данным количество нестандартных форм контрактов снижается по мере увеличения трудового стажа на одном месте работы, а это уже подтверждает выводы теории трансакционных издержек о зависимости формы контракта между работодателем и работником от уровня специфичности ресурса.

Подводя итог, отметим, что представленная модель структуры ЧК позволяет более подробно рассмотреть особенности этого вида капитала, что согласуется с институциональным подходом и элементами теории трансакционных издержек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; Предисл. М. И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Беляева М. Специфичность человеческого капитала и выбор формы контракта субъектами рынка труда // Человек и труд. 2010. № 4. С. 61–64.
3. Дружилов С. А. Психология профессионализма. Инженерно-психологический подход. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 296 с.
4. Жижко Е. О ценности труда и успеха // Человек и труд. 2010. № 1. С. 70.
5. Мальцева И. О. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России? // Научные труды Лаборатории исследований рынка труда: Препринт WP15. НИУ ВШЭ. 2007. № 01. 48 с.
6. Стерлигов И. Трудовая мобильность и стабильность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dozor.kadozog.ru/bz/conf/2007/lirt_05_06_07/
7. Сухарев О. С. Новый институционализм: «ловушки», трансакционные издержки, «теорема Коуза» и время // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10. № 3. С. 39–57 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380379/journal10.3.1-4.pdf>
8. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
9. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.

Lebedeva Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INSTITUTIONAL APPROACH AND ELEMENTS OF TRANSACTION EXPENSES THEORY CONDITIONED THREE ELEMENT ON STRUCTURE OF HUMAN CAPITAL MODEL

The structure of the human capital is considered as a tripartite model. The presented approach is based on the views of foreign and national economists-institutionalists. The purpose of the work is to substantiate identification of the assets' levels in relation to the theory of human capital. This theory forms the basis of the three-level human capital approach instead of the settled two-level approach. The allocated levels of the offered model of human capital are characterized. Multiple data of sociological research are provided to substantiate identification of allocated levels. The author's view on the role played by specific human capital on relationships practiced by an employer and employee is shown. Therefore, the original explanation of the individual's transition from the level of low-specific human capital to a higher level – idiosyncratic (firm-specific capital) is interesting. Correlations between the length of specific human capital saving period and the types of chosen contracts are shown. The choice of contract is especially important for an individual as a bearer of this type of human capital.

Key words: human capital, specific human capital, institutionalism, transactional costs

REFERENCES

1. Bekker G. S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human behavior: economic approach. The chosen works according to the economic theory]. Moscow, GU VShE Publ., 2003. 672 p.
2. Belyaeva M. Specificity of the human capital and choice of the form of contract by the subjects of the labor market [Spetsifichnost' chelovecheskogo kapitala i vybor formy kontrakta sub"ektami rynka truda]. *Chelovek i trud* [Person and work]. 2010. № 4. P. 61–64.
3. Druzhilov S. A. *Psikhologiya professionalizma. Inzhenerno-psikhologicheskoy podkhod* [Professionalism psychology. Engineering and psychological approach]. Khar'kov, Humanitarian Center Publ., 2011. 296 p.
4. Zhizhko E. On the value of work and success [O tseennosti truda i uspekha]. *Chelovek i trud* [Person and work]. 2010. № 1. P. 70.
5. Mal'tseva I. O. Labor mobility and stability: How high are the benefits from specific human capital return in Russia? [Trudovaya mobil'nost' i stabil'nost': naskol'ko vysokaya otdacha ot spetsificheskogo chelovecheskogo kapitala v Rossii?]. *Nauchnye trudy Laboratorii issledovaniy rynka truda: Preprint WP15* [Scientific works of the research laboratory of on the problems of labor market: WP15 pre-print]. 2007. № 01. 48 p.
6. Sterligov I. *Trudovaya mobil'nost' i stabil'nost'* [Labor mobility and stability]. Available at: http://www.dozor.kadozor.ru/bz/conf/2007/lirt_05_06_07/
7. Sukharev O. S. New institutionalism: "traps", transactional expenses, "Kouza's theorem" and time [Novyye institutsionalizm: "lovushki", transaktsionnye izderzhki, "teorema Kouza" i vremya]. *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Vol. 10. № 3. P. 39–57. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380379/journal10.3.1-4.pdf>
8. Uilyamson O. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, "otnoshencheskaya kontraktatsiya"* [The Economic institutions of capitalism: Firms, Markets, Relational contracting]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1996. 702 p.
9. Shastitko A. E. *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New institutional economic theory]. Moscow, Economics department of the Moscow State University, TEIS Publ., 2002. 591 p.

Поступила в редакцию 19.12.2013

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА СМИРНОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал) (Орел, Российская Федерация)

Juliy15@yandex.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗИН

аспирант кафедры административного и муниципального права юридического факультета, Орловский государственный университет (Орел, Российская Федерация)

dimk_189@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В качестве форм реализации права населения на самостоятельное решение вопросов местного значения в настоящей статье рассматриваются указы избирателей, публичные слушания, опросы граждан. Анализируются основные способы взаимодействия жителей с органами местного самоуправления по значимым социальным, политическим, экономическим вопросам местного значения. Дана оценка целесообразности развития данных институтов в российском конституционном и муниципальном праве. На основе комплексного анализа сделан вывод о том, что указы избирателей, публичные слушания, опросы граждан, как формы реализации права населения на самостоятельное решение вопросов местного значения, могут рассматриваться в виде опосредованного общественного контроля населения.

Ключевые слова: Конституция РФ, публичные слушания, указы избирателей, опрос граждан, вопрос местного значения

По смыслу статей 32 (ч. 2), 130, 131 и 132 Конституции Российской Федерации, граждане имеют право на осуществление местного самоуправления и реализуют его путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы самоуправления. Это означает, в частности, что граждане имеют право на участие – непосредственно или через своих представителей – в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, причем как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан на осуществление местного самоуправления возникают на основании Конституции Российской Федерации и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования. Данная позиция подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”» (См.: СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943). В числе прочих форм (выборы, референдум и др.) реализации права граждан на решение вопросов местного значения имеются институты местной демократии, которые реализуются при непосредственном участии органов местного самоуправления и которые следует отнести к формам взаимодействия населения и органов муницип-

пального образования в решении вопросов местного значения. К таким формам относятся указы избирателей, публичные слушания, опросы.

На деятельность главы и структурных подразделений администрации муниципального образования существенное влияние оказывают указы избирателей, поскольку они содержат обширный круг вопросов, касающихся различных сторон жизни местного сообщества, что позволяет главе администрации муниципального образования объективно определять приоритетные направления своей правотворческой деятельности.

На сегодняшний день можно говорить о различных подходах к определению наказов избирателей в региональном законодательстве. Например, указы избирателей – это одобренные собраниями (сходами), конференциями граждан предложения по вопросам социального, экономического и политического развития, удовлетворения материальных и духовных потребностей населения, направленные кандидатам в депутаты областного собрания в период предвыборной кампании (Архангельская область), либо поручения граждан, обладающих активным избирательным правом, депутату (депутатам) областного Совета народных депутатов, имеющие общественно значимый характер и подлежащие обязательной реализации в деятельности областного Совета в случаях и при условиях, установленных законом (Орловская область), либо предложения избирателей, рекомендованные

к выполнению правительством и утвержденные Законодательным собранием (Пензенская область) [2; 238]. К сожалению, такой институт, как наказы избирателей, не регламентирован на федеральном уровне, в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» отсутствует механизм его реализации. Правовая основа данного института определяется законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований и муниципальными правовыми актами. Вместе с тем наказы избирателей являются эффективным механизмом непосредственного участия депутатов и избирателей в решении проблем муниципальных образований, позволяют депутатам более оперативно реагировать на проблемы и насущные нужды рассматриваемого института, следует закрепить механизм его реализации на федеральном уровне.

В г. Орле принято Положение «Об организации работы с наказами избирателей в городе Орле» от 22.02.2007 года № 12/210-ГС, где определен порядок внесения, учета, обобщения, предварительного изучения и принятия к исполнению наказов избирателей. В соответствии со ст. 1 Положения наказами избирателей являются имеющие общественное значение предложения избирателей кандидатам в депутаты, а также депутатам, направленные на решение вопросов местного значения. В правотворческой деятельности исполнительного органа муниципального образования, и в частности главы администрации муниципального образования, институт наказов избирателей, по мнению Д. В. Иванова, используется двояко:

– является одним из базовых элементов в правотворческой деятельности на стадии подготовки нормативно-правового акта;

– обеспечивает контроль местным сообществом за деятельностью главы администрации муниципального образования [3; 156–157].

Развитие данного института в российском конституционном и муниципальном праве целесообразно, поскольку наказы как форма выражения общественного мнения, как средство избирателей привлечь внимание властей к насущным нуждам могут быть, с одной стороны, мобилиующим фактором для органов публичной власти, с другой – средством их единения с избирателями, ради которых они и должны функционировать [9; 37].

Помимо наказов избирателей публичные слушания также влияют на реализацию правотворческих полномочий органами местного самоуправления.

В соответствии с полномочиями главы муниципального образования и в соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах орга-

низации местного самоуправления в Российской Федерации» для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования по инициативе главы муниципального образования могут проводиться публичные слушания. Относительно понимания сущности публичных слушаний в рамках местного самоуправления исследователи высказывают несколько точек зрения. По мнению М. А. Очеретиной, публичные слушания являются конституционно-правовым институтом участия населения публично-территориальных образований в осуществлении публично-властных функций путем открытого непосредственного обсуждения органами власти и гражданами проектов важнейших правовых актов и общественно значимых проблем и вынесения по ним рекомендаций, обязательных для учета компетентными органами власти при принятии соответствующих решений [6; 8]. А. Ф. Ноздрачев определяет публичные слушания как форму участия граждан в выработке решений в основном представительных органов и их аппаратов [5; 22].

Порядок организации и проведения публичных слушаний определяется не только в федеральном и региональном законодательстве, но и в уставе муниципального образования. Законотворец (п. 3 ст. 28) обязывает привлекать население для обсуждения следующих вопросов:

– проекта устава муниципального образования, а также проекта муниципального правового акта о внесении изменений в устав;

– проекта местного бюджета и отчета о его исполнении;

– проектов планов и программ развития муниципального образования, проектов правил землепользования и застройки, проектов планировки территорий и проектов межведомственного взаимодействия, а также вопросов предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, вопросов отклонения от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросов изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;

– вопросов о преобразовании муниципального образования.

Анализируя положения статьи 28, мы видим, что п. 1 включает правовую возможность проведения публичных слушаний, п. 2 обобщает основания проведения публичных слушаний: «Публичные слушания проводятся по инициативе населения, представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования», тогда как в п. 3

в императивной форме излагается элемент должностования: «На публичные слушания должны выноситься...». Данное несоответствие требует устранения. На наш взгляд, из п. 1 ст. 28 следует исключить слово «могут».

К тому же, в соответствии со ст. 28 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 года № 190-ФЗ, в целях соблюдения права человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства публичные слушания по проектам генеральных планов, в том числе по внесению в них изменений, с участием жителей поселений, городских округов проводятся в обязательном порядке. Что подтверждает необходимость исключения слова «могут» из п. 1 ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ. На наш взгляд, данная норма должна звучать следующим образом: «Для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования проводятся публичные слушания».

В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования. Так, в Положении «О публичных слушаниях в городе Орле» от 14 сентября 2006 года установлено, что публичные слушания проводятся в целях: обсуждения и выявления общественного мнения по проекту муниципального нормативно-правового акта, выносимого на публичные слушания; осуществления взаимосвязи органов местного самоуправления с населением, проживающим на территории города; учета предложений и замечаний жителей города Орла при принятии решений органами местного самоуправления.

Указанные вопросы имеют принципиальное значение для местного сообщества в силу того, что:

– устав муниципального образования определяет общие правила осуществления местного самоуправления на конкретной территории, в том числе полномочия и ответственность органов местного самоуправления;

– местный бюджет – это общественный кошелек, и гражданам полезно знать и принимать участие в решении вопросов о том, сколько и на что тратить (особенно если денег немного);

– планы и программы – это перспективы развития территории, ее приоритеты, и участие в их обсуждении позволит жителям не на словах, а на деле решать судьбу своих населенных пунктов;

– вопросы преобразования муниципального образования также принципиально важны, так как они определяют территорию и статус муниципального образования, это вопросы слияния или разделения территорий, изменения статуса и др. [7; 388–392].

Необходимо отметить, что публичные слушания по вышеназванным вопросам проводятся достаточно регулярно. Так, в Орле осенью 2010 года были внесены изменения в Устав Орла, согласно которым мэр стал избираться из состава депутатского корпуса, он же становится и председателем горсовета. Этот вопрос обсуждался на публичных слушаниях, и большинство жителей высказались за то, чтобы отменить прямые выборы мэра (Информация с официального сайта города Орел (<http://orel.er.ru>)). Однако организация и проведение публичных слушаний в малонаселенных, отдаленных и труднодоступных местностях весьма затруднительны. Данная проблема требует законодательного урегулирования на федеральном уровне, в частности внесения изменений и дополнений в п. 4 ст. 28 «Порядок организации и проведения публичных слушаний».

Результаты публичных слушаний регламентируются уставом муниципального образования или нормативно-правовым актом представительного органа муниципального образования. Тем не менее к решениям, принятым в результате публичных слушаний, должны применяться принципы организации местного самоуправления. Так, в Положении «О порядке проведения публичных слушаний в городе Орле» закреплено, что по итогам публичных слушаний итоговый документ публичных слушаний составляется Комиссией или профильным комитетом, проводившим публичные слушания, в течение пяти рабочих дней со дня их проведения. В нем указываются вопрос, выносимый на публичные слушания; краткое содержание предложений и замечаний по рассматриваемому вопросу; их авторы и решение, принятое участниками публичных слушаний по рассматриваемому вопросу. Итоговый документ подписывается председателем Комиссии или профильного комитета, проводившего публичные слушания, а также лицом, председательствовавшим при проведении данных слушаний. Итоговый документ направляется в соответствующий орган местного самоуправления для ознакомления и учета принятого на публичных слушаниях решения при принятии муниципального правового акта. Информация о результате проведения публичных слушаний публикуется в «Орловской городской газете». Ответственным за данную публикацию является инициатор проведения публичных слушаний – либо городской Совет, либо мэр города Орла.

Публичные слушания главы муниципальных образований могут использовать и как средство оказания влияния на представительный орган муниципального образования в случае принципиальных разногласий по принимаемым нормативно-правовым актам. В свою очередь, для местного сообщества публичные слушания представляют собой форму контроля за правотворческой деятельностью представительных и исполнительных органов муниципального образования.

Таким образом, включение института публичных слушаний в число институтов непосредственной демократии имеет принципиальное значение, поскольку население муниципального образования может не только принимать участие в решении вопросов местного значения, но и оказывать непосредственное влияние на правотворческую деятельность главы муниципального образования и исполнительно-распорядительный орган муниципального образования.

В соответствии со ст. 31 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по инициативе главы муниципального образования может проводиться опрос граждан, проживающих на территории муниципального образования, по вопросам местного значения путем принятия специального нормативно-правового акта. И. С. Суркова предлагает следующее определение опроса граждан: это форма участия граждан в осуществлении местного самоуправления, реализуемая посредством голосования по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы граждан по месту их проживания и отнесенным законодательством Российской Федерации к вопросам местного значения, а также по вопросу изменения целевого назначения земель муниципального образования для объектов регионального и межрегионального значения в целях выявления мнения граждан муниципального образования и учета его органами местного самоуправления и органами государственной власти при принятии соответствующего решения [8; 53–58].

Опираясь на существующие определения, можно выделить несколько моментов в определении понятия и правовой природы опроса граждан. Во-первых, опрос граждан следует рассматривать как форму выявления их волеизъявления. Во-вторых, конечной целью опроса граждан является получение от них согласия (одобрения) или несогласия (неодобрения) по

выносимому вопросу или предложению. Мнение граждан носит консультативный и рекомендательный характер для органов публичной власти и должно быть учтено. В то же время данное волеизъявление не обязывает орган публичной власти безоговорочно следовать ему при принятии окончательного решения. В-третьих, ученые, в частности С. А. Авакьян, опрос граждан относят к одному из видов референдума – консультативному (факультативному) референдуму [1; 181–182].

Из анализа ч. 3 ст. 31 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» следует, что местные опросы могут проводиться по вопросам местного значения и вопросу изменения целевого назначения земель муниципального образования для объектов регионального и межрегионального значения. Вместе с тем в ряде муниципальных правовых актов, регламентирующих порядок проведения местного опроса, при определении предмета местного опроса вводится критерий непосредственной заинтересованности жителей муниципального образования в решении вопросов местного значения, выносимых на опрос граждан. Так, например, п. 1 ст. 1 Положения «О порядке назначения и проведения опроса граждан в городе Орле», утвержденного решением Орловского городского Совета народных депутатов от 30 ноября 2006 года № 9/167-ГС, установлено, что на опрос могут быть вынесены вопросы, непосредственно затрагивающие интересы жителей города Орла. В сентябре 2010 года на сайте Администрации г. Орла был проведен опрос граждан по вопросу о будущем здания, расположенного в центре города. Опрос проходил в течение одного дня, в результате горожане высказались за сохранение и реконструкцию здания, представляющего историческую ценность (см.: Российская газета Неделя: Центральная Россия. № 5276 от 2.09.2010).

Проанализированные институты: наказы избирателей, публичные слушания, опросы – влияют на реализацию правотворческих полномочий депутатского корпуса и глав муниципальных образований. Работа данных институтов направлена не только на установление воли населения в решении вопросов местного значения, но и на осуществление опосредованного общественного контроля населения за деятельностью представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В а с ю т к и н Н. Е. Опрос граждан в субъектах Российской Федерации: теоретико-правовые основания // Вестник Бурятского госуниверситета. 2012. № 2. С. 180–184.
2. В а с ю т к и н Н. Е. Правовое регулирование наказов избирателей в Российской Федерации // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 2. С. 236–242.
3. И в а н о в Д. В. Правотворчество представительных и исполнительных органов местного самоуправления: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Челябинск, 2004. 184 с.

4. Мокшина М. А. Наказы избирателей в системе местного самоуправления // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 144–147.
5. Ноздрачев А. Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14–26.
6. Очеретина М. А. Публичные слушания в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 28 с.
7. Сергеева С. Ю. Публичные слушания как формы общественной активности: нормативная основа социальной практики // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 11. С. 388–392.
8. Суркова И. С. Понятие опроса граждан в муниципальных образованиях Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 1. С. 53–58.
9. Тюнина И. И., Тюнин Е. А. Развитие консультативных институтов непосредственной демократии в субъектах Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1. С. 27–38.

Smirnova Yu. M., Russian Academy of National Economy and State Administration
under the President of the Russian Federation (Orel branch) (Orel, Russian Federation)

Kuzin D. A., Orel State University (Orel, Russian Federation)

CHARACTERISTIC FEATURES OF INTERACTION FORMS' REALIZATION BETWEEN POPULATION AND MUNICIPAL AUTHORITIES IN PROCESS OF SOLVING LOCAL PROBLEMS

The article considers electors' mandates, public hearings, and citizens' polls as forms of realization of the people's right to solve local issues independently. The authors analyze basic means of residents' cooperation with local authorities on important local, social, political, and economic issues. The feasibility of these institutions' development in the Russian constitutional and municipal law is assessed. On the basis of comprehensive analysis we concluded that electors' mandates, public hearings, and citizens' polls, as forms of implementation of the people's right to solve local issues independently, may be regarded as indirect social control exercised by the population.

Key words: Constitution of the RF, public hearing, electors' mandates, public poll, local issue

REFERENCES

1. Vasyutkin N. E. Poll of citizens in the Russian Federation: theoretical and legal basis [Opros grazhdan v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovye osnovaniya]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2012. № 2. P. 180–184.
2. Vasyutkin N. E. Legal regulation of the orders of the voters in the Russian Federation [Pravovoe regulirovanie nakazov izbirateley v Rossiyskoy Federatsii]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2011. № 2. P. 236–242.
3. Ivanov D. V. *Pravotvorchestvo predstavitel'nykh i ispolnitel'nykh organov mestnogo samoupravleniya. Dis. ... kand. jurid. nauk* [Lawmaking of the representative and executive bodies of local self-government. PhD. jud. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 184 p.
4. Mokshina M. A. Electors' mandates in the local government [Nakazy izbirateley v sisteme mestnogo samoupravleniya]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2013. Issue 2. P. 144–147.
5. Nozdrachev A. F. Citizen and the state: relations in the twenty-first century [Grazhdanin i gosudarstvo: vzaimootnosheniya v XXI veke]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. 2005. № 9. P. 14–26.
6. Ocheretina M. A. *Publichnye slushaniya v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Public hearing in the constitutional law of the Russian Federation. Author's abstract of PhD. jud. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2009. 28 p.
7. Sergeeva S. Yu. Public hearings as a form of social activity: normative basis of social practice [Publichnye slushaniya kak formy obshchestvennoy aktivnosti: normativnaya osnova sotsial'noy praktiki]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University]. 2009. № 11. P. 388–392.
8. Surkova I. S. Population survey conducted in municipalities of the Russian Federation: problems of legal regulation [Ponyatie oprosa grazhdan v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Rossiyskoy Federatsii: problemy pravovogo regulirovaniya]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Proceedings of Irkutsk State Economic Academy]. 2011. № 1. P. 53–58.
9. Tyunina I. I., Tyunin E. A. Development of advisory institutions of direct democracy in the subjects of the Russian Federation [Razvitie konsul'tativnykh institutov neposredstvennoy demokratii v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State University]. 2010. № 1. P. 27–38.

Поступила в редакцию 17.03.2014

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА ЧЕРТЕНКОВА
соискатель кафедры административного и финансового
права юридического факультета, Петрозаводский госу-
дарственный университет (Петрозаводск, Российская Фе-
дерация)
Chertenkova@mail.ru

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СПОРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА*

Приводятся существующие способы применения медиации в зарубежных странах, выявляются их особенности. Исследуются причины возникновения потребности в применении медиации при разрешении административного спора. В качестве исследовательской задачи определена попытка оценить существующие предпосылки возможности применения данной процедуры при разрешении административного спора в России. Для выполнения поставленной задачи используется сравнительный метод опыта зарубежных стран. На основе рассмотренных примеров сделаны выводы об актуальности и преимуществах данной процедуры по сравнению с уже применяемыми в России способами разрешения административных споров.

Ключевые слова: медиация, государственный орган, должностные лица, административная санкция

В процессе жизнедеятельности между сторонами, которые вступают в различные отношения, зачастую возникают ситуации, которые приводят к спору. Для административных споров характерно то, что они возникают между государственными органами, с одной стороны, и гражданами и субъектами предпринимательской деятельности – с другой. Данные споры – одни из самых трудных правовых институтов в современной юридической практике. Трудность в том, что одной из сторон в таких спорах является власть. В российском законодательстве существует две основные формы разрешения административных споров: досудебный порядок урегулирования спора посредством подачи жалобы в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу и судебный – посредством подачи заявления в суд [1]. В результате применения данных способов урегулирования административного спора одна из спорящих сторон в полной мере подтверждает свою правоту, а вторая остается ни с чем.

Несмотря на то что разрешение административных споров обращено в четко процессуальную форму, в настоящее время все чаще поднимается вопрос о применении альтернативных способов разрешения данных споров. Проследив судебную практику разрешения административных споров, можно отметить, что по данной категории дел уже заключаются мировые соглашения, что казалось бы странным в публично-властных отношениях. Статьей 190 Арбитражного процессуального кодекса РФ установлено, что экономические споры, возникающие из административных и иных публичных отношений, могут быть урегулированы сторонами по правилам, установленным в главе 15 настоящего кодекса, путем заключения соглашения или с использованием других примирительных про-

цедур, если иное не установлено федеральным законом. Таким образом, можно констатировать, что по некоторым категориям административных споров возможно применение иных способов урегулирования таких споров, которые принято называть альтернативными. Одним из альтернативных способов урегулирования спора – АРС (англ. *alternative dispute resolution, ADR*) является процедура с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – посредника, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения. Такая процедура называется медиацией¹. Медиация эффективно применяется в гражданских правоотношениях, правовой статус данной АРС был закреплен ФЗ Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)». Законодательство РФ пока не предусматривает данную форму разрешения споров по административным делам, но в настоящее время ведутся конструктивные дискуссии о возможности применения медиации в сфере административного права, в частности при разрешении налоговых споров². В нашей стране институт разрешения административных споров при участии посредника еще не развит, хотя уже есть определенные предпосылки. Если говорить о налоговых спорах, то 2 июля 2013 года был принят ФЗ № 153-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации». Этот закон был подготовлен на основании предложений ФНС России и предусматривает изменение процедуры досудебного урегулирования налоговых

споров. Основным концептуальным изменением, которое вводится данным законом, является введение обязательной процедуры обжалования до суда всех налоговых споров [2]. Как раз на этой стадии и рассматривается возможность применения процедуры медиации.

В отличие от России в странах Европы уже достаточно давно применяется медиация при разрешении административных споров и уже наработан соответствующий опыт, который можно взять за основу и попытаться проецировать его как выработку дополнительной альтернативной процедуры разрешения споров, возникающих при участии государственных органов.

В большинстве стран альтернативы судебному рассмотрению административных споров используются в определенных областях, в частности при принудительном отчуждении с уплатой компенсации, при заключении субподрядного договора по оказанию услуг общественного характера, по публичным контрактам в целом, при выплатах компенсаций жертвам несчастных случаев, в случаях борьбы против неравенства, по вопросам градостроительства, административных санкций, по экологическим и налоговым спорам, дополнениям и изъятиям разрешений и лицензий [3]. Так, в некоторых странах (Литва, Бельгия, Англия, Мальта, Испания, Нидерланды) были приняты общие системы альтернативного разрешения споров. Эти системы позволяют любому органу государственной власти пользоваться в соответствующих случаях процедурой АРС. Литва предлагает пример общей системы для внесудебного урегулирования административных споров, позволяющей истцам, за исключением нескольких случаев, выбирать на начальном этапе между судебным и внесудебным путем разрешения дела. В Бельгии Закон о медиации 2005 года относится ко всем типам медиации, включая административные споры. Публичные организации могут заключать соглашения о медиации в случае, предусмотренном законом или указом, изданным Советом министров. Также обсуждается вопрос о получении представителями власти в соответствии с установленным внутренним порядком полномочий для участия в процедуре медиации. Медиация может применяться в случае рассмотрения вопросов об административных санкциях к несовершеннолетним не старше 16 лет, перед применением санкций муниципальный орган должен осуществить процедуру медиации. Закон о муниципальных образованиях предусматривает, что муниципалитеты могут применять процедуру медиации в случае нарушения установленных муниципальных правил, влекущих за собой применение административных правил. Если медиация оказывается успешной, то компетентный административный орган вправе смягчить санкцию. В Англии принята политика стимулирования разрешения административных спо-

ров, прежде всего через создание трибуналов, медиации, предписанной судом, и расширения медиативных функций омбудсмена. На Мальте каждое министерство обязали создать офис, целью которого будет оказание помощи в разрешении споров между индивидуумами и правительственными департаментами, находящимися в сфере компетенции министерства. В Венгрии Актом по общим правилам административной процедуры предусмотрено, что если характер дела позволяет, административные власти до вынесения решения сначала должны попытаться достичь соглашения между заинтересованными сторонами. Если попытка удастся, административные власти утверждают соглашение и включают его в свое решение. Испания установила основы регулирования применимости разрешенной административных споров, достигнутого посредством переговоров. Основами установлено, что органы государственной власти могут заключать различные виды соглашений, урегулированных или контрактов со сторонами согласно частному праву или публичному праву при условии, что они не будут противоречить судебной процедуре или касаться дел, не подлежащих урегулированию по соглашению сторон, и дел, имеющих публичный интерес. В Нидерландах медиация в административных спорах применяется в основном в случаях пересмотра судебных решений по применению Акта об общих принципах административного права, в налоговых спорах, также была применена в сфере погашения долгов, где судебные исполнители могут обсуждать условия выплат с должником [3].

Приведенные примеры говорят о том, что в Европе широко применяется процедура медиации при разрешении административных споров. Так, согласно Рекомендации 9-го Комитета министров Совета Европы 5 сентября 2001 года «Об альтернативных судебных разбирательствах разрешения споров между административными органами власти и частными лицами», средства, альтернативные судебным разбирательствам, должны быть разрешены или в отношении всех дел, или отдельных дел, подпадающих под соответствующую категорию, в частности в отношении дел, связанных с индивидуальными административными актами, контрактами, гражданской ответственностью и в целом с требованиями, касающимися определенной суммы денег. Таким образом, Европейский совет также способствует развитию альтернативной процедуры разрешения споров.

Анализ зарубежной практики позволяет сделать вывод о том, что споры, по которым применяется медиация, – это преимущественно те, в которых должны быть разрешены множественные проблемы, где вопросы сложны и поддаются урегулированию путем переговоров, где нет единственного правильного решения и стороны желают поддержать или нуждаются в поддержке

продолжающихся отношений, споры с незначительным собственно правовым содержанием, не требующие интерпретации правовых норм, наложения санкций за злоупотребление властью, признания публичного интереса или принудительного осуществления гражданских свобод.

Ценное преимущество медиации в том, что эта процедура позволяет расширить предмет спора, который обычно узко определяется перед государственными органами и судами или объединяет другие конфликты или уровни конфликта [3].

Рассматривая достижения зарубежных стран в применении медиации для разрешения административных споров, можно констатировать тот факт, что альтернативный способ разрешения спора, с участием посредника, уже заслужил признание в Европе и дает положительные результаты. В России также существует множество вопросов, вытекающих из административно-правовых отношений, требующих не фор-

мального подхода или «сложившейся судебной практики», которые зачастую применяются государственными органами и должностными лицами, наделенными властными полномочиями, а индивидуального подхода и всестороннего изучения ситуации. Поэтому введение в административный процесс беспристрастного, независимого участника позволит сторонам спора решить его на взаимовыгодных условиях или хотя бы в процессе обсуждения, разрешить разногласия путем переговоров, тем самым уменьшив конфликт интересов, который на данный момент наблюдается между государственными органами и гражданами, субъектами предпринимательской деятельности. Урегулирование разногласий с помощью медиативного подхода может стать залогом повышенной эффективности работы государственных органов в целом, что, в свою очередь, приведет к уменьшению количества административных споров.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Медиация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/>

² Медиация в публично-правовых отношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mosmediator.narod.ru/index/0-34>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории: Монография. М.: РУДН, 2009. 692 с.
2. Шамликашвили Ц. Медиативный подход к налоговым спорам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/6/>
3. Шварц О. Краткое изложение Сборника лучшей европейской практики по внесудебному рассмотрению споров между органами государственной власти и частными лицами – ответы на вопросы бенефициара [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text24

Chertenkova N. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ASSESSMENT OF POSSIBILITY TO APPLY MEDIATION PROCEDURES IN ADMINISTRATIVE DISPUTE SETTLEMENT

The concept of mediation and possibility of its application are considered. Characteristic features of mediation procedures are revealed. The causes of growing demand for mediation procedures' employment during administrative dispute resolutions are studied. One of the research tasks is to assess existing prerequisites for mediation procedures' introduction and use on the territory of the Russian Federation. To realize the goal of the research a comparative analysis normally used in foreign countries is employed. Conclusions on the significance of mediation procedures for national practice in administrative dispute settlements and their advantages, if compared with the methods already introduced on the territory of the Russian Federation, are drawn.

Key words: mediation, government body, officials, administrative sanction

REFERENCES

1. Zelentsov A. B. *Administrativno-pravovoy spor: voprosy teorii: Monografiya* [Administrative and legal dispute: theory questions: Monograph]. Moscow, RUDN Publ., 2009. 692 p.
2. Shamlikashvili Ts. *Mediativnyy podkhod k nalogovym sporam* [Mediation approach to tax disputes]. Available at: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/6/>
3. Shvarts O. *Kratkoe izlozhenie Sbornika luchshey evropeyskoy praktiki po vnesudebnomu rassmotreniyu sporov mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti i chastnymi litsami – otvety na voprosy benefitsiara* [A summary compilation of the best European practices on extrajudicial consideration of disputes between the public authorities and private persons – the answers to the questions of the beneficiary]. Available at: http://mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text24

Поступила в редакцию 18.03.2014

УДК 821.161.1

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
naturv@mail.ru

Рец. на кн.: Колесова, Л. Н. Проза для детей: XX век, вторая половина / Л. Н. Колесова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 295 с.; Колесова, Л. Н. Детские журналы России (1785–1917) : учеб.-метод. комплект / Л. Н. Колесова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. – 260 с.

В Издательстве ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 годы вышли книги преподавателя детской литературы и журналистики, кандидата филологических наук, доцента Ларисы Николаевны Колесовой. Монография «Проза для детей: XX век, вторая половина» отражает итоги многолетней работы ученого. Часть материала по мере его накопления печаталась в различных, как правило, малотиражных изданиях. В книгу они вошли в переработанном и дополненном виде. На обширном литературном материале рассматриваются как теоретические, так и конкретные, частные вопросы прозы для детей второй половины XX века – советского и постсоветского периодов: специфика детской литературы, и прозы в частности, герой детской литературы, особенности поэтики и т. д. В первой главе «Как оно все начиналось да как продолжалось...» выявлены тенденции литературного развития, представлен обстоятельный обзор научной, критической литературы, посвященной истории детской прозы и процессам, происходившим в ней с 1917 года до начала XXI века. Вторая глава «Specificum детской литературы» посвящена одной из актуальных проблем – анализу особенностей детской литературы (внутренний мир ребенка, двухадресность, возраст, психологизм и т. д.). Первые две главы задают не только историко-литературные, но и теоретические параметры изучения детской прозы. На большом литературном материале исследуются особенности изображения взрослого и юного героев в полувековом временном диапазоне в третьей главе «Герой детской литературы». Важное место здесь отводится представлению образа девочки, который в детском произведении имеет свои существенные особенности как в содержательном, так и поэтическом плане. Отдельные элементы поэтики детской прозы анализируются в четвертой главе – мотив «двойничества», герой-повествователь, параллелизмы, циклизации, роман в повестях, художественная деталь. Анализ отдельных элементов поэтики как достаточно хорошо изученных художественных произведений («Два капитана» В. Каверина, «Конduit и Швамбрания» Л. Кассиля), так и почти не исследованных литературоведами («Мушкетер и фея» В. Крапивина, «Русские мальчики» А. Лихано-

ва) дают возможность по-новому увидеть те и другие. Л. Н. Колесова проникает в творческую лабораторию писателя, раскрывая авторский замысел. Последняя глава монографии «Сказка и действительность» посвящена литературным сказкам А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и Е. Шварца «Золушка», в которых отразились реалии своего времени.

Одним из научных интересов Л. Н. Колесовой является журналистика для детей. Детской журналистике XX века посвящено ее учебное пособие «Детские журналы Советской России. 1917–1977» (1993) и монография «Детские журналы России. XX век» (2009). История и теория отечественных детских журналов конца XVIII – начала XX века – область малоизученная. Новый учебно-методический комплект «Детские журналы России (1785–1917)» заполняет эту лакуну и представляет первое исследование по теме. Издание состоит из трех разделов: «Детские журналы России (1785–1917)», «Хрестоматия», «Методические материалы». В учебном пособии анализируется развитие детской журналистики дореволюционного периода, специфика изданий, структура и жанровое своеобразие. Журналы рассматриваются в хронологическом порядке, приводится история возникновения издания, состав сотрудников, целевая установка, идейная направленность, структура, содержание, жанровые и оформительские особенности, возрастной адрес. Хрестоматия знакомит с широким кругом журналов, их различными подходами, точками зрения на историю, с оценками их деятельности, вклада в развитие журналистики. Здесь представлены статьи В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, П. В. Засодимского, А. Н. Острогорского, А. А. Радакова, Н. В. Чехова. Методические материалы включают программу курса «История детской журналистики. 1785–1917», контрольные вопросы по курсу и список рекомендованной литературы.

Показать процесс становления и развития отдельных журналов и в целом детской журналистики России исследуемого периода – труд необходимый и сложный. Несмотря на обширность временного диапазона и журнального материала, это первая в своем роде попытка, и она Л. Н. Колесовой удалась.

Поступила в редакцию 02.04.2014

ГЕРМАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЧУМАКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tschumakov@bk.ru

*Рец. на кн.: Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – 495 с.**

История взаимоотношений между Россией и Финляндией в XX веке характеризуется резкими перепадами и колебаниями от одной позиции к другой. Особенно ярко это проявилось в первой половине минувшего века. До 1917 года Финляндия являлась частью Российской империи. В 1918 году в ходе Великой российской революции происходит обретение полного государственного суверенитета и независимости. Последующие два десятилетия становления финляндской государственности характеризовались напряженными межгосударственными отношениями между нашими странами, что и привело на рубеже 1930–1940-х годов к двум кровопролитным войнам (1939–1940 годов и 1941–1944 годов), нанесшим значительный ущерб обоим государствам. И лишь после окончания Второй мировой войны наступил продолжительный период мирных взаимовыгодных отношений, продолжающийся и в настоящее время. Ради закрепления этих дружественных отношений по обоюдному согласию правящих кругов Советского Союза и Финляндии в послевоенные годы почти на полвека был наложен своего рода мораторий на изучение и рассмотрение острых вопросов совместной истории. И лишь в последнее десятилетие XX века историки наших стран получили возможность исследовать закрытые до того страницы советско-финляндских отношений.

Вышедшая в свет буквально в первые дни начавшегося 2014 года книга «Избранное. Из истории советско-финляндских отношений» двух известных историков России – доктора исторических наук, профессора Николая Ивановича Барышникова (Санкт-Петербург) и кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ПетрГУ Эйнара Петровича Лайдинена (Петрозаводск) – стала серьезным шагом на этом пути. Своёобразие книги в том, что ее авторы принадлежат к двум разным поколениям. Николай Иванович Барышников – ветеран Великой Отечественной войны, участник многих событий, ставших позднее предметом его исследовательской деятельности. Эйнар Петрович Лайдинен родился в 1950 году, но в силу своей профессии (сотрудник органов госбезопасности) имел представление о многих скрытых причинах советско-финляндских отношений в после-

военный период. К огромному сожалению коллег и друзей, оба ученых уже два года как ушли из жизни. Но остались их многочисленные опубликованные и неопубликованные труды, которые не потеряют своей научной ценности еще многие годы.

Появление данной книги стало возможным прежде всего благодаря усилиям доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Барышникова (сын Н. И. Барышникова) и доктора исторических наук, профессора С. Г. Веригина. Именно они проделали огромную работу по отбору и редактированию материала. И, конечно же, издание стало возможным при финансовой поддержке Петрозаводского государственного университета по линии Программы стратегического развития научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 годы.

Книга состоит из двух частей. В первой части представлены труды Николая Ивановича Барышникова, а во второй части – Эйнара Петровича Лайдинена. Общим является то, что они исследуют белые пятна в истории советско-финляндских отношений за продолжительный период 1920–1950-х годов. Практически все представленные в сборнике труды были написаны на основе новых, относительно недавно рассекреченных документов российских и финляндских архивов. Содержание этих исследований вызвало не только большой научный интерес в среде историков, но и широкий общественный резонанс в обеих странах.

Представленные исследования Н. И. Барышникова подразделяются на три взаимосвязанные группы работ. Во-первых, это статьи, в которых рассматриваются вопросы политического развития Финляндии в 1930-е годы, в период так называемой Зимней войны и сразу после ее окончания. Перечень названий этих статей («Президенты Финляндии Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен об оценке проблемы безопасности Ленинграда», «Маннергейм и Геринг: плоды сближения и сотрудничества», «В канун Зимней войны» и др.) позволяет понять направленность исследовательских интересов автора (с. 50–115). Вторая группа статей Н. И. Барышникова посвящена преимущественно изучению роли Финляндии в военных действиях против СССР в годы Великой Отечественной войны (с. 16–216),

и особенно участию финских войск совместно с германскими в блокаде Ленинграда. Автор анализирует и оценивает как дипломатические, так и военно-политические аспекты советско-финляндского противостояния в Карелии и под Ленинградом. И вполне аргументированно звучит вывод одной из статей: «Ход событий конца лета – начала осени 1944 года развеивает миф о якобы имевшемся у Советского Союза намерении лишить Финляндию самостоятельности» (с. 196).

И, наконец, в третьей группе работ Н. И. Барышникова анализируется непростой процесс формирования добрососедских отношений между СССР и Финляндией (с. 217–256). Автор отмечает, что в условиях развернувшейся в мире холодной войны строительство новых отношений между нашими странами потребовало от тогдашнего высшего политического руководства Финляндии известного мужества и дальновидности.

Ценность работ Н. И. Барышникова заключается в том, что он не боялся исследовать наиболее острые и болезненные сюжеты совместной российско-финляндской истории, давая им максимально объективную оценку.

Вторая часть книги представлена уникальными, на наш взгляд, трудами Эйнара Петровича Лайдинена. Их уникальность заключается в том, что Э. П. Лайдинен первым в нашей стране занялся углубленным систематическим изучением всех сторон драматического противостояния и противоборства спецслужб СССР и Финляндии на протяжении почти трех десятилетий – от возникновения Финляндской Республики и до завершения Второй мировой войны. Сама по себе история деятельности разведок и контрразведок любых стран мира являлась и продолжает оставаться сферой, по-настоящему огражденной от посторонних любопытных взглядов, в том числе и от профессиональных историков. И все же в последние два десятилетия на этом направлении исторической науки начали происходить изменения в сторону большей открытости. Еще находясь на службе в органах госбезопасности, Э. П. Лайдинен по собственной инициативе стал изучать историю спецслужб СССР и Финляндии. Практическим результатом этого стала

успешная защита кандидатской диссертации на тему «Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России в 1914–1939 годах». Диссертация и вышедшие в дальнейшем многочисленные труды Э. П. Лайдинена были выполнены почти исключительно на основе архивных источников, подавляющее большинство из которых впервые было введено в научный оборот. Кроме того, прекрасно владея финским языком, автор использовал многочисленные финские источники и исследования.

Э. П. Лайдинен стал инициатором создания в Архиве УФСБ РФ по РК комиссии по рассекречиванию архивных документов советских спецслужб на территории Карелии за 1920–1940-е годы. Теперь эти документы стали доступны отечественным исследователям.

Отобранные для издания труды Э. П. Лайдинена представляют лишь небольшую часть его научного наследия. Первая группа статей посвящена практически неисследованным страницам противоборства советских и финских спецслужб в 1920–1930-е годы (с. 278–417). Названия представленных работ подтверждают новизну исследований: «Хроника преследования (судьба семьи А. Ф. Нуортена)», «Сортавала – финский разведывательный центр в Северном Приладожье в 1918–1944 гг.», «Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940 гг.)» и др. Во второй группе работ исследуется деятельность советских органов госбезопасности в период советско-финляндской войны 1939–1940 годов (с. 418–464). Приведенные в этих статьях сведения до этого отсутствовали на страницах открытой печати. Третий раздел посвящен различным аспектам ожесточенной тайной войны советских и финских спецслужб в 1941–1944 годах (с. 465–495).

Анализ научного аппарата трудов Э. П. Лайдинена ярко показывает эксклюзивность всех его исследований.

Рецензируемое издание будет интересно не только для историков-специалистов, но и, несомненно, привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся историей советско-финляндских отношений XX века.

*Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (НОЦ «Русский Север» Института северо-европейских исследований ПетрГУ).

22 апреля 2014 года исполнилось 85 лет доктору экономических наук, профессору кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета Петрозаводского государственного университета *Алексею Севастьяновичу Ревайкину*.

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН

К 85-летию со дня рождения

А. С. Ревайкин родился в селе Большие Ремезенки Чамзинского района Мордовской АССР. Постоянным местом жительства была станция Энгозеро Лоухского района Карельской АССР. Трудовая деятельность Алексея Севастьяновича началась в 1943 году и продолжается до сегодняшнего дня – более 70 лет! За это время Алексей Севастьянович работал помощником машиниста, машинистом паровоза, комсомольским, партийным работником, заведующим отделом экономики Карельского филиала АН СССР, директором Дальневосточного филиала НИИ по ценообразованию, консультантом по энергетике, транспорту и связи группы консультантов по народному хозяйству в Администрации Председателя правительства Республики Карелия, главным научным сотрудником Института экономики Карельского научного центра РАН, профессором кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета ПетрГУ. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 14 аспирантов.

Алексей Севастьянович – участник основных исследований Института экономики КарНЦ РАН: «Энциклопедия “Республика Карелия”», многотомная «История экономики Карелии» и другие серьезные работы. Он активный автор журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

За плодотворную научную, организационную и общественную работу Алексей Севастьянович Ревайкин награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Карельской АССР, Президиума АН РАН, Карельского филиала АН СССР, Карельского научного центра РАН, ПетрГУ, благодарственными письмами Главы Республики Карелия. В 2004 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия».

От всей души поздравляем Алексея Севастьяновича с юбилеем и желаем здоровья, продолжения профессиональной деятельности и любви своих домочадцев!

CONTENTS

HISTORY

- Takala I. R.*
FROM FENNOPHILIA TO FENNOMANIA:
HENRIK GABRIEL PORTHAN AND DEVELOP-
MENT OF FINNISH NATIONAL THOUGHT 7

- Staritsyn A. N.*
OLD BELIEVERS' SETTLEMENTS OF DIO-
DORO-YUR'EGORSKIY MONASTERY AND
ITS SURROUNDINGS 18

- Kuznetsova N. Yu.*
OLD BELIEVERS' SATIRICAL COMPOSITION
"HELLISH NEWSPAPER" IN ASSESSMENTS GI-
VEN BY A. S. PRUGAVIN AND A. N. AFANSYEV . . . 24

CULTUROLOGY

- Stachinskiy V. I.*
CORRELATION BETWEEN EPICAL AND LYRI-
CAL IN "KALEVALA" EPOS (ON THE EXAM-
PLE OF KULLERVO IMAGE FROM BELO-
BORODOV'S SYMPHONY № 2) 28

- Bouras A.*
ON MUSICAL TERMINOLOGY INFLUENCE
ON THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN
AVANT-GARDE 33

PEDAGOGICS

- Ostroumova Yu. S.*
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF
PEDAGOGICAL TRAINING IN PHYSICS FOR
CONTEMPORARY KNOWLEDGE INTENSIVE
TECHNOLOGIES 38

SOCIAL SCIENCE

- Bezrukova O. A.*
RESPONSIBILITY ETHICS FROM POSITIONS
OF MODERN SOCIOLOGICAL METHODOLOGY . . 42

POLITICAL SCIENCE

- Inozemtseva V. A.*
TRANSPARENCY OF LOCAL SELF-GOVERN-
ING BODIES AS FACTOR OF STABILITY AND
COMMUNITY DEVELOPMENT (CASE STUDY
OF PETROZAVODSK CITY DISTRICT) 47

PHILOLOGY

- Krylova M. N.*
PRECEDENT SITUATIONS IN FIGURATIVE
SYSTEM OF MODERN RUSSIAN COMPARI-
SON 50

- Fedorov M. A.*
PEASANTS' PERCEPTION OF TIME: REPRE-
SENTATION OF "TIME" CONCEPT IN EX-
PLANATORY DICTIONARY BY V. DAHL 55

- Baykova V. V.*
TYPOLOGY OF PROPER NAMES USED IN ON-
EGA HEROIC POEMS AND "KALEVALA" EPOS . . . 59

- Malyshev A. A.*
REASONING ON LANGUAGE AND STYLE IN
"NOTES TO SAINT PETERSBURG SHEETS"
(1728–1742) 62

- Semenova O. V.*
OCCASIONAL USE OF TERMS, BUREAU-
CRATESE, AND PHRASEOLOGICAL LOCU-
TIONS IN A. PLATONOV'S STORY "KOTLOVAN" . . 66

- Kolesnikova E. I.*
WRITERS' NOTEBOOKS AND MILITARY DIA-
RIES: GENRE'S CHARACTERISTICS 70

- Simonova L. A.*
FRENCH PERSONAL NOVEL: GENRE PROBLEMS. 74

- Romanovskaya I. V.*
HISTORY OF ANDREY PLATONOV'S FIRST
PUBLICATION IN SWEDEN 79

PHILOSOPHY

- Martishina N. I.*
FEMINIST PHILOSOPHY OF SCIENCE: BOR-
DERS OF THEMATIC SPACE 82

- Gryakalov N. A.*
PATTERNS AND VARIATIONS (ON PHYLOG-
ENY OF CONSCIOUSNESS) 88

- Kukso K. A.*
PRINCIPLES OF SOMATIC FRAGMENTATION:
GENEALOGY AND ALTERNATIVES 91

- Skripchenko D. V.*
SPACES OF MASS MEDIA: "MODERN" AND
"POSTMODERN" APPROACHES 94

ECONOMICS

- Strel'tsova E. D., Borodin A. I., Katkov E. V.*
TOOLS OF STRATEGIC MANAGEMENT OF
INDUSTRIAL ENTERPRISE SUSTAINABLE
DEVELOPMENT 98

- Bozhko L. M.*
MODEL OF MARKETING ASSESSMENT OF
STRATEGIC EFFICENCY IN CASE OF ORGAR-
NIZATIONAL CHANGES 103

- Lebedeva Yu. V.*
INSTITUTIONAL APPROACH AND ELEMENTS
OF TRANSACTION EXPENSES THEORY CON-
DITIONED THREE ELEMENT ON STRUCTURE
OF HUMAN CAPITAL MODEL 107

LEGAL STUDIES

- Smirnova Yu. M., Kuzin D. A.*
CHARACTERISTIC FEATURES OF INTERAC-
TION FORMS' REALIZATION BETWEEN POP-
ULATION AND MUNICIPAL AUTHORITIES IN
PROCESS OF SOLVING LOCAL PROBLEMS 112

- Chertenkova N. P.*
ASSESSMENT OF POSSIBILITY TO APPLY ME-
DIATION PROCEDURES IN ADMINISTRATIVE
DISPUTE SETTLEMENT 117

REVIEWS

- Urvantseva N. G.*
The book review: Kolesova L. N. Russian journals
for children (1785–1917) 120

- Chumakov G. V.*
The book review: Barishnikov N. I., Laydinen E.P.
Excerptum. From the history of the Soviet-Finish
relationship 122

JUBILATION

- To the 85th Birthday Anniversary of
A. S. Revaykin 123